

TEN
PERCENT
OF LIFE

A
NOVEL
BY

Hiber Conteris

ХИБЕР КОНТЕРИС

**ДЕСЯТЬ
ПРОЦЕНТОВ
ЖИЗНИ**

Оглавление

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА	3
ПРИМЕЧАНИЕ АВТОРА.....	10
ПРЕДИСЛОВИЕ	11
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	12
Лос-Анджелес, сентябрь 1956	12
Понедельник, 23-е	12
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	32
Биг-Бэр-Лэйк.....	32
Лето 1950	32
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ	40
Лос-Анджелес, сентябрь 1956	40
Вторник, 24-ое.....	40
Среда, 25-ое	72
Четверг, 26-ое.....	93
Пятница, 27-ое	123
ОБ АВТОРЕ	152
АВТОРЫ «ЧЁРНОЙ МАСКИ»	155

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Лос-Анджелес, понедельник, 23-е сентября 1956 года. Посреди приготовления завтрака Филип Марлоу оставляет наполовину приготовленную яичницу с беконом, покидает квартиру и спускается вниз, чтобы забрать почту из ящика на первом этаже. На дворе конец лета 1956 года... Он разворачивает широкие страницы тонкого скучного сентябрьского номера «Лос-Анджелес Таймс». Единственная новость, которая привлекает внимание Марлоу, находится на двадцать шестой странице в разделе криминальных новостей. Она едва заполняет две колонки и вкратце рассказывает об обнаружении трупа литературного агента Йенсида Андресса; предполагается, что он покончил с собой перед лицом неминуемого банкротства и обвинений в мошенничестве, выдвинутых его влиятельными клиентами.

Такова завязка романа уругвайского писателя Хибер Контериса (1933-2020) «Десять процентов жизни» (1985) о частном детективе Филипе Марлоу, изначально порождённом воображением американского писателя Рэймонда Чандлера (1889-1959).

Поклонникам творчества Чандлера, возможно, знакомы произведения о Марлоу, принадлежащие перу других авторов¹, как известных в России (в их числе, например, американский писатель Роберт Паркер, автор серии «крутых детективов» с участием частным детектива Спенсера), так и менее известных.

Предлагаемый вниманию читателя роман может быть интересен, по крайней мере, по следующим причинам.

Во-первых, это было первое произведение о Марлоу, написанное другим автором. Да, именно так, на языке оригинала этот роман вышел в далёком 1985 году. Тремя годами позже, к столетию со дня рождения Чандлера, была выпущена антология рассказов о Марлоу различных авторов. А незаконченный Чандлером роман «Пудл-Спрингс», завершённый Робертом Паркером, был опубликован только в 1989 году, ещё год спустя. И именно Хибер Контерис является превопроходцем в данной области.

Во-вторых, насколько известно мне, подавляющее большинство продолжателей дела Чандлера являлись писателями если не американскими, то, по крайней мере, анлоязычными, как, например, ирландский автор Джон Бэнвилл, опубликовавший свой роман «Черноглазая блондинка» под псевдонимом Бенджамин Блэк.

Уругвайский писатель Хибер Контерис, хотя и преподавал в Соединённых Штатах довольно продолжительное время, является автором испаноязычным, и оригинальное издание данного романа вышло в Мадриде на испанском языке.

В-третьих, интересно само построение романа. В канонических произведениях о Марлоу повествование ведётся от первого лица, все события и чувства героя можно наблюдать и переживать от лица Марлоу. Здесь же Контерис отступает от канонов, насколько удачно это у него получается, можно судить, прочитав роман.

¹ В Сети, в частности, можно найти мои переводы романов «Пудл-Спрингс» (1989) — завершённый Робертом Паркером роман Рэймонда Чандлера, «И видеть сны быть может...» (1991) — продолжение чандлеровского «Глубокого сна» (1939) того же Роберта Паркера, «Черноглазая блондинка» (2014) Бенджамина Блэка — продолжение, возможно, лучшего романа Чандлера «Долгое прощание» (1953).

В-четвёртых, не так уж много в литературе встречается произведений, в которых литературный герой сталкивается со своим создателем. Надеюсь, не раскрою большого секрета, если сообщу, что здесь случится именно так, и сам Чандлер является одним из героев этого романа.

Трудно оценить насколько удачно всё получилось у Хиберы Контериса, каждый, полагаю, сможет сам дать свою собственную оценку этому произведению. На мой скромный взгляд, получилось явно лучше откровенно слабого паркеровского «И видеть сны быть может...», и, возможно, на уровне «Блондинки» Блэка – сравнивать с «Пудл-Спрингс» мне представляется не вполне корректным, поскольку частично это, всё-таки, произведение Чандлера.

Если же вернуться к пост-чандлеровской библиографии Марлоу, то, на самом деле, насколько мне известно, она не так уж и обширна, и на данный момент включает в себя следующие произведения.

- Хибер Контерис «Десять процентов жизни» (1985)
- «Филип Марлоу Рэймонда Чандлера: Празднование столетия» (1988) — антология рассказов различных авторов, выпущенная к столетию со дня рождения Рэймонда Чандлера, включающая в себя 23 истории различных авторов.
- Рэймонд Чандлер, Роберт Паркер «Пудл-Спрингс» (1989)
- Роберт Паркер «И видеть сны быть может» (1991) – продолжение романа Рэймонда Чандлера «Глубокий сон» (1939)
- Бенджамин Блэк (псевдоним Джона Бэнвилла) «Черноглазая блондинка» (2014) – продолжение романа Рэймонда Чандлера «Долгое прощание» (1953)
- Лоуренс Осборн «И только уснуть» (2018)

Как мне известно, антология и роман Осборна на русский язык не переводились. Если ничего не случится, то у меня значится в планах обратиться к ним. Но, когда это случится, я, честно говоря, не знаю.

Если у Вас есть вопросы, предложения, замечания и т.п., Вы можете написать мне по адресу электронной почты wepricki@gmail.com. Не обещаю, что отвечу, но прочту обязательно.

Хочу выразить благодарность Публичной библиотеке Хартфорда, штат Коннектикут, за любезно предоставленный электронный экземпляр английского издания книги.

Всех благ и, если болеть, то только за любимую команду.

Ст.В.
Июнь 2021 г.

Перевод с английского выполнен по изданию
Hiber Conteris
Ten percent of life
Simon & Schuster, Inc.
1987

Первоначально опубликовано в Испании
издательством «Editorial Laia, S.A.»
под названием
«El Diez Por Ciento de Vida».

©1985 Hiber Conteris

©1987 Deborah Bergman, перевод с испанского

©2021 Stanislaw Wepricki, wepricki@gmail.com, перевод с английского

«Десять процентов жизни» возвращают Филипа Марлоу — легендарного частного детектива Рэймонда Чандлера — в Лос-Анджелес 1956 года, для расследования предполагаемого самоубийства литературного агента Чандлера.

Марлоу придётся расследовать негласное, но сильное влияние крупных голливудских студий эпохи Маккарти. А вскоре и сам Чандлер станет подозреваемым в убийстве, и угрозы беззащитным от сильных мира сего развернутся на фоне сверкающих ночных клубов, тихих приморских поместий и ослепительного неона. Марлоу, освободившись от своего создателя, выскажет своё мнение обо всем, от это и идентификации личности до джаза сороковых годов.

Тонкая политическая притча Хайбера Контериса интригует и восхищает. «Десять процентов жизни» — это остроумный результат взаимодействия автора со своим произведением в жанре «крутого детектива». С ним Контерис присоединяется к таким ставшими классиками южноамериканским авторам как Мануэль Пуиг и Марио Варгас Льоса.

С выражением благодарности «Рэймонд Чандлер Истэйт» за разрешение опубликовать *«Десять процентов жизни»*.

Без их поддержки и содействия появление этого произведения было бы невозможным.

Моему сыну Маркосу, убитому в возрасте двадцати четырех лет во время сражения за свои идеалы в борьбе за свободу Латинской Америки.

Реалист, взявшийся за создание детектива, напишет о мире, где гангстеры правят общинами и почти безраздельно правят городами, где отели, многоквартирные дома и шикарные рестораны принадлежат людям, которые сколотили свой капитал на содержании публичных домов, где звезда киноэкрана может оказаться наводчиком шайки грабителей, где ваш приятный сосед может руководить подпольной лотереей, где судья, чей подвал забит контрабандным спиртным, может отправить человека в тюрьму за пинту пива в кармане, где мэр вашего города может относиться к убийству как к орудию наживы, где никто не может спокойно, без опаски за свою жизнь пройтись по тёмной улице, потому что закон и порядок — это нечто, что мы обожаем на словах, но редко встречаем в жизни; о мире, в котором вы можете стать свидетелем ограбления среди бела дня и увидеть, кто это сделал, но предпочтёте исчезнуть в толпе, а не рассказать кому-либо, потому что у грабителей могут оказаться друзья с большими пушками, а полиции могут не понравиться ваши показания, и в любом случае продажный адвокатишка, сможет оскорблять и всю поносить вас в суде перед жюри из отобранных идиотов, а не желающий по политическим мотивам конфликтов судья будет лишь изображать попытки этому воспрепятствовать.

Этот мир далеко не благоухает, но это мир, в котором вы живете, а некоторые писатели наделены умением взирать на него отстранённо и изображать увиденное без прикрас, и предлагают очень интересное, и даже увлекательное его описание.

Рэймонд Чандлер

«Простое искусство убивать»

ПРИМЕЧАНИЕ АВТОРА

Читателя, знакомого с жизнью и творчеством Рэймонда Чандлера, может смутить не один анахронизм, появляющийся в романе. Самым вопиющим является время, в которое происходят события начала второй части романа («Биг-Бэр-Лэйк — лето 1950 года»). Согласно хронологии, установленной Макшейном², Чандлер и его супруга провели в Биг-Бэр-Лэйке³ лето 1940 года — в это время Чандлер работал над своим новым романом «Высокое окно», — то есть, это событие имело место на десять лет раньше выбранной мною даты. Я выбрал эту дату просто потому, что иначе было бы трудно упомянуть Хайдеггера, Сартра, Камю, а также других философов и писателей, которые цитируются в этой главе. То же самое можно сказать и о цитате Терри из романа Джека Керуака «Бродяги Дхармы», который на самом деле был опубликован только в 1958 году.

Читатель должен принимать эти анахронизмы как одну из многочисленных и произвольных форм свободы творчества.

² Фрэнк Макшейн (*англ.* Frank MacShane, 1927 — 1999) — американский писатель, преподаватель и переводчик. Профессор английского языка Калифорнийского и Колумбийского университетов и колледжа Уильямса. Автор биографической книги «Жизнь Рэймонда Чандлера» (1976). (*Здесь и далее, кроме особо отмеченных случаев, примечания переводчика*)

³ Биг-Бэр-Лэйк — (*англ.* Big Bear Lake — Большое Медвежье озеро) — небольшой город в округе Сан-Бернардино, Калифорния, расположенный в горах вдоль южного берега одноимённого водохранилища (которое не следует путать с Большим Медвежьим озером, расположенным в Канаде).

ПРЕДИСЛОВИЕ

В какой-то неопределенный момент неспешной запойной зимы 1952 года Рэймонд Чандлер написал статью, которая дала мне название для этого романа. Статья называлась «Десять процентов Вашей жизни» и появилась в «Атлантическом ежемесячнике» в 1952 году, когда Чандлеру было шестьдесят четыре года. Из шести десятков своей жизни он только два посвятил своему многообещающему литературному призванию, и в его активе было пять романов, двадцать три рассказа и четыре статьи. За исключением знаменательного очерка «Простое искусство убивать», появившегося в «Субботнем литературном обзоре», все очерки Чандлера были опубликованы издательством «Атлантик». Нет ничего невероятного в том, что «Десять процентов Вашей жизни» описывали многие из собственных переживаний Чандлера, включая некоторые из самых неприглядных деталей его карьеры писателя и сценариста. Роль литературного агента, ответственного за распространение литературной продукции Чандлера в тропических джунглях, которыми был Голливуд в пятидесятые годы, была одной из этих неприглядных личных деталей. Охваченный искренним и враждебным восторгом, Чандлер посвятил этому наполненный желчью абзац, из которого следует, что подобного рода деятельность отняла не менее десяти процентов его собственной жизни (это была центральная часть статьи, и, как признает Макшейн⁴, послужила для Чандлера своего рода выплеском эмоций, хотя и не решившим ни одной из его проблем). «Это приводит меня, — писал Чандлер, — не слишком охотно, к цвету нашей профессии — голливудскому агенту — более резкому, пронизательному и гораздо менее щепетильному практику. Вот парень, который действительно изменяет свою личность. Он хорошо одевается и ездит на «кадиллаке» — или кто-то ездит на нём вместо него. У него есть поместье в Беверли-Хиллз или в Бель-Эйр. Известно, что у него есть яхта, и под яхтой я не подразумеваю катер. Внешне он обладает немалым обаянием, потому что это необходимо ему для бизнеса. А внутри — сердце величиной с оливковую косточку... Закон позволяет ему всё это в себе сочетать, что, на мой взгляд, является роковой ошибкой. Это разрушает всякое подобие профессионального отношения и профессиональной ответственности по отношению к отдельному клиенту.» Следствием этого, по словам Чандлера, стало то, что клиенты, будь то писатели, режиссеры или актёры, «стали сырьём для спекулятивного бизнеса. Он [агент] не работал на Вас. Вы работали на него.»

Хибер Контерис

⁴ Фрэнк Макшейн, «Жизнь Рэймонда Чандлера», под редакцией Джека Макрея (Нью-Йорк: Э. П. Даттон, 1976). Цитаты и эпизоды из жизни Чандлера, использованные в этом романе, имеют своим единственным источником перечень фактов и документов, содержащихся в этой превосходной биографии. Когда я работал над этим произведением у меня не было доступа к другим источникам сведений о жизни Чандлера. (Примечание автора)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Лос-Анджелес, сентябрь 1956

Понедельник, 23-е

► **9:45 утра. Брентвуд-Хайтс.** Посреди приготовления завтрака Филип Марлоу оставляет наполовину приготовленную яичницу с беконом, покидает квартиру и спускается вниз, чтобы забрать почту из ящика на первом этаже. На дворе конец лета 1956 года. Марлоу сейчас проживает в небольшом пентхаусе в «Бристоль-Апартментс» на Брентвуд-Хайтс, прямо за Пасифик-Пэлисайдс. Это новое четырёхэтажное здание в несколько барочном стиле. Соты его арочных окон и оштукатуренные в средиземноморском стиле стены напоминают архитектуру Гауди. В этом нет ничего необычного, поскольку Брентвуд-Хайтс находятся совсем недалеко от Тихого океана, а здание было спроектировано так, чтобы противостоять жестокому калифорнийскому летнему солнцу. Плотный ветер с далекого, дрожащего, окутанного туманом океана просачивается через каждый его шов.

Гостиная квартиры находится сразу за прихожей. Раздвижные стеклянные двери в дальнем конце комнаты выходят на балкон. В гостиной находятся диван, дубовый письменный стол, два кресла и большой сервант, который служит одновременно баром и книжным шкафом. Рядом с окном что-то похожее на алтарь в георгианском стиле служит для размещения телефона, проигрывателя и разбросанных пластинок. Арочный проем ведёт на кухню; ванная комната и единственная спальня пентхауса находятся в задней части квартиры.

Похоже, в жизни Марлоу наступил период благополучия. Четыре этажа «Бристоль-Апартментс» в дополнение к внешней лестнице, обслуживаются несколько хлипким лифтом, но Марлоу не садится в лифт, пока не доберется до третьего этажа, и не потому, что он суеверен, а для того, чтобы украдкой бросить взгляд на группу едва покинувших подростковый возраст дриад, загорающих вокруг расположенного на крыше соседней террасы крошечного бассейна. Несмотря на это вполне понятное изменение графика движения, он возвращается вовремя, чтобы не дать яичнице с беконом сгореть. Он снимает с огня кофейник из боросиликатного стекла с кипящим кофе и усаживается за кухонный стол, всё ещё прищурив один глаз, чтобы защититься от вида афродит у бассейна. Потом выбрасывает счета и остальную, не представляющую интереса, корреспонденцию и разворачивает широкие страницы тонкого скучного сентябрьского номера «Лос-Анджелес Таймс». Где-то за его спиной порхает голубь, отбрасывая отвлекающую мимолётную тень на стену кухни.

На первой странице Эйзенхауэр возвращается в Белый дом после спокойного уик-энда в Кэмп-Дэвиде, подавленная венгерская революция пытается смириться с европейской геополитической картой, а Насер всё ещё злобно проводит национализацию Канала⁵. Единственная новость, которая привлекает внимание Марлоу, находится на двадцать шестой странице, в разделе криминальных новостей. Она едва заполняет две колонки и вкратце рассказывает об обнаружении трупа литературного агента Йенсида Андресса; предполагается, что он покончил с собой перед лицом неминуемого банкротства и обвинений в мошенничестве, выдвинутых его влиятельными клиентами. Андресс прекрасно жил, много тратил и, по-видимому, позволял себе роскошь, расходы на которую покрывал за счёт средств, к которым имел доступ, но фактически принадлежавших его клиентам. В его пишущей машинке, прямо рядом с тем местом, где лежало его тело с пулей в голове и «кольцом» калибра 7,65 в правой руке была найдена короткая предсмертная записка (газета приводит её полностью).

⁵ Имеется ввиду Суэцкий канал.

Марлоу мысленно воссоздал место преступления: застеклённый кабинет на верхнем этаже особняка «Бель-Эйр» за 250 000 долларов, стены с лепниной, буазери⁶ из ясеня, алый ковер, два Прендергаста⁷ или Эверетта Смита⁸ (он не мог вспомнить, кого именно — во всяком случае, надёжное вложение в растущую престижность «восьмёрки»⁹), яркий полуденный свет, льющийся сквозь окна с видом на аккуратно подстриженную лужайку и хлорированную зеленую поверхность огромного бассейна. Определенно форма хорошей жизни, но не слишком расточительная. Марлоу задумчиво жевал тост и про себя говорил, что смерть человека, столь известного на голливудской сцене, как агент Йенсид Андресс, должна бы занять более важное место в газете — по крайней мере, заголовок на первой полосе. Он ловко жонглировал сценаристами, режиссёрами, кинозвёздами и даже парочкой рассеянных продюсеров, и был симпатичным жуликом, который умудрялся извлекать для себя приличный процент из активов своих клиентов, одновременно делая себя улыбочивым кредитором благодарности потерпевших. Марлоу также полагал, что даже в этот относительно ранний час того, что должно было стать ещё одним тёплым калифорнийским осенним днем, различные представители разнообразного населения Голливуда поднимали бокалы шампанского в память об Андрессе.

Марлоу снова наполнил чашку кофе и закурил. Ему удалось составить алфавитный список из полудюжины имен, не прибегая ни к какой помощи, кроме собственной памяти. Список можно было бы расширить до десяти имен или даже удвоить; никогда покойный Андресс не вдохновлял на столько тостов, как в этот скорбный день. И это заставило его задаться вопросом, действительно ли смерть агента могла быть простым самоубийством, как газета уверяла своих читателей, или какая-то анонимная и мстительная рука осуществила от своего имени или от имени кого-то другого заранее продуманный, необычный и, вне всякого сомнения, чрезмерный план поквитаться.

► **12:48 дня. «Одинокие Пески».** Солнце уже миновало зенит и проливалось на пол косою конусом желтоватой пыли. Марлоу пытался решить, стоит ли отправиться на поиски места для обеда или закончить партию Стейниц-Блэкбёрн, когда зазвонил телефон. Через окно было видно, как сильфиды всё ещё раскидывали ноги на солнце, подобно группе из обнаженных фигур на картинах Сезанна. «Существование состоит в том, чтобы всегда жить для того, чтобы проверить пределы жизни, последнюю границу собственной идентичности», — прочёл он где-то.

Он снял трубку и объявил:

— Марлоу.

— Филипп? Это Мортон. Могу я приехать к тебе прямо сейчас или ты слишком занят?

— Зависит от того, где ты.

— В новостном отделе «Таймс».

Марлоу взглянул на часы:

⁶ Буазери (*франц.* boiserie) — декоративное украшение резными деревянными панелями.

⁷ Морис Брэзил Прендергаст (*англ.* Maurice Brazil Prendergast; 1858 — 1924) — американский художник.

⁸ Говард Эверетт Смит (*англ.* Howard Everett Smith; 1885 — 1970) — американский художник-импрессионист.

⁹ Имеется ввиду неформальная группа из восьми художников, выставлявших свои работы в галерее «Макбет» в Нью-Йорке в 1908 году. Выставка была задумана как протест против выставочной политики Национальной академии дизайна. Позже выставка побывала в нескольких городах от Ньюарка до Чикаго, вызвав дальнейшее обсуждение в прессе протест против академического искусства и новые идеи о приемлемом сюжете в живописи.

— Я могу подождать.

— Хорошо, я буду через двадцать минут. Все в порядке?

— Это что, какие-то первые плоды?

— Поживём — увидим. Речь идёт о самоубийстве Йенсида Андресса. Ты читал утреннюю газету?

Марлоу ответил, что да.

— Тогда, возможно, это дело для тебя. То есть, если ты найдёшь клиента.

— Это моя работа, — ответил Марлоу, прежде чем повесить трубку.

Он созерцал происходящее со своего балкона, пока «ягуар» Чарльза Мортон с откидным верхом не остановился перед зданием. Мортон был поклонником английских спортивных автомобилей и человеком, ответственным за недавнее приобретение Марлоу «триумфа». За крышами домов и неподвижными пальмами Марлоу едва различал туманный голубой отблеск Тихого океана. Марлоу быстро крикнул Мортону, чтобы тот ждал его внизу. Он схватил свой твидовый пиджак и сбежал вниз по лестнице.

— Не помню, когда я в последний раз клал в желудок что-нибудь горячее, — шутливо сказал он Мортону. Было чуть больше часа дня. — Почему бы тебе не рассказать мне, что у тебя на уме за обедом на пляже?

— Ты прямо снял у меня с языка.

Мортон снова завел «ягуар», и Марлоу вытянулся рядом. Машина покатила по Шетланд-лейн. Они подождали, пока на Илифф-стрит сменился свет, оставили позади Брентвуд-Хайтс и с мощным рёвом помчались по Стрип, оставив позади Пасифик-Пэлисэйдс. Ветер хлестал их по ушам.

— Куда хочешь, чтобы мы отправились? — крикнул Мортон.

— Сам решай. Но чтобы не более чем в полумиле от океана. — Он откинулся на спинку сиденья; солнце ударило ему прямо в лицо. — Я забыл свой купальный костюм.

— Непростительно, — на мгновение задумался Мортон. — Ладно, я знаю хорошее местечко с приятным морским бризом, хорошей едой и немного уединённое.

— Это конфиденциально?

— Конфиденциально? — Мортон задумался. — Любой, кроме нас с тобой, назвал бы это совершенно секретным. То, чем я собираюсь поделиться с тобой — это результат проявленного любопытства. И то, что мне открылось. Я хочу предоставить тебе подтвержденные факты и результаты собственного небольшого личного расследования. Я не делаю никаких выводов, понимаешь? Это не моя область, ясно? Вот почему я пришёл к тебе.

Марлоу внимательно посмотрел на него. Нетрудно было догадаться, зачем репортёру понадобились такие меры предосторожности. Он отвернулся и решил больше не задавать вопросов. Любой, кто хорошо его знал, счёл бы это уклончивым и давно устоявшимся методом Марлоу согласиться с чем-либо.

Место, где они остановились, называлось «Одинокие Пески», и оно действительно было одиноким. Немногие туристы знали о его существовании. Оно располагалось в углу пляжа Санта-Моника, наполовину скрытое утёсами в конце щебеночной дороги, известной только истинным ценителям умеренного калифорнийского равноденствия. Мортон и Марлоу заглянули внутрь. Не особенно привлекательный обеденный зал растянулся, как огромный железнодорожный вагон: над баром висели шары оранжевого света, окна кабинок выходили на море, а стёганая ситцевая обивка и сдержанная обстановка,

насыщенная ароматом морепродуктов, помогали приглушить внутренний шум. Монотонный ритм разбивающихся волн просачивался сквозь окна.

Все столики в зале были заняты парочками, безуспешно пытающимися скрыть свои отношения, поэтому они решили устроиться на открытой цементной террасе, возвышающейся на ярд¹⁰ или около того над песком. Время от времени тёплый ветерок, несущий аромат селитры, разбрасывал по полу мелкий песок. Это и необходимость соблюдать осторожность заставили большинство клиентов на террасе использовать в качестве средств защиты стулья с высокими спинками. Четыре женщины, расположившиеся за соседним столиком, с удовольствием и некоторым налётом провокационности изучали вновь прибывших. Чуть поодаль пожилая супружеская пара увлеклась наблюдением за радостными проделками сладкоглазого кокер-спаниеля, самого общительного существа в округе. Мортон заказал виски и омара (двадцать пять минут). Марлоу остановил свой выбор на обычном для себя прожаренном бифштексе, неограниченном количестве картофеля фри и бутылке пива.

— Полагаю, ты знал Андресса, сказал Мортон. — Мне надо ввести тебя в курс дела?

— Обойдёмся без этого, — Марлоу пришлось прикрыть руку от порыва ветра ладонью, чтобы зажечь сигарету. — Я был у Андресса пару раз. Мы не были так чтобы особенно близки, но однажды ему потребовались мои услуги.

— Я так и думал. — В голосе Мортон послышались лукавые нотки. — Такой парень, как он... Вполне естественно, что он попал в какую-то передрагу. Ты ведь знаешь, что говорят о его работе здесь, в Голливуде? Агент — это тот единственный, кто работает на своих врагов. Не думаю, что всё это настолько уж плохо; полагаю, что так можно сказать обо всех, кто связан с кинобизнесом. Не возражаешь, если я спрошу для чего он тебя нанимал?

— Теперь, когда Андресс мёртв, это не имеет ни малейшего значения, но я предпочел бы не менять тему. — Марлоу подождал, пока официант откроет бутылку «карлсберга», посмотрел, как он пенится, и прижал ладонь к перламутровой стеклянной поверхности, чтобы почувствовать холодную жидкость. — Мы добьёмся большего, если ты просто расскажешь, что знаешь.

— Ладно, — Мортон казался раздраженным. — Если только ты не найдешь какой-нибудь связи... посмотрим. Ну, основные факты ты знаешь. Тело обнаружила вчера вечером женщина, которая у Андресса убирала и готовила. Он выстрелил себе в правый висок из своего собственного пистолета. Такова, по крайней мере, официальная версия. Муж этой женщины время от времени также работал у Андресса; он был садовником, механиком и даже дворецким, когда Андресс устраивал вечеринки. Их дом находится примерно в тридцати ярдах от дома Андресса. Они говорят, что не слышали выстрела, что вполне возможно. Правда гораздо проще. Когда так поздно в кабинете загорелся свет, женщине это показалось необычным. Андресс жил один; он развёлся пару лет назад, и не было ничего необычного в том, что время от времени у него собиралась компания. Но он был настоящим рабом привычек, и некоторых вещей в его кабинете происходить не могло. Я хочу сказать, что это было не то место, куда он обычно приводил своих ночных бабочек; оно предназначалось только для дел, а делами он обычно занимался в течение дня. И если верить тому, что о нём говорят, похоже, что деловые вопросы с каждым днём занимали у него всё меньше времени. Дело в том, что женщина закончила работу около шести вечера, по приказу босса оставила в духовке что-то, что можно было бы разогреть, и вся оставшаяся часть вечера была у неё свободна. Они с мужем до полуночи смотрели телевизор, а потом заметили, что в кабинете всё ещё горит свет, и решили, что это странно, поскольку в остальной части дома было темно. Это было необычно — Андресс, как

¹⁰ Один ярд примерно равен 91,44 см.

правило, оставлял свет до поздней ночи по крайней мере на первом этаже. Через два часа женщина проснулась и выглянула в окно. Свет был всё ещё включён.

-И?.. — Марлоу занимался своим бифштексом, но уже начал проявлять интерес к рассказу Мортонна.

— Она решила, что хватит думать. Надела халат и пошла выяснить, что происходит.

— И рискнула совершить *faux pas*¹¹? У Андресса было полное право обсуждать дела или то, что ему, чёрт возьми, хотелось обсуждать, до тех пор, пока не наступит предраассветный час.

— Возможно. Похоже, эта женщина не разделяла твоего мнения. Она знала привычки Йенсида Андресса лучше, чем ты или я. Поэтому, как я уже сказал, она отправилась в дом, включила свет, стала звать и, когда никто не ответил, поднялась в кабинет. Остальное всё более или менее так, как пишет «Таймс».

— Включая предсмертную записку о его финансовой катастрофе?

— Да, и записку. Что касается реального финансового положения Андресса, то для его подтверждения потребуется гораздо больше, чем одна эта записка. Это часть того, что тебе придётся сделать.

— Зачем? — в голосе Марлоу послышался скептицизм. — До сих пор в твоей истории не было сенсационных откровений.

— Ты принимаешь теорию о самоубийстве за чистую монету?

— Пока никто не убедил меня в обратном.

— Хорошо. Я не знаю, будет ли этого достаточно, чтобы убедить тебя, но я представлю тебе точку зрения репортёра о том, как подали это дело. Рассмотрим все события последовательно. Первое: к тому времени, как мы узнали о том, что произошло, полиция занималась этим делом уже два часа. Так не бывает; мы платим, то есть газета платит, чтобы новости поступали к нам через их фильтр немедленно. У нас есть специальный человек, постоянно находящийся в контакте с пресс-службой Отдела по расследованию убийств. Обычно полиция и репортёры прибывают на место преступления примерно в одно и то же время. И тебе это известно.

— Полагаю, что да. Я-то всегда появляюсь немного раньше или слишком поздно. И никогда не сталкиваюсь ни с вами, ребята, ни с полицией.

— Во-вторых, не могу тебе сказать, кто именно, но кто-то — очевидно, рангом повыше дежурного офицера — приказал всячески препятствовать нашему появлению в кабинете. А потом, когда мы наконец туда попали, нам не позволили нам сделать ни единого снимка. Ты видел хоть один в какой-нибудь из лос-анджелесских газет? Можешь назвать хоть одну вескую причину, пусть даже не столь явную, чтобы не позволить сфотографировать самоубийцу, особенно если это известная голливудская личность, скандально известный выпендрёжник, человек, который никогда не упускал возможности засветиться с кем-нибудь, парень, который всегда мелькал в новостях?

— Именно по этой самой причине. — Марлоу отодвинул тарелку в сторону. — Уже есть достаточно много фотографий этого человека, сделанных при более приятных обстоятельствах и в более привлекательной обстановке. Любой, у кого есть хоть капля здравого смысла или деликатности, подумал бы про себя: зачем теперь портить образ Андресса? Не будем стирать с него позолоту.

— В-третьих, руководство не очень-то стремилось уделить этой истории то внимание, которого она заслуживала. Оно даже не защищало свои собственные интересы. Я много

¹¹ *Faux pas* (франц.) — неверный шаг, промах, ошибка

лет работаю в «Таймс» — и прекрасно знаю, когда статья должна быть на первой полосе в заголовках, а когда нет. Я знаю, как можно увеличить тираж, умело влияя там, где надо, как отслеживается всё, что происходит вокруг, любая, даже самая рутинная история из полицейской хроники. А что, чёрт возьми, случилось в этот раз? «Таймс» не нравится позволить истории вроде этой уйти из поля зрения, не убедившись, что обычный тираж, по крайней мере, не удвоился. А когда кто-то откопал красивую фотографию покойника, чтобы напечатать эту историю, негатив каким-то образом затерялся по дороге в типографию. А потом парень наверху сказал, что недостаточно места. Могу заверить тебя, что это не обычное редакторское решение. Кто-то выше, достаточно высоко сидящий в руководстве, очень заинтересован в том, чтобы самоубийство или убийство Андресса получили как можно меньше внимания.

-В-четвёртых, — сказал Марлоу.

-В-четвертых, — продолжал Мортон, — никто не знает результатов вскрытия. Мы даже не знаем, было ли вскрытие.

— Не слишком ли для этого рано? В котором часу нашли тело?

-Около двух часов ночи, как я тебе и сказал. Обычно, в таких случаях, к десяти утра они уже заканчивают вскрытие. Когда я позвонил тебе, а мы всё ещё ждали в редакции новостей; был почти час дня. И ничего — только какая-то неразбериха. Никто ничего не может нам сказать; одно полицейское управление отсылает нас к другому. Кто коронер на этом деле? Мы даже не знаем, удосужился ли кто-нибудь вообще вызвать коронера.

— Что ещё?

— Что ещё? — Мортон, на вершине своего раздражения, чуть не набросился на Марлоу. — По-моему, этого достаточно, чтобы возбудить аппетит детектива. Никто во всей полиции Лос-Анджелеса и словом не обмолвится об этом деле. Им чертовски не терпится всё это закрыть и отнести в архив. Никто не требовал расследование. Официального допроса не было, женщина и её муж просто рассказали всё, что знали, на месте преступления, и больше к ним никто не обращался. И ты можешь спокойно спрашивать меня, что ещё?

-Мяч на стороне окружного прокурора, — сказал Марлоу. — А ты не мог бы немного остудить свои пятки?

-Вот и всё, — Мортон, совершенно раздосадованный, отодвинул тарелку с недоеденным омаром. — Тогда я должен сказать тебе, что действительно решил провести небольшое собственное расследование. Конечно, я не собираюсь идти дальше — это не моё дело, и я слишком высоко ценю свою работу в газете, чтобы переступить черту. А кто-то может рассердиться.

— Теперь мы добрались до сути. Вот тогда-то ты и решил позвонить мне. — Марлоу выпустил дым прямо в лицо Мортону. — Естественно, я ничем не рискую, но и не могу сказать, что я что-то получу. И у меня такое чувство, что я ничего не узнаю, пока мы не доберемся до того, что ты назвал результатами своего частного расследования.

— Что касается того, что ты сможешь из этого извлечь, мы к этому ещё вернемся, — сказал Мортон. — С точки зрения репортёра, всё это весьма увлекательно. Но я не могу играть в детектива, потому что работаю в газете, и мне это слишком нравится, чтобы рисковать своей работой. А ты можешь. Если ты что-то раскопаешь сам, могу заверить, что «Таймс» очень хорошо заплатит за это.

— Ты сможешь об этом договориться? — В голосе Марлоу прозвучал скептицизм.

— Готов поклясться на чём угодно, что придёт тебе в голову. Тогда-то я и вступлю в игру, понимаешь? До сих пор я более или менее ничего не знаю, но как только ты раскопаешь что-то определённое, я отправлюсь к главному редактору и скажу: у меня есть вот это, сколько это стоит?

- И сколько это будет стоить?
- Тысячу долларов. Тебя устроит?
- Пятьсот и пятьсот?
- Тысяча долларов тебе. Не облагаемых налогом.
- А твоя доля?
- Моя доля ломает сюжет. А это не мелочь.
- Предположим, я соглашусь. Что ты обнаружил в ходе своего частного расследования?
- Кое-что, что убивает всё это дело с самоубийством, — резко сказал Мортон. — Я не верю, что у Андресса были какие-то реальные финансовые причины, чтобы покончить с собой, как утверждается. Мои выводы еще не окончательны, но, судя по собранным мною фактам, Андресс всё ещё был весьма платёжеспособен. Он поддерживал хорошие деловые отношения, представлял интересы некоторых из лучших писателей Голливуда и преуспевал с ними. Его официальная доля была стандартными десятью процентами, но все знают, что он выудил несколько очень сочных бонусов из студий, которые были заинтересованы в его сценариях. Он прекрасно управлялся; знал, что у него в руках и как заставить людей делать ставки. В последнее время у него, похоже, были какие-то проблемы с киностудиями, возможно, из-за того, о чём я тебе только что рассказал, но ему всё же удалось сохранить своё положение. Его вкусы не отличались эксцентричностью, и он не делал рискованных вложений. Парни стреляют в себя по самым разным причинам, но финансовых мотивов у Андресса для этого не было никаких.
- Ты уверен или это только предчувствие?
- Предчувствие? После всего, что я тебе рассказал? — Мортон оторвал пальцами кусок омара и сунул его в рот. — Позволь мне прояснить одну вещь: я репортёр, а репортёры, как правило, больше верят в то, что вы называете интуицией, чем такие люди, как вы, верящие в шахматы и математические уравнения. Повторяю: Андресс был не из тех парней, которые снимают крышку со своих мозгов из-за одной, двух или десяти финансовых проблем. И он определенно был не из тех, кто потрудился бы поставить на предохранитель свой автоматический пистолет после того, как выстрелил себе в голову. Ни Андресс, ни кто-либо другой, кого я когда-либо встречал, не смог бы совершить такой подвиг.

Марлоу поставил недопитый стакан на скатерть и уставился на Мортон.

► **3:45 дня. «Бристоль-Апартментс».** Около 3:35 «ягуар» остановился перед зданием «Бристоль Апартментс». Мортон стоял там ещё минут десять, разгорячённо обращаясь к своей логике. К тому времени, как он уехал, ему удалось добиться от Марлоу обещания, что тот посмотрит, что можно сделать, и это его вполне удовлетворило. Что касается самого Марлоу — высокого и сутулого, в плохо сидящем твидовом пиджаке, спадающем с одного плеча, — можете представить себе его реакцию. Наверное, впервые в жизни у него возникло неприятное подозрение, что он позволил соблазнить себя участием в чём-то, что больше пахло коммерческим предприятием, чем частным расследованием. Очевидно, Марлоу не мог считать Чарльза Мортон обычного клиентом. Они только что закончили формировать молчаливое партнёрство¹², чтобы добиться чего-то от «Таймс», но недостатком данного молчаливого партнёрства было то, что только пятьдесят процентов действительно молчали. Марлоу знал, что он будет на переднем крае, и именно ему придётся ответить за последствия. «Несмотря ни на что, очень много», думал Марлоу. «Тысяча баксов — давненько меня не нанимали за такие деньги.» Войдя в квартиру, он

¹² Термин, означающий партнёрство без публичного афиширования.

бросил пиджак на первое попавшееся кресло, налил в стакан на два пальца «талискера»¹³, добавил пару кубиков льда и поставил на проигрыватель пластинку. Пока он смаковал виски, пианино Телониуса Монка выбивало в сырой, удушливый послеполуденный воздух первые такты «Около полуночи». Этой версии 1947 года было уже десять лет — Джордж Тэйт, труба; Сахиб Шибаб, альт-саксофон; Роберт Пэйдж, бас; Арт Блэйки, барабаны. Пьеса стала классикой того рода джаза, который начинал зарождаться в те дни, но это другая история. «Нет, никто не может сказать, что с точки зрения денег это плохая сделка», убеждал себя Марлоу. «Но, с другой стороны, всё это дело выглядит рискованным, и предчувствие Мортон может оказаться не чем иным, как предчувствием, которое учуял газетчик с атрофированным обонянием.» (Особи этого вида считают, что у них очень развит нюх на такие вещи, но не все склонны разделить это мнение.) Инвестиции, безусловно, имеют свои риски: Марлоу не сомневался в словах Мортон, но аванс не был получен, как не будет и возможности возместить время и расходы, если ничего не удастся раскопать. И что ещё хуже, не было даже уверенности в том, что за самоубийством Андресса стоит нечто-то такое, что следовало бы прояснить. «Конечно, подробность с предохранителем пистолета», сказал себе Марлоу, «на данный момент единственная реальная улика.» Мортон узнал о ней от человека, который работал на Андресса, но тот мог ошибиться. Знал ли он что-нибудь об оружии? Мортон даже не удосужился этого выяснить. Вот, в чём разница между репортёром и детективом. «Тем не менее,» неохотно признал он, «нерадивый сыщик, отказывающийся провести простое предварительное расследование по делу, в которое его тычут носом, не заслуживает того, чтобы его назвали достойным членом сыщицкой гильдии.» В этот момент Марлоу почувствовал лёгкое чувство угнетённости. Как начать распутывать клубок? Очевидно, с бывшего мажордома Андресса. Поэтому его первой задачей, по-видимому, будет поездка на виллу «Бель-Эйр».

Вместо того, чтобы уйти, он выглянул на балкон пентхауса и продолжал размышлять или предаваться чему-то подобному в течение примерно пятнадцати минут. Послеполуденное солнце начало скрываться за четырьмя этажами «Бристоля»; сезанновские нимфы бросали на Марлоу ненавидящие взгляды, словно он нёс личную ответственность за эллиптическую траекторию Земли и её стремительную двадцатичетырёхчасовую орбиту. Они собрали полотенца и начали сворачиваться. Блондинка, которой было не больше девятнадцати лет, обернулась и ещё раз посмотрела на него; у неё был тонкий, гибкий силуэт, нежный и страстный, как спелый инжир. Марлоу показалось, что он разглядел улыбку или какой-то другой признак того, что они стали соучастниками чего-то, и в этот момент прежние сомнения по поводу этого дела снова нахлынули на него, и мысль заняться делом покойного Андресса мгновенно исчезла из его головы. Затем крошечное белое бикини исчезло вслед за остальными внизу лестницы; Марлоу убедил себя, что она всего лишь старшеклассница, собирающаяся поступить в колледж или что-то в этом роде, но надо было признать, что такому покачиванию бедрами, как у неё, не учат в коммерческой школе. Порыв ветра закружился над покинутой поверхностью Стикса. Было слишком жарко, Марлоу чувствовал, что вот-вот пойдет дождь, пора было осени показать своё лицо. Он уже не мог придумать причины, чтобы остаться на террасе и поэтому допил разбавленный остаток «талискера», решил надеть ту же слегка влажную рубашку и, не преследую иной цели, кроме как побороть искушение, снова спустился на улицу к своей машине.

► **5:08 вечера «Бель-Эйр».** «Триумф» нёсся по Сансет, а затем на запад. Затем он повернул направо, на Лост-Каньон-роуд. Полдень был наполнен музыкой из радиоприёмника и голубым шипением телевизоров за оконными стеклами. Я миновал

¹³ Талискер — (англ. Talisker) — марка одного из известных шотландских односолодовых виски, производимого на одноимённой винокурне.

Университет и снова повернул направо. Высокие железные заборы, которые вели в Бель-Эйр, голливудский пригород, напоминавший мне зоопарк, начали выстраиваться как на параде по обеим сторонам дороги – разница была лишь в том, что, по крайней мере, с точки зрения их владельцев, в этом зоопарке животные, казалось, были снаружи, а не внутри. В этом районе многоэтажных жилых домов практически не существовало; вместо них можно было увидеть гигантские особняки, разделённые большими пространствами и зелеными просторами тщательно ухоженных садов с небольшими статуями и ванночками для птиц. Кроме того, по-видимому, продолжалось тайное соревнование среди бассейнов в номинациях размер и оригинальность: традиционный прямоугольник полностью утратил свою престижность. С холмов дул настойчивый мягкий ветерок, пропитанный соком и пронизывающим запахом невидимых эвкалиптов. Все ещё чувствовалось, что идёт дождь. Дым от пары сигарет упрямо плыл у меня под носом.

Поместье Андресса я нашёл около пяти. Когда я въехал на подъездную дорожку, передо мной появился полицейский в форме.

— Дальше нельзя, приятель, — сказал офицер. — Дом находится под охраной полиции.

— А что происходит?

— Не говорите мне, что не знаете, что происходит, — голос джентльмена звучал неприветливо и воинственно, но, очевидно, ему было скучно торчать здесь без какого-либо дела. По крайней мере, я придал хоть какой-то смысл его бессмысленному времяпрепровождению. — Не думаю, что во всем Лос-Анджелесе или даже в его окрестностях найдется хоть один человек, который не знал бы, что прошлой ночью здесь произошло самоубийство.

— А что такого интересного в самоубийстве? — Я придал лицу подходящее выражение. — Если бы полиции Лос-Анджелеса пришлось следить за каждым домом, где кто-то покончил с собой, они не смогли бы найти достаточно полицейских во всей стране! Не лучше ли было бы вместо этого упорядочить продажу таблеток нембутала и снотворного?

Я вышел из машины, достал из кармана «кэмел», сунул сигарету в рот и протянул ему пачку. Он жестом отклонил моё предложение.

— Значит, Вы ничего не знаете, — сказал он. — Парень, который покончил с собой прошлой ночью, не умер, растянувшись на шёлковых простынях, переполненный прекрасными снами. На случай, если Вам интересно, он приложил сюда пистолет. — Он ткнул пальцем в место, традиционно любимое жертвами самоубийств. — А потом он нажал на курок. Это может показаться изящным способом уйти, но позвольте мне сказать Вам, что выглядит это не очень привлекательно. Иногда череп у них раскалывается, как ореховая скорлупа. А если дыра получится достаточно большой, то через час или два будет достаточно крови, чтобы натереть ею весь пол. Нет, сэр, это не та картина, которую я бы рекомендовал кому-либо, нет.

— А Вы видели? — спросил я без особого интереса.

— Видел, когда его увозили. Я здесь с девяти утра, приятель. А, вообще, видел, дюжина подобных случаев у меня была.

— Ну и кто же это был? Только не говори, что это был Йенсид Андресс. — Я резко выдохнул.

— Угадал.

— Не могу в это поверить. Андресс не из тех парней, у кого нашлась бы причина покончить с собой.

— Так ты его знал? Ну да, он был из таких. Довольно важный такой-то, так мне говорят. Если нет, то почему я должен болтаться здесь весь день, как придурок, только для того, чтобы никого не пускать в дом? — Он обернулся, чтобы взглянуть на виллу, возможно, с

целью получить представление о месте происшествия. — Думаю, чтобы не допустить ограбления, — добавил он. — Парень жил один, если я правильно понял.

— Ну, нет. На него работала супружеская пара, которая живет в коттедже на заднем дворе. — Момент казался подходящим, чтобы попробовать туда попасть. — И теперь, когда я об этом упомянул, собственно, я пришёл повидаться с ними. У меня есть новости об их дочери, потрясающие новости: она наконец-то снимется в кино. И это не какая-то роль второго плана: эти старики — предки будущей звезды, поверьте мне. Ничего, если я пройду к их дому? Ты сможешь наблюдать за мной отсюда.

Полицейский обернулся и, казалось, прикинул расстояние между живой изгородью у входа в поместье и белыми оштукатуренными стенами, сияющими на дальней стороне бассейна. Потом повернулся, чтобы окинуть меня профессиональным взглядом.

— Вы работаете в Голливуде или на одной из этих киностудий? — он спросил.

— Что-то в этом роде. Я агент.

— Ну, думаю, нет причин, по которым тебе нельзя встретиться со стариками, — сказал он наконец. — На этот счёт у меня нет никаких распоряжений. Хорошо, если ты не будешь пытаться попасть в дом.

— Я оставлю машину в качестве гарантии, — сказал я. Я бросил ключи в карман, помахал ему и двинулся прочь, держась подальше от подъездной дорожки, чтобы избежать каких-либо недоразумений. Офицер ответил на мой жест, слегка коснувшись козырька фуражки.

Я пару раз стукнул в дверь. В самой двери было что-то сельское — сосновые доски, покрытые белым лаком, чтобы соответствовать стенам жилища, которое было скромным, но не лишенным определенного очарования; ставни на окнах были выкрашены в зеленый цвет. Дверь мне открыла женщина лет пятидесяти пяти. Её лицо выглядело напряженным и изможденным, глаза — каким-то ввалившимися. Очевидно, она провела не самую лучшую ночь.

— Меня зовут Марлоу, — сказал я. Я открыл бумажник и показал ей лицензию частного детектива, надеясь, что она не сможет отличить ее от официального полицейского удостоверения. — Я знаю, что вы с мужем не в лучшем настроении, но мне надо поговорить с вами обоими. Обещаю, это не займёт много времени.

Она стояла, не зная, что сказать. Казалось, она медлила, стараясь найти предлог, но, в конце концов, открыла дверь и отступила в сторону, чтобы меня впустить.

— Мы уже всё рассказали лейтенанту, а потом ещё следователю и джентльмену, который с ним пришёл, — она заколебалась. — Мы с мужем убиты горем. Мы очень любили мистера Андресса и понятия не имеем, что теперь делать. Поместье, наверное, выставят на продажу, и нам придётся уехать.

— Понимаю, — сказал я. — Но ещё рано об этом беспокоиться. Это может занять месяцы, и кто бы ни стал новым владельцем, возможно, он захочет рассчитывать на ваши услуги. Сейчас трудно найти надёжный персонал.

Я огляделся в поисках места, где можно было бы присесть. Это была узкая маленькая комната, но обставленная с определенной долей вкуса, и в ней было окно, выходящее на западную сторону особняка. Послеполуденное солнце било в стеклянные окна студии Андресса. Невозможно было не заметить лампу, которая горела там в ранние утренние часы.

— Устраивайтесь поудобнее, — сказала женщина, поняв мою нерешительность. — Я позову мужа.

Мне надо было быть осторожным, чтобы не выдать себя. И мне не казалось хорошей идеей заставлять их снова повторять всю историю. Мужчину звали Фуэнтес; он хоть и

родился в Мексике, но был гражданином США, как и его жена. Выглядел он таким же усталым и встревоженным, как и она. Сразу после интенсивного допроса наступает момент, когда все, что вам нужно сделать, это нажать нужную кнопку, и всё, что у человека накопилось внутри, вырвется наружу, даже его признание, если оно вам нужно. На это я не рассчитывал. И решил пойти прямо к тому, что меня интересовало.

— Насколько я понимаю, именно Вы обнаружили тело Андресса, мистер Фуэнтес, — сказал я, чтобы прощупать почву.

— Вообще-то это была моя жена, — приглушённым тоном поправил меня мужчина. — Она первая увидела его и сразу же отправилась за мной, а я проверил, мёртв ли он. Моя жена не смогла себя пересилить, чтобы это сделать.

— Вы сразу позвонили в полицию? — поинтересовался я.

— Да, это сделала она, пока я оставался с ним. Было совсем неприятно оставаться в той комнате, где тело мистера Андресса лежало на столе, и по его лицу текла кровь, но я чувствовал, что должен остаться. Я не мог оставить его одного.

— Как Вы думаете, много времени прошло с того момента, как он выстрелил? Через некоторое время кровь обычно перестаёт течь и застывает вокруг раны.

— Да, должно быть так и случилось. На самом деле я не знаю, когда это могло произойти. Полиция должна была это установить. Думаю, что кровь на его голове засохла, были ещё потёк на щеке и лужа на столе. Она была не очень большой, но свежей.

— Вы сказали, что убедились в смерти Йенсида Андресса. Как Вы это сделали, мистер Фуэнтес? Проверили его пульс? Бьётся ли у него сердце?

— Я проверил его пульс, — ответил Фуэнтес. — Это первое, что пришло мне в голову. Но не нужно было многого, чтобы понять, что мистер Андресс уже мёртв. Это была просто естественная реакция. Я чувствовал, что должен что-то сделать.

— Именно поэтому Ваша жена позвонила в полицию, прежде чем позвонить в больницу или вызвать врача? — предположил я.

— Что? — пробормотал Фуэнтес, внезапно встревожившись. — Я не понимаю, что Вы имеете в виду. В таких случаях всегда звонят в полицию. Это было первое, что пришло нам в голову.

— Конечно. Но если бы Вам показалось, что у Андресса есть шанс выжить, Вы бы вызвали врача. В таких случаях счёт идёт на секунды.

— Да, конечно, — согласился Фуэнтес. — Но мистер Андресс был мёртв. Человек не может выстрелить себе в голову и сохранять полную неподвижность, как в этом случае, если в нём осталась хоть капля жизни. С того момента, как я вошёл в комнату, у меня не было никаких сомнений: мистеру Андрессу никакая помощь больше не понадобится.

— И все же Вы проверили его пульс.

— Как я уже сказал, это была инстинктивная реакция, просто потому, что я чувствовал, что должен что-то сделать. Человек не очень ясно мыслит в подобных обстоятельствах.

— Пульс на правой руке или на левой?

— На правой. Она была ко мне ближе.

— Это была рука, держащая пистолет.

— Да, — сказал Фуэнтес.

Он, казалось, избегал моего взгляда.

— Но Вы ведь не вынимали пистолет из его руки, так ведь?

— Я мог бы сделать это только с большим трудом. Рука у него одеревенела. Я едва смог повернуть его запястье, чтобы пощупать пульс. Потом я понял, что это была ошибка. Полиция предпочитает, чтобы место преступления оставалось нетронутым. — Фуэнтес провёл рукой по лбу. — Как я уже объяснил, в такой ситуации трудно понять, что вы должны или не должны делать. Я был в отчаянии. Я не знаю, что надо делать при серьёзных ранах. Даже если бы в мистере Андрессе ещё оставалась какая-то капля жизни, я бы ничего не смог для него сделать.

— Понимаю, — сказал я. Я протянул пачку «кэмела». Фуэнтес взял одну и едва слышно поблагодарил меня. Его рука дрожала, когда он сунул сигарету в рот. Пламя погасло, когда я поднёс зажигалку к его сигарете; его губы дрожали. Я закурил и подождал, пока он снова успокоится. — Позвольте мне прояснить, что у меня нет ни малейших сомнений в правдивости Вашей истории, — сказал я, чтобы он полностью расслабился. — И я не верю, что у Йенсида Андресса был хоть малейший шанс выжить. Меня интересует только одна незначительная деталь, но которая может иметь решающее значение в этом деле. Деталь, сообщить которую можете мне только Вы.

Он поднял глаза и посмотрел на меня с новыми признаками страха в глазах.

— Вам знаком пистолет, из которого застрелился Андресс? — выдал я.

— Да, — неуверенно ответил он. — Я много раз видела его на комодe.

— Можете точно подтвердить, что это был его пистолет?

— Если этот и не его, то у него был точно такой же. Я не очень внимательно его рассматривал. Ничто не говорило за то, что этот автоматический пистолет не его.

— «Кольт» калибра 7,65, так?

— Да, думаю, этого калибра.

— Вы хорошо разбираетесь в пистолетах, мистер Фуэнтес?

Опять подозрение или страх в его глазах.

— Почему? — ответил он. — Я не эксперт в оружии, но могу распознать калибр. У меня есть свой собственный. На самом деле он тоже принадлежал мистери Андрессу. Это мистер Андресс настоял, чтобы он у меня был. Он думал, что, поскольку я отвечаю за дом, то у меня под рукой должно быть оружие.

— Тоже «кольт» 7,65?

— Револьвер, — уточнил он. — «Кольт спэшл» 38-ого калибра. Босс купил его именно для этой цели.

— Для какой?

— Для защиты дома. Сначала он подумывал о пистолете, но я посоветовал ему купить револьвер. Это почти военное оружие, гораздо более мощное и надёжное.

— Значит, Вы кое-то знаете об оружии?

— Это даже ребёнок мог бы сказать, — ответил он.

— А когда именно Вы поняли, что пистолет, которым воспользовался Андресс, был поставлен на предохранитель? — Я решил ударить.

Он поднёс сигарету к губам. Его глаза пытались встретиться с глазами жены. Я не обернулся, чтобы посмотреть на неё. Она была там, рядом со мной, не совсем вне моего поля зрения, но у меня не было особого интереса проверять, могут ли они безмолвно общаться друг с другом. Фуэнтес не был убийцей.

— Кажется, я не упоминал о предохранителе, — наконец сказал он.

— Может быть, вы и не говорили об этом полиции, но Вы упомянули об этом кому-то ещё, Фуэнтес. Мы с Вами оба это знаем. Вот эта деталь меня и интересует.

— Я сказал полиции тоже самое, — признался Фуэнтес. — Это было первое, что я им сказал, когда они брали у меня показания.”

— Тем не менее, газеты вообще не упоминали об этом факте.

— Я не имею к этому никакого отношения, — ответил он. — Я не пишу криминальные новости.

— Внимание кого из полицейских Вы обратили на тот факт, что после выстрела пистолет был поставлен на предохранитель? — спросил я.

— Лейтенант Налти. По-моему, так его звали. Он ничего не сказал, — сказал Фуэнтес. — Не думаю, что он решил, что это имеет какое-то значение. И этого не было в заявлении, которое мне дали подписать.

— Но он, должно быть, о чём-то Вас спрашивал, — настаивал я. — Разве Вы не заставили его дважды подумать об этом? Разве он не дал Вам понять, что Вы, вероятно, были слишком взволнованы, чтобы обратить внимание на подобное?

— На самом деле он упоминал об этом, — признал Фуэнтес. — Но, как я уже сказал, он не придавал этому значения. Он дал мне понять, что у меня будут ненужные затруднения, если сообщить этот факт. Не имело смысла давать письменные доказательства того, что я прикасался к телу до прибытия полиции. Таким образом, мы с женой избежим многих неприятностей. Допрос у окружного прокурора, показания в суде, всё такое.

— И поэтому лейтенант решил, что предохранитель мог закрыться сам по себе, после того как Андресс выстрелил из пистолета?

— Откровенно говоря, лейтенант подумал, что я, возможно, сделал это сам, когда пытался нащупать его пульс. Он отчитал меня. Но, как я только что сказал Вам, я был слишком потрясён. Теперь-то я знаю, что никогда не следует трогать труп до того, как полиция осмотрит место преступления.

— Наверное, это хороший совет, — признался я.

Фуэнтес казался более расслабленным, и он перестал потеть. Он старательно раздавил сигарету в углублении керамической пепельницы с мексиканским клеймом.

— А Вы что думаете, Фуэнтес? — настаивал я. — Вы действительно думаете, что могли закрыть предохранитель, когда пытались проверить, мёртв ли мистер Андресс?

— Это возможно, — сказал он слабым голосом. — Очень возможно, что я сам задвинул рычажок.

— Но ведь на пистолете нет Ваших отпечатков пальцев, так ведь? — вкрадчиво сказал я.

— Насколько мне известно, нет, — ответил он. — Во время допроса никто не брал у меня отпечатков пальцев. У полиции нет ни малейших сомнений в том, что Андресс покончил с собой, хотя нам с женой их доводы непонятны. Ещё они сказали, что больше не будут нас беспокоить, и даже оставили охранника у входа в поместье. Но теперь Вы здесь, и всё начинается сначала. Из какого вы отдела, мистер Марлоу? Полагаю, лейтенант счёл необходимым снова допросить нас, не так ли? Я уже предупредил свою жену, что всё так быстро не закончится. В конце концов, смерть — это смерть. А мистер Андресс был важной шишкой. Если Вы хотите знать мое честное мнение, я думаю, что они должны продолжить расследование. Но мне больше нечего сказать, мистер Марлоу. Я могу принести присягу и повторить всё суду, если в этом возникнет необходимость. Хотя я не знаю, что хорошего это принесет. Если мистер Андресс действительно решил покончить с собой, мы бы предпочли, чтобы они не слишком вмешивались в его жизнь. Не потому, что мы боимся того, что что-то может выйти наружу. Он был хорошим человеком — хорошим, честным

человеком. Я мало что знаю о том, как он вел свои дела, но я знаю, когда работаю на честного человека. А мы с женой проработали на мистера Андресса двенадцать лет.

Я прижёл керамическую пепельницу с ацтекскими лицами своей сигаретой и встал.

— Не волнуйтесь, — сказал я со всей убежденностью, на которую был способен. — Не думаю, что Вас или Вашу жену ещё побеспокоят. По крайней мере, какое-то время. Что касается Андресса, ну, я не знаю. Постараемся сделать так, чтобы его тело не слишком часто переворачивалось в могиле.

► **6:05 вечера. «Бель Эйр».**

— Похоже, ты неплохо заработал на фондовом рынке, Марлоу. Мои поздравления. — Лейтенант Налти осматривал машину, припаркованную на подъездной дорожке. Он, как всегда, был не в полицейской форме и, говоря это, тряс кончиком своей голландской сигары, так что пепел рассыпался по безукоризненно алому блеску капота «триумфа».

— Когда ты купил новую машину? — продолжал он. — В последний раз, когда я тебя видел, ты ехал на маленьком автомобиле, который был намного менее шикарным, чем этот кабриолет.

Он достал из кармана маленькую записную книжку и быстро просмотрел её, водя указательным пальцем по колонке цифр.

— Вот он, «меркурий» 1952 года, тёмно-синий, калифорнийский номер 12-216. — Он восхищенно осмотрел машину от начала до конца. — Что это, чёрт возьми, такое? Одна из тех английских машин, да? Эта машина не соответствует тебе, Марлоу. Ты заслуживаешь более надёжного вида транспорта.

Он стоял и смотрел на неё. Это был довольно высокий, крепкий мужчина с редкими золотистыми волосами и небесно-голубыми глазами, которые выдавали его германское или скандинавское происхождение; он почти всегда носил всё коричневое. Марлоу не раз приходило в голову, что замена простого мнемонического эпитета «чокнутый» на «Налти» дала бы лейтенанту самое подходящее второе имя¹⁴. Не то чтобы Марлоу был фанатом словесных игр, но слово «чокнутый», означающее сумасшедший, псих, было особенно популярно в тогдашней полиции и даже в жаргоне, используемом другой стороной.

Налти провел черту под своими старыми заметками о «меркурии» и начал записывать новую информацию, повторяя вслух то, что он записывал:

— Марлоу, Ф., автомобиль: кабриолет «триумф», двухдверный, модель 56, красный с черной крышей, калифорнийские номера, 13-572. Сколько ты за него заплатил? Две с половиной тысячи, около этого?

— Гораздо меньше. Я купил его подержанным.

— Я выписал тебе штраф за парковку в неподобающем месте. Офицер сейчас выдаст квитанцию.

— Парковка в неподобающем месте? — повторил Марлоу, ища глазами отсутствующий знак «Парковка запрещена». Он закурил новую сигарету.

— Твоя машина загораживает подъезд к дому.

— Я должен был заметить, — признал Марлоу. — Здесь так много всего происходит. Полагаю, похоронному кортежу придется проехать мимо дома, потому что моя машина всё ещё перегораживает дорогу. Не так ли, лейтенант? А почему вы её не отбуксировали?

¹⁴ Игра слов. Фамилия полицейского — Nulty. Nutty («Натти») — *англ.* чокнутый, психованный, ненормальный.

Грудная клетка Налти выросла до огромных размеров, когда он сделал длинную, задумчивую затяжку сигарой.

— Ничего смешного, Марлоу. Разве офицер не сообщил вам, что этот дом находится под охраной полиции? Что ты здесь делаешь?”

— Смотрите, что происходит? — Марлоу бросил рассеянный взгляд в осенние сумерки: день оставлял на горизонте мимолетные следы света, и влажный ветерок пах водорослями и туманом. — Вам не кажется, что ветер изменился, лейтенант? Думаю, будет небольшой дождь.

— Ну так. Ты не обязан мне отвечать, — сказал Налти, меняя тему. — Дочь Фуэнтеса собирается стать звездой, правда? А ты гонец с радостной вестью. Как мило. Как мило. У меня сердце кровью обливается. Именно сейчас, когда старики в таком отчаянии. И что бы с ними стало, если бы эта девушка не стала подниматься по туманной лестнице в Голливудский рай высоко к славе?

Лейтенант протянул кулак и с силой поршневого двигателя ударил Марлоу по плечу.

— А? — выкрикнул он. — Что бы с ними стало?

— Этот же вопрос я задал себе, лейтенант, — начал заикаться полицейский. — Я не увидел в этом ничего плохого...

— Ты, — резко перебил Налти, его базальтовый взгляд сверлил человека в форме, в то же время его клешня продолжала терзать плечо Марлоу, — ты принадлежишь этому месту. — Он указал свою вытянутую руку с влажным сигарным отростком. — Оставайся у ворот, пока этот человек и его машина не исчезнут из поля зрения. А потом возвращайся сюда, понял? И никому, абсолютно никому, не разрешается входить в поместье — ни в особняк, ни в дом стариков. Даже если та самая блондинка Мэрилин приедет, чтобы поцеловать родителей на прощание или надеть бикини и искупаться в бассейне. Никто. Эта собственность — ты слышишь меня? — вся эта собственность находится под охраной полиции.

— Вас понял, лейтенант, — пробормотал полицейский, напрягшись. Он начал пятиться назад.

— Но сначала выпиши квитанцию на двадцать пять долларов. Пятнадцать за парковку в неположенном месте и десять за отказ убрать транспортное средство.

— Я записал всю информацию, босс, но у меня с собой нет никаких бланков. Я не из Отдела управления дорожным движением.

— Так отправь её ему по почте, — прорычал Налти.

Офицер прикоснулся правой рукой к фуражке, повернулся и направился к вилле. С огромным усилием Марлоу убрал руку, которая всё ещё сжимала его плечо. Он осторожно стряхнул пепел, который, падая, задел рукав его спортивного твидового пиджака.

— Ну что ж, теперь мы с тобой немного поболтаем, — сказал лейтенант.

— Нет ничего, чего бы мне хотелось больше, — сымпровизировал Марлоу. — Но у меня свидание. Поверьте мне, Налти, мне жаль до глубины души. Вы один из немногих людей в полиции, с которыми имеет смысл разговаривать.

— Свидание, да? Блондинка или брюнетка?

— Рыжая, — сказал Марлоу. — Но это только по делу.

Он потянулся к ручке двери «триумфа».

— Стой на месте, — рявкнул Налти, хватая никелированную ручку, а вместе с ней и руку Марлоу. — Рыжие обычно ждут, а я в очень плохом настроении. Что ты здесь делал,

Марлоу? Ты не из их круга. Зачем ты ходил к старикам? Только не говори мне, что они позвонили тебе договориться о твоих услугах.

— И вот опять, лейтенант, Вы же никогда не давали мне повода для сомнений, — ответил Марлоу. — Вы прекрасно знаете, что я никогда не возьму денег у прислуги.

— Именно так я себе и сказал. Так кто же тебя нанял?

— Ну, Вы же знаете, мне нужно соблюдать правила своей профессии. Я не обязан раскрывать личность моего клиента.

— А почему твой клиент интересуется именно этим делом? Андресс покончил с собой. Разве твой клиент не читает газет?

— Мой клиент хочет знать, когда состоятся похороны. И будут ли поминки с открытым гробом. И в каком состоянии находится тело после вскрытия. И в какое именно время прошлой ночью скончался несчастный Андресс. И он нажал ли на спусковой крючок из-за плохого пищеварения или в результате действия какого-то другого вредного вещества, которое могло оказаться у него в желудке. И было ли у него завещание или существовал ли какой-нибудь другой документ, например, страховой полис, что-то подобное, что может представлять какой-то интерес для ближайших родственников. И кто будет отвечать перед кредиторами, если обнаружится, что Андресс обанкротился. И куда можно послать венок или, по крайней мере, телеграмму с соболезнованиями ближайшим родственникам, если они у него есть. Что-то в таком роде.

— А что ещё?

— Что ещё? — Марлоу поднёс ко рту сигарету. Он слышал, что табак может вызвать рак легких или горла, но пока всё, что он смог выяснить, это то, что он стимулирует его воображение. — Он также хочет опубликовать некролог на первой полосе с фотографией покойного во всех газетах Западного побережья. Знаете, одну из той уймы фотографий Андресса с улыбкой на лице, широкой и сияющей, как Лонг-Бич, в окружении множества важных людей. Своего рода посмертная дань уважения. Он думает, что пресса не отдала парню должное, когда случилась эта история.

— Ах да? Я с трудом сдерживаю слезы. Ничто не трогает меня больше, чем узнать кого-то, кто щедр и благодарен по отношению к мёртвым. Обычно кто-то умирает, и всё! Люди вычеркивают парня из своей адресной книги — на одного человека меньше, о котором надо помнить. Сделай мне одолжение, Марлоу. Передай твоему клиенту мои наилучшие пожелания.

— С большим удовольствием, лейтенант. Он оценит это, поверьте мне на слово. От такого человека, как Вы, так хорошо знакомого со всем этим, человека, давно привыкшего вычеркивать имена из своей телефонной книжки... на самом деле это очень много значит. Я передам ему. Обещаю.

Когда Марлоу начал открывать дверцу машины, он почувствовал, как правая рука Налти накрыла его собственную.

— К чему такая спешка? — сказал офицер. — Скажи мне ещё кое-что, Марлоу. Как далеко любопытство твоего клиента выходит за рамки обычного великодушия? Что ещё он хочет узнать?

— Я уже почти всё рассказал Вам. — Марлоу задумался. — Остальные детали незначительны, и я бы посчитал дурным тоном их упоминание. Как, например, удалось поставить пистолет на предохранитель после того, как он проделал дыру в собственном черепе? Какую рану нанесла пуля его черепу? Оставила ли она отверстие с острыми краями, тупую рану, с выпуклыми краями, весь это сложный жаргон коронеров. Между нами говоря, из-за этого он потерял сон. Он не может представить себе такого парня как Йенсид Андресс, столь дьявольски умного и дотошно относящегося к своей внешности,

разбрасывающим своё ценное серое вещество по всему элегантному столу и красивому красному ковру. И я могу его понять. Это настоящий позор, Вам не кажется?

Налти задумчиво посмотрел на него. Бесконечная сигара перестала дрожать в его зубах, но когда он невозмутимо вынул её изо рта, то выпустил такую тяжёлую завесу дыма, что Марлоу пришлось отбиваться от неё кулаками.

— Значит, он знаком с кабинетом Андресса. Он недавно там был?

— Я бы не сказал, что он был там совсем недавно, — сказал Марлоу. — Но ковёр был очень ярким, а Андресс не был особо склонен к переменам. Не думаю, что с тех пор он его заменил.

— Твой клиент хорошо информирован, — признал Налти. — И ты пришёл подтвердить эти факты у старого Фуэнтеса, так?

Марлоу не ответил.

— Результаты вскрытия говорят, что Андресс умер около полуночи. — Лейтенант помолчал. — В его организме не было ничего смертельного, кроме обычной дозы виски. Она не убила его, и не вывела из строя. Очевидно, Андресс передвинулся на несколько дюймов прямо в тот момент, когда в него стреляли. Я до сих пор не понимаю, как, чёрт возьми, врач может узнать подобное из чьего-то поврежденного черепа. Таким образом, выстрел должен был быть произведен с расстояния в несколько дюймов — самое большее, два или три, — что означает, что парень, который выполнял эту работу, не был добросовестным профессионалом. Такие математические расчёты тоже для меня загадка, — Налти сделал ещё одну отвратительную затяжку сигарой. — Но, думаю, именно для этого существуют коронеры.

Марлоу открыл дверь «триумфа».

— Теперь ты пойдешь и расскажешь первому встречному идиоту всё, что я тебе только что рассказал, — хмыкнул Налти.

— Вы же знаете, что нет, — пообещал Марлоу. — Так получилось, что Вы можете рассчитывать на мою безоговорочную преданность и, с этого момента, на вечную благодарность моего клиента.

— На случай, если ты не знаешь — добавил лейтенант, — секретарь Андресса не рыжая. Кажется, я припоминаю, что она больше похожа на блондинку, хотя не могу в этом поклясться. Классная дамочка. Офис находится в здании «Авенант», недалеко от голливудского «Браун Дерби». Не пользуйся входом с бульвара, воспользуйся тем, что на Вайн. Но ты сможешь её там застать завтра после девяти часов утра.

— Я же сказал, что у меня срочное свидание, — запротестовал Марлоу, садясь за руль.

— И скажи своему клиенту, что похороны состоятся завтра на Голливудском кладбище. Если его интересует религиозная служба, то пусть читает газеты.

— Нет ничего более тягостного, чем похороны, — ответил Марлоу.

Он тронулся, развернулся в начале подъездной дорожки и помчался к разноцветному рою света и неона, который был далёким городом.

► **7:13 вечера. Бульвар Уилшир.** Ночь начала медленно обволакивать Лос-Анджелес, когда я ехал по Лост Каньон-роуд к Сансет. Я был голоден и не в настроении заканчивать дневную работу, но я действительно не знал, что ещё можно сделать. Информация, которую дал мне Налти, грозила превратить дело Андерса в огромную трясину, но теперь, вне всякого сомнения, я знал, что у меня есть дело. Самым правильным сейчас был бы звонок Мортону. Я пустил «триумф» по Каньон-драйв и остановился перед первой

попавшейся телефонной будкой на бульваре Уилшир. Мне повезло. Я застал Мортон в отделе новостей «Таймс».

— Где ты? — немедленно захотел узнать он.

— Телефон-автомат. В пригороде.

— Уезжаешь или возвращаешься?

— Еду домой понежиться в горячей ванне и выпить виски на три пальца.

— Не будешь возражать, если я заеду?

— Я бы не возражал, если бы ты взял с собой жареного цыплёнка и картошку фри, — а я обеспечу жидкое освежающее. У меня где-то было бургундское, я держу его для особых случаев. Оно напоминает мне Париж.

— Я не знал, что ты был во Франции. Когда?

— Когда отправлялся туда повидаться с Джинном Келли¹⁵ в «Американце в Париже»¹⁶.

— Мне стоило догадаться, — простонал Мортон. — Договорились. Жди меня около девяти.

Я повесил трубку и вернулся к машине. Я снова уловил перемену в ветре и решил, что дождь неизбежен. Отъезжая от тротуара, я заметил в зеркале заднего вида, что другая машина, стоявшая позади меня, зажгла фары. Она была припаркована примерно в тридцати ярдах дальше по бульвару. Я ехал с умеренной скоростью, одним глазом поглядывая в зеркало, скорее по профессиональной привычке, чем исходя из подозрения, что за мной следят. Я выехал с Уилшир на Сансет, и проехал с той же скоростью около мили: другая машина настойчиво удерживала со мной постоянную дистанцию. Я затормозил на светофоре, и другая машина резко остановилась у тротуара примерно в двадцати ярдах от меня. С этого момента я всерьёз начал рассматривать возможность того, что задачей водителя этого автомобиля было меня следить за мной. Рядом с первым силуэтом появился второй. Я неожиданно повернул направо и въехал на старую часть Банкер-Хилл. Я объехал квартал; автомобиль появился снова. Я пересёк бульвар в сторону Саут-Лафайет-Плэйс, свернул на Айдахо-стрит, продолжил движение в сторону Вентура-авеню и, не подавая сигналов, прокатился по Альтаир-стрит и Брайтон по направлению к Сансет. Это был нелепый, повторяющийся маршрут, а машина всё ещё висела у меня на хвосте. Не бывает двух сумасшедших парней с одним и тем же навязчивым лабиринтом в мозгах. Мне пришло в голову, что Налти, возможно, решил выяснить личность моего клиента и пустил по моему следу пару ищеек. Это входило в правила игры, и я больше об этом не беспокоился. Было просто неприятно вести машину с двумя желтыми фарами, прибитыми к зеркалу заднего вида. Я подумал, что люди Налти, должно быть, идиоты; они должны подходить к вещам более умело и тонко, если действительно хотят что-то выяснить. Потом мне пришло в голову, что они могут и не делать этого — может быть, на самом деле они хотели дать понять, что следят за мной. Зачем? Чтобы замедлить мои передвижения? Я не мог придумать никакой другой веской причины. Я добрался до Стрип и решил проверить мастерство своих преследователей, проскользнув в поток машин. Фары начали отставать и, наконец, слились с десятками других точек света, движущихся по бульвару в вечернем тумане. Я пересёк перекресток как раз в тот момент, когда желтый свет стал красным, и после этого фары были окончательно отстали. Я сбавил скорость;

¹⁵ Джин Келли (*англ.* Gene Kelly), полное имя Юджин Каррэн Келли (*англ.* Eugene Curran Kelly; 1912 — 1996) — американский киноактёр, кинорежиссёр, сценарист, продюсер, хореограф и певец.

¹⁶ «Американец в Париже» (*англ.* An American in Paris) — музыкальный фильм 1951 года, снятый режиссёром Винсентом Миннелли по мотивам одноимённой симфонической поэмы Джорджа Гершвина. В главных ролях Джин Келли и Лесли Кэрон.

доехав до Пасифик-Пэлисэйдс, я повернул в сторону Brentwood-Hights и выехал на Шетлэнд-лейн со стрелкой спидометра на цифре «сорок»¹⁷.

Мортон должен был появиться через час. А я тем временем пытался избавиться от напряжения, вызванного слезжкой и чередой допросов в течение дня, проводя сорок минут чуть выше ватерлинии наполненной ванны, смакуя полстакана «талискера» со льдом. Затем я завернулся в большой тёплый халат, закурил сигарету и поставил пластинку. Гудмен рыдал в своих воспоминаниях, меланхолично выдувая «Бенни опять поднимается», когда появился Мортон. Мы ещё немного послушали музыку, поглощая цыплёнка вместе с моей последней бутылкой бургундского. Это, конечно, был не тот ужин, которым мы наслаждались бы в таком месте, как «La Tour d'Argent»¹⁸, но и Лос-Анджелес тоже не был Парижем. Ничто, напоминающее Сену, не пробивалось через Пасифик-Пэлисэйдс, и, выглянув с балкона, я не мог увидеть нечто напоминающее колонны башни Собора Парижской Богоматери, появляющиеся тёмными пятнами из подсвеченного тумана. Насколько я могу судить, всё, что есть общего у этих двух городов, — это бульвары, но даже в этом случае меня всё ещё ждал большой сюрприз, когда я увидел картину с Джином Келли. Возможно, это было вызвано искажением при цветопередаче, но, похоже, извилистые, вымощенные булыжником парижские бульвары не имели ничего общего с их очень длинными, прямыми, напоминающими пустыню калифорнийскими собратьями.

Мортон не смог сдержать удивления, когда я пересказал ему откровения Налти.

— Это невероятно, — сказал он, некоторое время слушая меня даже не открывая рта. — Ничего из этого официально не передавалось в газеты. Единственная официальная версия до сих пор — это версия о самоубийстве. Это единственная версия. Главный редактор ни в малейшей степени не заинтересован в том, чтобы попробовать ещё немного раскопать. В Старрете есть что-то странное, но я не могу поверить, что он может быть замешан в подобном заговоре. Он сказал, что не хочет никаких неприятностей, и мы не должны ничего предпринимать, пока полиция сама что-нибудь не выяснит и не предоставит нам информацию.

— А что он сделает, если мы предоставим ему пирог, испечённый в нашей собственной духовке?

— Если нам удастся забраться достаточно далеко так далеко, ему придётся отступить, в этом я более чем уверен.

Учитывая официальное молчание по этому делу, было трудно сказать, что было на уме у Налти, когда позволил узнать мне о результатах вскрытия и всём остальном; если я приму его слова за чистую монету, то теперь, когда версия о самоубийстве и его возможное объяснение были опровергнуты, мы имеем дело с преступлением. Мы рассмотрели возможность того, что Налти хотел отправить нас на поиски ветра в поле. В конце концов, лейтенант по природе своей не был настолько любезным и услужливым; он работал на 77-й улице и был одним из тех крутых парней, способных обработать любого из подозреваемого из тех, кто был способен признаться в чём угодно после того над ним поработают пару-тройку раз. Налти, определённо, был мне кое-чем обязан и питал ко мне, скажем так, определенное профессиональное уважение. Но он также был одним из тех полицейских, которые остро осознают грань, между частным сыщиком и государственным; он разделял убежденность своих товарищей в том, что они только они должны иметь отношение к расследованию в каждом деле, а любой другой, кто появляется и вынюхивает, ни что иное как помеха — мнение, основанное на зависти или полномочиях, в зависимости от точки зрения наблюдателя. Роль, которую он косвенно отвёл мне в деле

¹⁷ Около 64 км/ч.

¹⁸ La Tour d'Argent (франц. Серебряная башня) — исторический ресторан в Париже, Франция. Расположен по адресу: Набережная Турнель, 15.

Адресса, имела значение, которое ни Мортон, ни я не смогли бы предугадать. И помните, мы проглотили бутылку бургундского и по крайней мере по паре порций виски каждый.

Несмотря на это, после двух коньяков и упоения джазом сороковых мы, наконец, пришли к согласию. У нас было достаточно оснований, чтобы продолжить расследование. Очевидно, следующим шагом (в нашем состоянии всё казалось очень очевидным) было отправиться в офис Адресса в здание «Авенант», чтобы посмотреть, что можно выяснить там. Мы попытаемся проверить истинное финансовое положение агентства, раздобудем список клиентов и выясним, у кого из них мог быть мотив для убийства Адресса. Я буду разбираться с этим, а тем временем Мортон посмотрит, не всплывёт ли что-нибудь в шушуканье на похоронах. Мы не были слишком оптимистично настроены, но в тот момент мы были настолько беспечны, что нам это показалось самым разумным способом продолжить.

Мортон ушёл далеко за одиннадцать. Чисто по инерции я вышел на балкон понаблюдать, как он садится в «ягуар». Вечерняя сырость усилилась — ползучий, влажный прибрежный туман начал вторгаться в город. Так могло бы быть и в Лондоне. Когда Мортон завёл машину, я увидел, как моргнула пара жёлтых фар примерно в ста ярдах вниз по Шетланд-лейн. Я мгновенно понял, что эти два мрачных совиных глаза были теми же самыми, которые следовали за мной по бульвару Уилшир и в лабиринте поворотов в Банкер-Хилл. Машина слегка притормозила в момент переключения передачи, и я разглядел, что это серый седан «плимут», хотя и не поклялся бы в этом в суде. Рассеянный желтоватый свет уличных фонарей отражался в густой, богато украшенной галерее тумана. Мортон свернул направо в следующий переулок, и красные габаритные огни «плимута» уверенно свернули за ним. Моим первым побуждением было побежать к своей машине и присоединиться к этой колонне, но я тут же понял, что времени, которое мне потребуется, чтобы одеться, само по себе достаточно, чтобы дать им значительную фору. По-видимому, Мортон направлялся домой, но, учитывая, что он был репортёром, и к тому же одиноким, в этом нельзя было быть уверенным. Посмотрим, что я смогу выяснить утром. Я выключил проигрыватель, немного прибрался в гостиной и взял с полки последний роман Чандлера, который я пообещал себе прочесть. Кажется, я добрался до сороковой страницы, двойная благодарность ещё одному глотку «талискера» и полдюжине сигарет «кэмел». То, что напридумывал Чандлер, было невероятно — в настоящей жизни его детектив никогда бы не смог найти разгадку.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Биг-Бэр-Лэйк

Лето 1950

Проведя около пяти месяцев в Аркадии, жилым пригороде к северо-востоку от Лос-Анджелеса, Чандлер и его жена Сисси отправились на лето 1950 года в горы, в тени которых лежит Сан-Бернардино. Сначала они попробовали Фоунскин, а потом сняли хижину в Биг-Бэр-Лэйк. После душного плена города высота в семь тысяч футов освежала. В те дни то место всё ещё оставалось привлекательной глухоманью с захватывающим видом: гранитные валуны спускались до самого восточного берега озера, вокруг располагались бесконечные ярко-зелёные сосновые леса, а горные вершины были под снегом круглый год. По словам Фрэнка Макшейна, ландшафт и растительность там напоминают нижние Альпы: полевые цветы и вечнозеленые растения усеивают склон горы, а воздух прохладен и чист. Солнце тёплое всё лето. Озеро Эрроухед находится примерно в пятнадцати милях отсюда, а крошечный курортный посёлок Сан-Бернардино — чуть дальше него.

Джон Батлер¹⁹, один из авторов «Чёрной маски»²⁰, жил неподалеку. В какой-то момент летом У. Т. Баллард²¹ и Клив Адамс²², два других писателя из их группы, отправились в Биг-Бэр-Лэйк со своими женами. Чандлер только что начал работу над новым романом, который в конечном итоге будет опубликован под названием «Высокое окно». Воссоединение четырех писателей и их забытых ныне супруг переросло в оживленную встречу в хижине Чандлеров.

— Главная проблема большинства детективных историй, как я её понимаю, заключается в том, что люди, которые их пишут, плохие писатели, — кратко заявил Чандлер в середине тура с бурбоном и имбирным элем. Все они вместе расположились во вместительном, уютном главном зале хижины, её большие окна, выходящие на берег озера, были затянуты противомоскитной сеткой.

— Они не создают литературное произведение удовлетворительного уровня, — продолжал он, — потому что, в целом, воображение, которое может создать расчётливо продуманную головоломку, как правило, не может дать тот огонь и внимание к деталям, необходимые для того, чтобы писать образно.

— А как же По? — с живостью ответил Батлер. — У него определенно был такое воображение, какое Вы описываете; он был человеком, способным создать сюжет точно так же, как он создал бы кроссворд или шахматную задачу. Но не из-за отсутствия огня, порывистости или того, что Вы называете деталями. Он был великим писателем, одним из лучших, пишущих на английском, и в придачу ко всему создателем детективного жанра. Это опровергает Ваши аргументы.

— Признаю, что он был первым, кто обратился к определенному виду криминального сюжета, — сказал Чандлер. — Но не каждый криминальный роман по своей природе дедуктивен. По здесь не обсуждается — он ещё не был изуродован своей профессией. Он

¹⁹ Джон К. Батлер (*англ.* John K. Butler, 1908 — 1964) — американский писатель, автор вестернов и детективов, и сценарист.

²⁰ «Чёрная Маска» (*англ.* Black Mask) — журнал, основанный в 1920 году. В «Чёрной Маске» печатались произведения Д. Хэммета, Р. Чандлера, Э. С. Гарднера и многих других известных авторов.

²¹ Уиллис Тодхантер Баллард (*англ.* Willis Todhunter Ballard, 1903 — 1980) — американский писатель, известный автор вестернов и детективных романов.

²² Клив Фрэнклин Адамс (*англ.* Cleve Franklin Adams, 1894 — 1949) — американский писатель, известен как автор «крутых» детективов, которого многие критики называют связующим звеном между романами Дэшила Хэммета и Джеймса Элроя.

был настоящим писателем, поэтом, и он никак иначе ничего не мог сделать со своей жизнью. Я часто думаю, что он, должно быть, написал свои первые детективные рассказы для развлечения или как своего рода шутку. Он обладал таким неудержимым интеллектом, что должен был как-то использовать свои аналитические способности. «Убийство на улице Морг», «Похищенное письмо»... В этих историях есть что-то сатирическое, оскорбительное. По выставил на всеобщее рассмотрение традиционные методы полицейского расследования того времени. Он хотел показать, что с отличным воображением можно с полнейшей точностью дать разгадку загадочного преступления, подобного тому, что произошло на улице Морг, при этом, не вставая с кресла в гостиной и не располагая никакими фактами, кроме тех, что напечатаны в газете. Он ненавидел бессмысленное привлечение дополнительных полицейских сил, массовые аресты, допросы и решил над этим посмеяться.

— Безусловно, он открыл совершенно оригинальную форму развлечения. И называть это просто формой развлечения — это преуменьшение. — Баллард откинулся на спинку кресла у окна и посмотрел на колеблющееся послеполуденное солнце. — Его рассказы могут быть слишком умными, чтобы быть полностью убедительными; в этом смысле я согласен с Рэймондом, что в рассказах По нет ни огня, ни страсти, а следовательно, ни жизни, ни действия. Но По намеревался обеспечить строго интеллектуальную форму удовольствия, как раз такую, какую вы, джентльмены, описываете.

— Но он был правдивым парнем, — сказал Чандлер. — Он был гением. Ему не нужно было играть в игры или держать туза в рукаве. Не так, как в последовавших за ним дедуктивных, классических криминальных романах, в которых не всегда играют по правилам, и именно поэтому они являются лживыми. Конечно, люди, которые их писали, не обладали интеллектом По, поэтому вместо этого они обратились к заполнению себя тайным знанием, которое они держат при себе, давая читателю столько информации, чтобы хватило его сбить с толку. По-настоящему правдивый детектив или роман о расследовании — это такой, который даёт читателю весь материал для разгадки тайны, где ничто существенное не недооценивается и ничто существенное не переоценивается, где сами факты несут в себе своё собственное толкование и не должны анализироваться под микроскопом, чтобы раскрыть их смысл.

— А что насчёт Конан Дойла? — спросил Адамс. — Он правдивый писатель?

— Правдивый — возможно. И толковый тоже. Но самая большая сила Дойла заключалась в том, что он знал, когда следует прибегнуть к оригинальности. Шерлок Холмс-совершенно нетипичный персонаж, очень необычный. Это очаровывает британцев. У него ум ученого или математика и чувствительность художника; он играет на скрипке, он полностью предан своей трубке, он наркоман-морфинист и определенно женоненавистник, если уж и не гомосексуалист. Необычное сочетание характеристик, но такое, которое пробуждает в его читателях невероятную тоску по всем этим подавленным в себе качествам. Таким образом, интерес к Холмсу проистекает скорее из того, что символизирует сам персонаж, чем из какого-либо внутреннего интереса к сюжетам и гипотезам Дойла. Любой, кто знаком со Скотленд-Ярдом и тем, как он, например, работает найдёт его полицейских совершенно нелепыми. Их научные теории очень недостоверны, и в повествованиях Дойла едва ли есть какая-то тайна. Искушенный ум не будет удовлетворен ни одной из них.

— А Агата Кристи? — поинтересовался Батлер.

— Агата Кристи? — Чандлер машинально затянулся трубкой. — Послушайте, Джон, я только что закончила читать один из её небольших романов, «И никого не стало»²³, и я уверен, что леди Кристи решает писать детективные романы так же, как она, вероятно, решила бы вязать крючком, или испечь торт своим подружкам для пятичасового чаепития,

²³ Также известен под названием «Десять негрят»

или сопровождать своего второго мужа в его археологических изысканиях. Эта её книга — не правдивая криминальная история: она не даёт читателю ни малейшего шанса разобраться во всём самому, а мотивы и сюжетные приёмы — чистая чушь. Сюжет основан на человеке, который ведёт себя абсолютно определенным образом, а затем внезапно, без каких-либо убедительных объяснений, начинает вести себя по-другому, совершенно неожиданно. И потом, леди Кристи совершенно ничего не знает о смертельных препаратах и их действии. Я нашёл книгу хорошей только в одном: для меня она раз и навсегда разрешила вопрос в моём сознании, с которым было связано, по крайней мере, некоторое продолжительное сомнение — возможно ли написать строго правдивую историю с загадкой классического типа. Нельзя. Чтобы всё запутать, приходится подгонять улики, время, играть в стечение обстоятельств и делать вид, что пятидесятипроцентная вероятность — это стопроцентная достоверность. Чтобы получить неожиданного убийцу, вы подделываете характер, что поражает меня больше всего, потому что я понимаю смысл характера. Если люди хотят подыграть, я не против. Но ради Бога, давай не будем говорить о правдивости в таких историях. Её там нет.

— Но Вы же не можете сказать мне, что её герой, этот бельгийский полицейский Эркюль Пуаро, не является ярко выраженной, харизматичной личностью, — заметил Адамс. — Признаю, что Шерлок Холмс — скорее прообраз детектива, слишком холоден и интеллектуален, чтобы быть реальным. Но мсье Пуаро — вполне осознаваемый персонаж — его манеры, его вежливость... Посмотрите «Убийство в Восточном экспрессе». Разве Вы не согласны?

— Нисколечко, — категорично ответил Чандлер. Он взял ведёрко со льдом, в котором оставалось немного воды и несколько кубиков льда размером с камешек, прошёл на кухню и открыл холодильник. — Послушайте, Клив, — продолжал он оттуда. — Я не отказываю автору детективов в привилегии сделать своего детектива таким человеком, каким он захочет: поэтом, философом, студентом, изучающим керамику или египтологию, или магистром всех наук, как доктор Торндайк. Миссис Кристи придумала своего собственного Геркулеса, и она имела на это полное право. Чего я не могу вынести, так это этого наигранного благородства, которое не относится к работе и которое, по сути, является подсознательным выражением снобизма. Это то, чего достигла в своей высшей точке Дороти Сэйерс. Возможно, проблема в том, что я выпускник английской государственной школы и знаю всю эту публику вдоль и поперек. И, единственное, кто из выпускников государственной школы мог бы стать настоящим детективом — это бунтарь в этой школе, такой как Джордж Оруэлл.

— Не понимаю, как Вы можете заранее навязывать, как должен вести себя настоящий детектив, — сказал Баллард. — Он всегда должен быть таким парнем, как Сэм Спейд? Этот Спейд не аристократ, это точно. И Дэшил Хэммет тоже. Но даже несмотря на то, что Хэммет был агентом у Пинкертона²⁴ и знает свою работу вдоль и поперек, есть что-то не то в том, как Сэм Спейд говорит и действует. Конечно, полицейский обычно не проводит время в изысканных местах или с высокообразованными людьми. Но Спейд всегда такой крутой парень, и он часто бывает излишне грубым. В каком-то смысле это тоже снобизм. Хэммет хотел отойти от классического идеала образованного, аристократичного, хорошо воспитанного детектива, который берётся за раскрытие преступления или любой другой тайны с удовольствием дилетанта, так, как будто это самый лучший способ отвлечься. Но Спейд груб, дерзок и провоцирует даже тогда, когда в этом нет никакой необходимости. Если мы говорим о реализме, то лично я предпочитаю Джеймса Кейна. Возможно, у него нет жизненного опыта Хэммета, но он такой же грубый и жестокий, и его персонажи поднимаются на достаточный уровень, чтобы достичь определенной литературной

²⁴ С 1915 по 1921 годы (с перерывом на время войны) Дэшил Хэмметт работал частным сыщиком в детективном агентстве Пинкертона в городе Бьютт (Монтана).

ценности. Их ноги может и утопают в грязи, но они не проводят всё свое время, ворча или чувствуя себя обязанными действовать жёстко. Спейд же, это своего рода мачете.

— Послушайте, Баллард, — сказал Чандлер. — Частный детектив в реальной жизни — это неряшливый мелкий работяга из Агентства Бернса²⁵ — крепкий парень с чуть большей индивидуальностью, чем у дубинки, и моральными устоями пешеходного светофора. Если бы Хэммет придерживался реальности, это никому не было бы интересно. Хэммет воссоздал детектив как литературу, описывающую жизнь вокруг. Я не совсем уверен, что Кейн делает то же самое: то, что он описывает, ещё более мерзко, чем в реальной жизни. Если мы собираемся быть полностью правдивыми друг с другом, мы просто должны признать, что вымышленный частный детектив не существует и не может существовать на самом деле. Он — олицетворение жизненной позиции, возможное преувеличение. Детектив существует целиком, полностью и неизменно во всём, что происходит; он, как детектив, вне истории и над ней, сейчас и всегда. Вот почему он никогда не добьётся девушки, никогда не женится, у него никогда нет никакой личной жизни, за исключением того, что он должен есть, спать и иметь место, где хранить свою одежду. Его моральная и интеллектуальная сила заключается в том, что он не получает ничего, кроме своего гонорара, за который он будет, если сможет, защищать невинных, охранять беспомощных и уничтожать нечестивых, и тот факт, что он должен всё это делать, зарабатывая себе на скудную жизнь в коррумпированном мире, — это то, что его выделяет.

— Филип Марлоу, — иронично заметил Баллард. — Современный рыцарь в сияющих доспехах.

— Не возражаю, — признал Чандлер. — У Марлоу есть что-то в этом роде. Послушайте, — исповедовался Чандлер в слегка нетрезвом состоянии, обращаясь к аудитории, которая постоянно множилась и растворялась среди алкогольных паров, — когда я начал писать прозу, у меня был большой недостаток — у меня совершенно не было для этого способностей. Я не мог заставить своих персонажей входить в комнату и выходить из неё. Они, как и я, теряли свои шляпы. Если в сцене участвовало больше двух человек, я не мог оставить в живых ни одного из них. Самым трудным было создание сюжетов. Для меня сюжет, если его можно так назвать, — это естественная вещь. Он растёт и часто перерастает. У меня постоянно находятся сцены, которые я не отбрасываю и которые не хотят в него вписываться, так что моя возможная сюжетная проблема неизменно заканчивается отчаянной попыткой оправдать наличие материала, который, по крайней мере для меня, ожил и настаивает на том, чтобы остаться в живых. Я не испытываю никаких угрызений совести, помогая своим романам фрагментами повествования, которые я уже использовал в других местах; Я подкармливаю свои произведения своими же собственными работами. Что ж... Я хотел бы сказать ещё кое-что. Ах да: использование рассказчика от первого лица создает большие неудобства — особенно в детективном романе, где многое должно происходить, пока детектив находится не на сцене. Но персонаж, который видит вещи со своей собственной точки зрения, также имеет преимущества: он обогащает текстуру прозы и придает ей характер, которого нет у всеведущего рассказчика. Я узнал это от Джозефа Конрада. Он назвал своего персонажа Марлоу, и я принял это имя для себя, как форму признания. Я попытался сделать своего Филиппа Марлоу менее серьёзным, чем у Конрада, сделать его каким-то более лёгким, острым, возможно, немного более изобретательным и умным — и, определённо, более циничным и романтическим. Для меня Марлоу должен был быть выразителем той «контролируемой полупоэтической эмоции», которая должна быть неотъемлемой частью каждого романа, который я пишу.

²⁵ Международное детективное агентство Уильяма Дж. Бернса — частное детективное агентство в Соединенных Штатах, основанное в 1909 году.

— Что Честертон хотел сказать по этому поводу? — вмешался Клив Адамс. — «Существенная ценность детективного романа заключается в том, что он является первой и единственной формой популярной литературы, в которой выражается некоторый смысл поэзии современной жизни». Это была весьма смелая защита детективных романов, учесть, что это было написано в 1902 году. Хотя, конечно, это был способ оправдать приключения его собственного отца Брауна и своё собственное творчество.

— И все же это абсолютная правда, — вмешался Чандлер. — Форма поэзии насилия. В детективном романе есть элементы трагедии, которые не трагичны, и элементы героизма, совсем не героические. Это мир грёз, в который можно войти и покинуть по своему желанию, и он не оставляет шрамов. Такова природа поэзии; и чтобы быть поэтическим выражением современной жизни, детективный роман должен обязательно превратить насилие мира, в котором мы живём, в поэзию.

— И это еще не всё, — решил Батлер, который некоторое время молчал и размышлял. — Хороший детективный роман сразу погружает читателя в бурю событий. Именно так, как рекомендовал Гораций в своей «Ars poetica»: трагедия должна начинаться *in medias res*²⁶, в середине дела — с преступления, которое уже совершено, или с войны, которая уже развязана. Вы начинаете читать «Илиаду» Гомера и быстро оказываетесь в центре спора, свидетелем ужасного гнева Ахилла и ярости Агамемнона. Нечто подобное происходит и в криминальном романе; ситуации, которые развиваются, всегда являются предельными ситуациями, такого рода событиями, которые приближаются к границам существования и позволяют внезапно обнаружить его смысл. Не раз я начинал думать, что экзистенциализм придал трагической литературе новое измерение, также, как и детективному роману. Ясперс обсуждает предельные ситуации; Хайдеггер определяет существование как бытие-для-смерти; для Сартра это шаткое равновесие между бытием и небытием, где единственным фактором, который может подтолкнуть верующих к той или иной стороне весов, является индивидуальная свобода, выбор. Утверждение Камю, что самоубийство представляет собой фундаментальную философскую проблему, кажется логичным: существование имеет онтологически обусловленную или случайную природу; смерть, с другой стороны, является необходимым и неизбежным событием. Для рода людского самоубийство представляет собой самый крайний вариант осуществления своей свободы.

-Очень сложно, — сказал Чандлер. — Я согласен, что цель полицейского романа по существу не отличается от цели греческой трагедии. Но мы имеем дело с не очень образованной публикой, и поэтому мы должны использовать речь, которую они смогут понять. Думаю, что крайне важно использовать при этом всё, что только возможно. Вся моя деятельность основана на идее, что рецепт не важен; важно то, что вы с ним сделаете. Другими словами, это вопрос стиля.

-Э, одну минуту, — вмешался Батлер. -Вопрос стиля, но в основе вопрос содержания, наполнения. Я настаиваю: уникальность детективного романа заключается в том, как он ставит читателя перед одной из этих предельных ситуаций существования: смерть, убийство, самоубийство, похищение, акт мести, пропажа человека. Даже, в незначительном смысле, ограбление или мошенничество. В любом случае, именно содержание определяет трагический характер событий. Как правило, это содержание должно быть решающим, неожиданным, внезапным событием, которое настигает читателя, когда он меньше всего этого ожидает. Детективный роман всегда идёт по той тонкой грани, которая отделяет закон от преступления, справедливость от

²⁶ *In medias res* (с лат. — «в середине дела») — термин традиционной поэтики, обозначающий начало действия или повествования с центрального эпизода фабулы (его завязки или даже одной из перипетий) без предварения его экспозицией и предысторией, излагаемыми от лица автора или вводимыми в монологах и диалогах действующих лиц; фабула не обрамляется при этом описаниями, рассуждениями и прочим не повествовательным материалом.

несправедливости, респектабельный, условный мир, буржуазную порядочность от преступного мира. Это линия, подобная той, что проходит между добром и злом, безопасностью и опасностью, тюремным заключением и свободой — и, более всего, последняя, окончательная граница между жизнью и смертью. Ты не достигнешь этого, просто отшлифовав свой стиль, парень; чтобы достичь этого, ты должен рассказывать осмысленные истории, полные трагического содержания, и рассказывать их хорошо.

— А разве не именно это означает стиль? — возразил Чандлер. — Как иначе вы можете рассказать историю с такой силой убеждения? Например, я принадлежу к числу тех, кто в определенной степени верит в то, что называется вдохновением, хотя это слово было настолько извращено, что я предпочитаю его не использовать. Я верю, что любые написанные слова о чём-либо из жизни идут от солнечного сплетения. Это тяжелая работа в том смысле, что она может вызвать у вас усталость, даже раздражение. В смысле осознанных усилий это вообще не работа. Важно то, что должен быть промежуток времени, скажем, четыре часа в день, по крайней мере, когда профессиональный писатель ничего не делает, кроме как пишет. Ему не нужно писать, и, если ему не хочется, он не должен пытаться. Он может смотреть в окно, или стоять на голове, или сочинять на полу, но он не должен делать никаких других конструктивных вещей, не должен читать, писать письма, просматривать журналы или выписывать чеки. Он или пишет, или нет. Два очень простых правила: а) вам не нужно писать; б) вы не можете делать ничего другого. Остальное придёт само собой.

— Да, это хороший, дисциплинирующий способ работы. Если вы хотите заниматься этим профессионально, полагаю, другого пути нет, — Клив Адамс подошёл к окну. Он бросил меланхоличный взгляд на гладкую поверхность озера и обнаружил, что видит горный склон, погружающийся в восточную кромку воды, как нож в тело. Он повернулся к присутствующим. — Но для того, чтобы иметь возможность работать таким образом, вам необходимо уже чего-то достичь. Вы не можете превратиться в профессионального писателя в одночасье, и этот предварительный этап, этот отрезок пути, который вы должны пройти полностью самостоятельно, полностью зависит от вашего личного таланта и вашей решимости писать. Писателями рождаются или не рождаются. Возможно, ещё многие рождаются с достаточным талантом и останавливаются на полпути — мы точно не знаем, — но я сомневаюсь, что кто-то стал блестящим писателем только потому, что решил им стать, как в какой-то момент своей жизни вы можете решить стать банковским служащим, или заняться бизнесом, или устроиться государственным служащим на опасную работу.

— Ну, — сказал Чандлер, — я опубликовал свой первый рассказ, когда мне было сорок пять лет. До тех пор я мало чего достиг, кроме как стал хорошим бухгалтером и управляющим в нефтяной компании. Моя склонность к писательству, безусловно, происходит из далекого прошлого. Я получил образование в Далвичском колледже в Англии и, откровенно говоря, был студентом-отличником по классической литературе. Если бы я не изучал греческий и латынь, я сомневаюсь, что знал бы сегодня, как провести различие между тем, что я называю народным стилем, и тем, что я бы назвал притворной простотой. На мой взгляд, существует огромная разница. Так что не расстраивайся, Клив, если я и по сей день думаю, что самая трудная часть писательства — это стиль, и что совершенствование его стиля — это также лучшая инвестиция, которую писатель может сделать со своим временем. Выплаты идут медленно; ваш агент будет смеяться над вами, а ваш редактор вас не поймёт. Но также найдутся люди, о которых вы никогда не слышали, которые постепенно убедят вас в том, что писатель, который ставит на своем сочинении свою индивидуальную печать, всегда будет зарабатывать. Конечно, я имею в виду такой стиль, который является чем-то вроде проекции личности; поэтому, чтобы иметь возможность проецировать его, вы должны сначала стать личностью. Я согласен с тобой, Клив, ты не можешь стать писателем, просто применяя свой стиль. Стиль — это не результат качества ваших эмоций и восприятия; именно способность переносить их на

бумагу делает человека писателем, в отличие от большого числа людей, чьи эмоции столь же остры и чьё восприятие столь же остро, но которые ни за что на свете не смогут выразить их на бумаге.

— В глубине души я подозреваю, что это довольно романтическая и экспрессивная теория творческого процесса, — возразил Баллард. — Нельзя сказать, что писательство — это полностью субъективный процесс. Конечно, и это имеет значение, но вы должны сосредоточиться на форме и технике. Если вы этого не сделаете, то в конечном итоге получите сентиментальный и слезоточивый продукт. Разница между хорошим и плохим писателем заключается не в качестве его эмоций или остроте восприятия, а в том, что он делает со своим материалом. Хороший роман-это результат многих часов тяжёлой, интенсивной работы, как и любая форма мастерства. За исключением того, что вместо полировки дерева, пайки металла или долбления камня вы работаете с языком, и язык-это ваше сырьё.

— То же самое можно сказать и о хорошей журнальной статье, — возразил Чандлер. — И я не сомневаюсь, что сегодня пишется очень много искусных статей, замаскированных под романы, и, вероятно, их будут продолжать писать. Но эти романские статьи всегда будут лишены определенного эмоционального резонанса. Даже когда речь идет о смерти, а это часто так, они не трагичны. Это неудивительно: эпоха, неспособная к поэзии, также неспособна к любой другой литературе, кроме литературы декаданса. Эти мальчики умеют говорить всё, что хотят, — их сцены довольно утомительно закруглены, у них есть все факты и они знают все ответы, — но они маленькие люди, которые забыли, как молиться. По мере того как мир сжимается, умы людей сжимаются вместе с ним. Когда-нибудь на рынок выйдет роман, написанный роботом или компьютером. И я уверен, что он станет бестселлером.

— Вы читали эссе Сомерсета Моэма «Упадок и падение криминального сюжета»? — спросил Батлер. — Все вы хорошо ладите с Хэмметом, особенно Вы, — подчеркнул он, обращаясь к Чандлеру. — Но, несмотря ни на что, Моэм говорит, что детективная история закончилась, за исключением вас двоих, потому что не появилось никаких других подлинных талантов. Никого, кроме подражателей, более жестоких, более пошлых, делающих больший упор на сексе. Полагаю, что Джеймс Кейн и, возможно, один или двое из присутствующих должны быть среди них. Но в любом случае, ты спасаешь нашу честь, Рэймонд. «Я не вижу, кто может стать преемником Рэймонда Чандлера», — пишет Моэм в конце. Утешает, не так ли?

— Подозреваю, что это такой элегантный способ Моэма ответить на моё восхищение им, — сказал Чандлер, набивая трубку. — Я не знаком с ним лично, но однажды я сообщил своему британскому издателю Хэмишу Гамильтону, что не отказался бы от экземпляра «Эшендена»²⁷ с автографом, и он сразу же мне его прислал. «Эшенден» на голову выше любого другого когда-либо написанного шпионского романа. Остальные его романы, какими бы хорошими они ни были, на самом деле не превосходят другие в своей области.

— И Вы согласны с ним, когда он говорит, что не видит, кто мог бы составить Вам конкуренцию в качестве автора детективных романов? — спросил Баллард, его тон был где-то между насмешкой и восхищением.

Чандлер глубоко затянулся трубкой. Он задумчиво откинулся на спинку стула, его глаза блуждали по беспорядку стаканов и пустых бутылок, как будто лабиринт его собственной жизни отражался где-то в этом хаосе стаканов, окурков и пустых бутылок из-под бурбона. Он поднял глаза и увидел, как послеполуденные тени начали сгущаться за оконной рамой;

²⁷ «Эшенден, или Британский агент» — сборник рассказов У. Сомерсета Моэма, частично основанных на опыте автора как сотрудника британской разведки, работавшего в Европе во время Первой мировой войны.

за затянутыми сеткой окнами мириады насекомых избивали крыльями желтоватый воздух над озером. Кошка Таки подошла к группе и внезапно прыгнула на колени Чандлера, принявшись устраиваться, пока не нашла наиболее удобное положение. Чандлер благодушно погладил её по лапе.

— Кто знает, — наконец сказал он, выдохнув небольшое рассеянное облачко ароматного дыма «голландской амфоры». — Я много думал о том, что ты сказал, Джон, в середине твоего философского отступления. Что-то о самоубийстве — как единственном способе самостоятельно решить проблему, которая рано или поздно должна прийти. В конце концов, все, что вы можете сделать, обречено медленно сгорать в этом расходуемом пламени, называемом жизнью. Вещи, которыми мы живем, подобны далёким вспышкам крыльев насекомых в затуманенном солнечном свете. Если бы я был убежден, что никто из тех, кто придёт после меня, никогда не сможет занять мое место, самоубийство было бы прекрасным способом перейти в бессмертие. Но я искренне не верю, что это правда. Детективный роман будет продолжать обновляться, и все мы без особой боли и славы войдём в пантеон безымянных героев как неизвестные солдаты, которые что-то сделали для поддержания жизнеспособности жанра, включив в него сам язык, преступление и насилие, как стиль нашей собственной жизни. Если со всем этим мы достигнем чего-то похожего на поэзию, этого уже достаточно. Если бы я был уверен, что достиг этого, то лично я был бы удовлетворен. И поэтому, если когда-нибудь у меня не будет никаких веских причин жить, таких как виски, табак, кошка Таки или моя жена, я, вероятно, прибегну к этому старому философскому средству: я поищу свой старенький 38-й в глубине одного из ящиков бюро и застрелюсь в одном из этих безотказных мест при первом удобном случае²⁸.

²⁸ **Примечание автора.** На самом деле, по словам Фрэнка Макшейна, неудачную попытку самоубийства Чандлер совершил 22 февраля 1955 года, через две недели после годовщины смерти своей жены Сисси. Чандлер произвел два выстрела из револьвера 38-го калибра, стоя в ванной за закрытой пластиковой занавеской для душа, одетым в халат. Вот собственный рассказ Чандлера об этой водевильной ситуации: «Я ни за что на свете не смог бы сказать вам, действительно ли я намеревался пройти через это или моё подсознание разыгрывало дешёвый драматический спектакль. Первый выстрел прозвучал без моего намерения. Я никогда не стрелял из пистолета, и спусковой крючок был настолько легким, что я едва прикоснулся к нему, когда попытался взять его в руку, он нажался, и пуля срикошетила от кафельной стены в душе и прошла сквозь потолок. С таким же успехом она могла срикошетить мне в живот. Сам выстрел показался мне очень слабым. Это подтвердилось, когда второй патрон (чтобы довести до конца) вообще не выстрелил. Патронам было около пяти лет, и в этом климате, я думаю, заряд разложился. И в этот момент я потерял сознание. Полицейский, который пришёл после, сказал мне позже, что я сидел на полу в душе, пытаюсь засунуть ствол в рот, а затем, когда он попросил меня отдать револьвер ему, я просто рассмеялся и протянул его ему. У меня нет ни малейших воспоминаний об этом. И я не знаю, является ли это эмоциональным дефектом или нет, что у меня абсолютно нет чувства вины или смущения при встрече с людьми в Ла-Хойе, все из которых знают, что произошло. Всё это было по радио, по телеграфу, в газетах по всей стране, и я получал письма отовсюду, какие-то добрые и сочувствующие, какие-то ругательные, какие-то невероятно глупые.» (Из письма, написанного Чандлером Машеллу, и датированного 5 марта 1955 года.)

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Лос-Анджелес, сентябрь 1956

Вторник, 24-ое

► **9:03 утра. Здание «Авенант».** Ливень только начался; казалось странным, что пошёл такой сильный дождь. Я проснулся чуть позже девяти с ноющей мыслью, что мне нужно что-то сделать. Позвонить Мортону? Я решил, что это не так уж и срочно. Выглянул в окно спальни. Утро растворялось в неистовом плеске дождя под пеленой тусклого и неясного света. Лозы плюща, по которым струилась вода, скрывали здания на другой стороне улицы. Терраса на крыше по соседству была пуста; вода густо плескалась в бассейн и грозила из него выплеснуться. Это означало прощание с «Лебединым озером» до следующего лета. Я быстро позавтракал и надел плащ. Нырнул в «триумф» и пока мотор прогревался, быстро просмотрел «Таймс». Об Андрессе ничего, кроме краткого уведомления о смерти: место и время службы. Голливудское кладбище, четыре часа дня. Одна только мысль о хореографии открытых зонтиков вокруг вырытой ямы заставила меня вздрогнуть. Более того, было холодно. Я сложил газету, положил её рядом на сиденье, включил первую передачу и позволил кабриолету скользить по рябому асфальту в сторону Голливуда.

На Стрип было несколько свободных парковочных мест. Я выбрал лучшее, но мне всё равно пришлось пройти почти пятьдесят ярдов до Вайн. На случай, если вы там никогда не были, я напому вам, что Вайн выложен коралловыми звёздами со святыми для всех именами на, так что ходить по этим плитам было практически их осквернением. Я пересёк улицу, направляясь к боковому входу «Авенант». Косая струя дождя ударила меня, и я сквозь зубы выругал Налти — мои подозрения, что мы с Мортонем стали жертвами обмана лейтенанта, усиливались. Но нет, имя Андресса было на указателе в вестибюле. Я сел в лифт и вышел на двенадцатом этаже.

Офисы агентства занимали по меньшей мере двое апартаментов в дальнем восточном конце коридора. Табличка на главной двери рекомендовала входить без звонка. Я подчинился. Внутри была небольшая приёмная, а затем большое помещение, где, вероятно, работали от шести до восьми человек. Столы были пусты. Женщина ставила цветы в вазу, которая ненадежно балансировала на одном из рабочих столов. Она подняла голову и взглянула на меня. Она не была ни блондинкой, ни молодой, и также, судя по всему, в это утро не ожидала никаких посетителей. Она оставила своё занятие и направилась ко мне, стряхивая руки и посылая в мою сторону небольшие брызги воды.

— Чем могу Вам помочь? — спросила она. — Мы сегодня не работаем, у нас траур.

— Я ищу секретаря мистера Андресса, — сказал я. — Это Вы?

— Вам нужна мисс Валенто — партнёр Андресса, — поправила меня женщина. — Я имею в виду бывший партнёр. Мистер Андрес умер вчера. Зачем Вы хотите её видеть?

— Это как раз в связи с этим печальным событием.

— Посмотрим, смогу ли я Вам помочь.

Она закончила вытирать руки и поставила вазу в нишу в стене за своим столом. Маленькая табличка гласила: «Миссис Прендергаст». Она нажала кнопку вызова по внутренней связи.

— Как Вас представить?

— Марлоу. Филип Марлоу.

— Вас спрашивает мистер Марлоу, — сказала женщина устройству.

В ответ раздался металлический клекот:

— Мы никого не принимаем. Офис закрыт до дальнейшего уведомления.

Несмотря ни на что, мне понравился звук этого голоса.

— Вы сами слышали, — заметила женщина.

— Пожалуйста, передайте мисс Валенто, что это очень важно.

— Важно? Почему?

— Займёт слишком много времени объяснять это дважды.

— Скажите ему, чтобы он вошёл, — протрещало устройство внутренней связи.

Миссис Прендергаст указала на ореховую дверь в другом конце офиса. Я прошёл мимо пустых столов, открыл её и оказался в помещении, которое могло бы сойти за уменьшенную копию роскошного кабинета Андерса в «Бель-Эйр». Окна выходили на юг и из них открывался широкий вид на длинный змеевидный придаток, который был Лос-Анджелесом. Фиолетовые горы выныривали из завесы дождя, а лесистые районы были зелеными, но выцветшими; я подумал о пейзажах Писсарро или Марке. Привлекательная и элегантная женщина, которую описывал Налти, стояла спиной к двери, только она не была блондинкой; её волосы были почти цвета миндального дерева и отливали бледно-розовым блеском в тусклом дождливом свете. Она созерцала горы, далекую громаду центрального Лос-Анджелеса или конец пути с выражением, которое казалось обманутым и печальным. Она не торопилась повернуться ко мне.

— Говорите, мистер Марлоу, — предложила она, усаживаясь за огромный письменный стол. — Полагаю, что Вы должны мне сообщить что-то действительно важное. Сегодня я не в настроении заниматься делами. На самом деле всё, что связано с делами мистера Андресса были приостановлено.

— Я пришёл сюда не для того, чтобы говорить о делах, — сказал я.

Я стоял и ждал приглашения сесть. Три удобных кресла из красной кожи казались незанятыми.

— Тогда?

— Вы не возражаете, если я присяду? — спросил я.

— Я бы не возражала, если бы это означало, что то, что Вы должны сообщить, займёт много времени. Поверьте, мистер Марлоу, я не в настроении что-либо обсуждать. Я была бы бесконечно признательна, если бы Вы были как можно более кратки.

Я сел. У меня появилось желание вытащить пачку «кэмела», но я его подавил. Ледяные глаза мисс Валенто смотрели на меня с непроницаемым сочетанием нетерпения и беспокойства. Она была красивой женщиной, уверенной в себе и, без сомнения, рациональной. Ей, вероятно, было около тридцати пяти. Одна из тех исполнительных женщин, сформированных Голливудом и развлекательным бизнесом, — нетрудно было представить её правой рукой Андресса. Она также могла бы быть актрисой или телевизионным диктором. Такая женщина, как она, была необходима для обеспечения наилучших из возможных связей с общественностью. Я спросил себя, что могло быть между ними обоими, кроме профессиональных отношений. Несмотря на вынужденную твердость и упрямую холодность, она казалась хрупкой, встревоженной и находящейся на грани срыва.

— То, что я должен сказать, не очень приятно, — сказал я. — Но я предпочитаю покончить с этим быстрее из уважения к Вашей просьбе и Вашему душевному состоянию. Вы знали, что Йенсид Андресс был убит?

Казалось, она смотрела на меня столько, что ей удалось меня смутить. Она изучала моё лицо или, что более вероятно, заглядывала в душу, чтобы решить, что я за человек, какие мотивы или скрытые цели могут скрываться за моими словами и насколько в них можно

поверить. Она протянула руку к деревянной шкатулке, украшенной инкрустацией, и изящным движением достала сигарету. Рука у неё была длинная и тонкая, а пальцы подвижные и чувствительные. Она старалась казаться невозмутимой, но не смогла унять лёгкую дрожь. Я пришёл в себя и зажёл её сигарету.

— Спасибо, — задумчиво произнесла она.

Она глубоко вздохнула, и на мгновение её взгляд потерялся. Я снова опустился в похуже на одеяло складки кресла и закурил «кэмел». Я снова чувствовал, что подвергаюсь неослабевающему осмотру, но теперь в глубине её глаз был блеск уязвимости. Я спросил себя, бывал ли у неё до этого подобный блеск, хотя это могла быть и просто слеза.

— Кто Вы? — наконец спросила она. — Полицейский?

— Частный детектив, — ответил я.

— Полагаю, у Вас есть веские основания для такого заявления.

— Да. Я знаю, что это полностью неофициально — или, лучше сказать, что официальная версия всё ещё самоубийство. Но факты, которыми я располагаю, получены из надёжных источников.

— Что это за факты?

— Выстрел, убивший Андресса, был сделан с близкого расстояния. Может быть, два или три дюйма. На таком расстоянии вокруг раны образуется черное или серое пятно, что-то вроде мутного ореола — результат сгорания пороха. Поверх этого пятна находится то, что называется «татуировкой», несгоревшие крупинки пороха, которые проникли в кожу. Такие отметки выглядят совсем по-другому, если ствол крепко прижат к черепу. Вы не найдете такую «татуировку» при самоубийстве. Я никогда не слышал, чтобы кто-то, стремящийся покончить с собой, полагался на твердость собственной руки. Если ствол при выстреле сдвинется всего на доли дюйма есть большая вероятность, что цель не будет достигнута, а человек на всю жизнь останется «овощем». Такой человек, как Андресс, должен был это знать.

— И это все доказательства?

— Андресса держали под прицелом, но это доказывает, что он ещё пытался двигаться, когда в него выстрелили. Убийца был всего в нескольких дюймах от него, его не трясло и он не мог промахнуться. Тем не менее, он не принял мер предосторожности, положив ствол пистолета на другую руку. Нет никаких сомнений, что это был пистолет Андресса; после того, как убийца выстрелил, он вложил его в руку Андресса, чтобы симитировать самоубийство. И именно при этом он совершил самую грубую ошибку. Пистолет встал на предохранитель. Я не знаю, достаточно ли Вы разбираетесь в оружии, чтобы понять, что это значит?

— Я очень мало или совсем ничего не знаю об оружии, — сказала она дрожащим голосом.

— Предохранитель — это механизм, который удерживает спусковой крючок. Чтобы выстрелить из «кольта», необходимо его снять. Если вы выстрелите себе в голову, то умрёте мгновенно и вряд ли предохранитель вернётся в своё обычное положение. Сама мысль об этом нелепа.

— Даже случайно?

— Один шанс из десяти тысяч.

Она задумалась, медленно вдыхая ментоловый дым своей сигареты. Поднялась со своего места и повернулась, открыв три четверти своего профиля, к огромным окнам и стояла там, наблюдая за свинцовой темнотой дождливого утра. Я вдруг понял, что могу легко влюбиться в эту женщину. У меня не оставалось никаких сомнений в том, что Андресс был влюблён в неё.

— Зачем кому-то понадобилось убивать Йенсида? Это невозможно себе представить, — сказала она.

— Вот поэтому я здесь. — Был подходящий момент, чтобы сказать это. — Я подумал, что Вы тот человек, который мог бы мне помочь.

— Помочь?

— Подсказать.

— Я не имею никакого отношения к Вашей профессии, — сказала она. — Более того, я хотела бы как можно скорее забыть обо всём этом. Иногда мне кажется, что я нахожусь в центре кошмара, и что в любую секунду могу проснуться, и всё вернется на круги своя. Я не планирую продолжать этим заниматься и, возможно, даже не останусь в Голливуде. Короче говоря, я останусь здесь именно столько, сколько потребуется, чтобы навести порядок в агентстве, как это сделал бы Йенсид. А потом я оставлю всё это позади.

— А что будет с агентством Андресса и его активами? Не можете мне сказать, кто его наследники?

— Йенсид и его жена развелись. У них есть сын, который сейчас путешествует по Европе. Мы пока не смогли его найти и не знаем, знает ли он, что произошло. Он наследует личное имущество. Я партнёр Андресса, и пятьдесят процентов этого офиса и доходов агентства принадлежат мне. Кроме того, всё устроено так, что в таких обстоятельствах, как эти, я беру на себя обязанности главы агентства.

— И Вы всё же хотите уйти в отставку?

— В моём теперешнем состоянии — да. Я не знаю — должна ли я позволить всему этому идти своим чередом, а затем пересмотреть ситуацию. В данный момент я хотела бы уехать отсюда как можно скорее.

— Полагаю, Вы знакомы с предполагаемой предсмертной запиской Андресса. Каково финансовое положение компании, мисс Валенто?

Она задумалась на несколько секунд, прежде чем ответить мне.

— Это представительское агентство. На самом деле мы являемся посредниками между киностудиями и теми, кто пишет для киноиндустрии. Мы ведём переговоры об использовании авторских прав наших клиентов с целью получения наибольшей возможной прибыли и получаем установленный процент по таким сделкам. Мы представляем многих лучших писателей Голливуда; наше финансовое положение меняется, но мы твёрдо стоим на ногах, и компания никогда не бывает в минусе. Выплаты авторам производятся в сроки, предварительно установленные заинтересованными сторонами. В промежуточные периоды агентство получает деньги, отправленные продюсерами. Некоторые суммы значительны: сто или даже двести тысяч долларов. Если Йенсид частично использовал эти средства для личных целей и не смог их возместить, когда наступил срок оплаты, то это было без моего ведома. В любом случае, у фирмы достаточно капитала для такой чрезвычайной ситуации. На данный момент на нашем банковском счете находится около полумиллиона долларов. Конечно, этот капитал принадлежал предприятию, и я могу себе представить, что Йенсид не хотел смешивать свои личные дела с делами агентства. Он был именно таким человеком. Тем не менее, его угрызения совести были чрезмерны; но он очень хорошо знал, что я не буду возражать в случае каких-либо обстоятельств, которые вынудят его снять требующуюся сумму.

— Это не могла быть сумма намного больше, чем полмиллиона, имеющиеся в банке?

— Я искренне в это не верю.

— Какие отношения были между вами, мисс Валенто? Я имею в виду, кроме тех, о которых Вы рассказывали. Вам не надо отвечать, если Вы не считаете, что этот вопрос уместен.

— Он неуместен, но я всё равно отвечу. Йенсид несколько раз просил меня выйти за него замуж. Он был убежден, что в конце концов я соглашусь. Мы любили и уважали друг друга. И не только в профессиональном смысле. Вот и всё.

— И Вы бы вышли за него?

Несколько секунд она смотрела на меня с отстраненной вялостью. Затем она снова отодвинула кресло, как будто ей нужно было подкрепить свои размышления о сером волнении дня. Что-то в этом, должно быть, соответствовало её внутреннему состоянию, возможно, её чувствам по отношению к Андрессу.

— Это как-то связано с Вашим расследованием? — наконец спросила она.

— Пока не знаю. Я не могу Вам сказать, — ответил я. — Это всё ещё очень запутанное дело. Полиция ещё даже официально не открыла его. Даже Вы не усомнились бы в предположении о самоубийстве. А я не хочу компрометировать своего клиента.

— Ваш клиент бывшая жена Андресса?

— Я не знаю, кто она, или где живет, или даже каковы были её отношения с бывшим мужем. Всё, что мне известно, что они развелись. Могут ли у неё быть причины интересоваться этим делом?

— Не могу сказать. Я редко её видела, и наши встречи не были приятными. Она, несомненно, будет на похоронах сегодня днём. Йенсиду приходилось ежемесячно выплачивать ей значительную сумму, и я полагаю, что она считает, что имеет какое-то право на это.

— Вы имеете в виду агентство?

— Именно.

— По закону она может претендовать?

— Невозможно. Сыну Йенсида двадцать два года. Он не состоит у неё на иждивении. Доля его отца в агентстве принадлежит ему.

— Понятно. А Вас, пожалуй, не очень привлекает возможность работать с ним, возможно, под защитным куполом его матери.

— Вы настойчивый человек, мистер Марлоу. Полагаю, частный детектив таким и должен быть. Сколько Вы надеетесь заработать, если докажете, что смерть Андресса была преступлением и найдёте его убийцу?

— Тысячу долларов. Но на данный момент я очень далёк от этого.

— Тысяча долларов. — Она, казалось, взвешивала, что эта сумма может значить для меня. Возможно, это был бессознательный (или осознанный) метод дать мне понять о различии в социальном положении, занимаемом каждым из нас в нашем демократическом обществе. — У Йенсида был страховой полис, — добавила она, словно невольно связывая эти два факта. — Насколько мне известно, компании не платят премии в случае самоубийства. Это правда? Вы, случайно, не работаете на страховую компанию «Дорим»?

— Нет. Но это ценная информация. Очевидно, если и есть кто-то, кому явно выгодно, чтобы смерть Андресса официально считалась самоубийством, то это страховая компания.

— И если кто-то действительно заинтересован в том, чтобы доказать обратное, то это не кто иной, как сын Андресса, который получит страховую премию. Но Терри здесь нет, и он не из тех людей, которые были бы так заинтересованы в деньгах. С другой стороны, есть его мать.

Она нервно затянулась сигаретой, и её глаза заблестели как-то иначе, когда она снова подняла их, чтобы встретиться с моими.

— Почему бы вам не сказать мне всё как есть, мистер Марлоу? Я прекрасно понимаю, что именно так Вы зарабатываете себе на жизнь, и готова признать, что методы, которые Вы используете, вполне обычны для вашей работы. Но я не хочу, чтобы смерть Йенсида превратилась в какое-то мерзкое мелкое дело только потому, что кто-то не хочет потерять страховую премию. Пожалуйста, не придумывайте преступление там, где его нет. Я сама заплачу вам тысячу долларов, если понадобится. После похорон сегодня днем я хотела бы попытаться забыть всё это как можно скорее; я бы стёрла всё это из своей памяти, если бы смогла. Вы, похоже, хотите склонить меня к обратному. Что ж, тогда мне будет стоить тысячу долларов пощадить чувства живых и сохранить незапятнанной память о честном человеке, который решил покончить с собой по какой-то неизвестной причине. Вы примете моё предложение?

Я встал. В моей работе вы обычно не настолько принимаете всё близко к сердцу, чтобы чувствовать себя возмущенным, обиженным или оскорблённым. Вы привыкаете иметь дело с самыми разными людьми — убийцами, бандитами, психопатами, уполномоченными представителями миллионеров и полицейскими, которые думают, что у них есть карт-бланш помыкать вами, как каким-то нарушителем, которого они застали на месте преступления во внутреннем дворике своего садика. Но это был один из тех немногих случаев, когда я почувствовал себя совершенно униженным. Может быть, это было потому, что вышеупомянутая Валенто был по-настоящему сногшибательна, или потому, что она, сама того не желая, наткнулась на верный способ показать пусть небольшую, но непреодолимую дистанцию между ней и мной. Или, может быть, это было потому, что она казалась такой искренней, защищая то, что она воспринимала как незапятнанную память о Йенсиде Андрессе. Может быть, дело было просто в том, что не каждый мог позволить себе равнодушно отнестись к тысяче долларов. Но действительно ли она была такой равнодушной, какой казалась? Должно быть, именно тень сомнения заставила меня остановиться и повернуться к ней.

— Вы любили Андресса? — внезапно спросил я.

Она ответила мне без малейшего колебания, что заставило меня почувствовать себя еще более неловко.

— Нет. Я уже говорила Вам. Мы любили и уважали друг друга. Но Йенсид был неуравновешенным. Я только что сбежала от неудачного брака. Я до сих пор не уверена, что полностью свободна у себя дома. Это переживания оставляют глубокие раны, и у меня в планах нет их повторить. — Она снова вытянула свою восхитительную руку и затушила сигарету в ониковой пепельнице. — Не знаю, зачем я Вам всё это рассказываю. Я думаю, Вы узнали от меня больше, чем удалось бы большинству детективов. Или, может быть, Вы просто случайно застали меня врасплох.

— Могу поклясться в одном, — сказала я со всей убедительностью, на которую была способен. — Я не работаю на бывшую жену Андресса.

— Предположим, я Вам поверила. Чтобы Вы ещё хотели бы узнать?

— У кого могла быть веская причина желать Андрессу смерти?

— Никого не могу припомнить. Он был хорош в связях с общественностью. Он уделял равное время каждому игроку в сделке и добросовестно защищал интересы писателей, которые были менее всего защищены. Его жизнь была довольно открытой книгой — он избегал осложнений и добросовестно выполнял свои финансовые обязательства.

— Я слышал, что голливудские агенты всегда снимают чуть больше десяти процентов с доходов своих клиентов. Что они получают тайные премиальные со студийных аукционов за права на особо дорогостоящие проекты. Неужели Андресс тоже занимался этим?

— Не стану отрицать, что время от времени он так поступал. Это было частью его таланта играть по голливудским правилам. Это избавляло его от долгих торгов и приносило его клиентам одни из самых высоких гонораров в Голливуде. Было бы только справедливо, чтобы он тоже что-то получил от этого, и это не нарушало никаких договорённостей ни с одной из сторон.

— Но разве это не может вызвать определенное недовольство? Сценарист не может не думать, что за его собственную работу, кто-то получит больше него.

— Знаю, что есть люди, которые видят это именно так. Думаю, что они ошибаются. Почему бы Вам не просмотреть список клиентов Йенсида? Он включает в себя самые востребованные имена в Голливуде. Все они очень хотели, чтобы их представлял он, и тот факт, что он их представлял, придавал им определенный вес, своего рода блеск. Я сомневаюсь, что хоть один из них считал Йенсида врагом.

— Даже во время редких размолвок по поводу дат или сумм платежей?

— Не могу ответить на этот вопрос.

— И ещё одно. Могу ли я действительно получить список клиентов, который Вы упомянули?

Она нажала кнопку внутренней связи и попросила миссис Прендергаст дать мне копию списка.

— В нём найдёте всё, что нужно. — Она на несколько секунд задумалась. — Дайте-ка подумать... Сегодня двадцать четвертое, последний вторник месяца. Большинство наших писателей обычно собираются вместе на ежемесячный ужин в кафе Стивена «Никобоб». Это на углу Новены и Уилшир. Они основали клуб под названием «Беллетристы»; у них встреча в отдельном небольшом зале, и Вы можете застать их там около девяти. Если бы Вы сочли это полезным, то могли бы, вероятно, поговорить с большинством из них прямо там.

— Это было бы чрезвычайно полезно. Могу я сослаться на Вас?

— Можете, если хотите, только это ни на что не повлияет.

— По закону теперь Вы представляете их интересы.

Она откинулась на спинку кресла. Её лицо стало серьезным и обеспокоенным, как будто она только сейчас осознала эту новую ответственность, но ей это шло.

— Знаю. Надеюсь, это ненадолго.

— Как Вас зовут друзья, мисс Валенто?

— Велма. Это Вы тоже находите полезным?

— Меня зовут Филипп. В следующий раз, когда мы встретимся, я буду звать Вас «В. В».

— Почему Вы думаете, что будет следующий раз?

— Просто предчувствие. У нас есть что-то общее, не так ли? Мы оба хотим докопаться до сути смерти Андресса.

— Я всё ещё не уверена в том, что делаю. Но Вы знаете, где меня можно найти в ближайшие несколько дней.

Когда я отпустил входную дверь здания «Авенант», дождь лил как из ведра, и Вайн-стрит превратилась в быстрый приток Голливудского бульвара.

► **3:13 дня. Редакция «Лос-Анджелес Таймс».** Чарльз Мортон нервозно бросил взгляд на часы. Это был спортивный «ролекс», который идеально показывал точное время и идеально соответствовал его машине, гардеробу и жизненной философии — всем этим он

очень гордился. Было больше времени, чем он думал; теперь ему потребуется добрых пятьдесят минут, чтобы добраться до Голливуда. Он запер ящик стола и, не закончив страницу, которая всё ещё торчала в его пишущей машинке, покинул отдел новостей «Таймс».

Парковка «Таймс» находилась за зданием, а лило как из ведра. Мортон опустил голову и вдоль стены медленно двинулся к Западной 54-й Вест-Плэйс. Не было причины, по которой он должен был заметить силуэт, который поднялся из-за одного из столиков в кафе «У Шейми», находившегося прямо через дорогу, поспешно расплатился по счёту и последовал за ним. Этот человек был высоким, более шести футов, и выглядел массивным, хотя было трудно что-либо сказать о его телосложении из-за большого серого плаща, скрывавшего большую часть его тела. Его лицо также было наполовину скрыто шляпой, спасающей его от дождя, надвинутой на глаза. Он пересёк авеню, лавируя между машин, разбрызгивающих воду в обоих направлениях и вызвав проклятия водителя, вынужденного резко затормозить. Он добежал до угла как раз в тот момент, чтобы увидеть, как Мортон скрылся на стоянке. 54-я Вест-Плэйс было улицей с односторонним движением, идущей на восток. Мужчина остановился посреди перекрестка и несколько раз стряхнул воду с полей шляпы. Через несколько минут «ягуар» Мортон выехал со стоянки, повернул налево, подождал, пока изменится сигнал светофора и влился в поток машин, двигавшихся на север по Шестой авеню. Примерно в пятидесяти ярдах дальше по улице завелся серый седан «плимут». Он помчался к перекрёстку, остановился ровно настолько, чтобы гигант в сером успел запрыгнуть на сиденье рядом с водительским, и помчался по улице, пока не оказался на безопасном расстоянии позади «ягуара». Мортон не мог использовать всю мощность двигателя «ягуара» в условиях дождя и интенсивного дневного движения. Обе машины двигались со скоростью от сорока до сорока пяти миль в час²⁹ по Грингроув-авеню, Спринг-стрит, Каньон-драйв и бульвару Сансет, пока наконец не достигли Голливуда.

Похороны Йенсида Андресса, конечно, не войдут в историю из-за рекордной посещаемости. Дождь лил не переставая. Пресвитерианский священник весьма небрежно провёл церемонию под огромным чёрным зонтом, который послушник держал над ним и молитвенником. Дождь безжалостно падал на гроб Йенсида Андресса, ожидавшего своего последнего пристанища под зелеными лугами Голливуда. Вероятно, это было то место, которое выбрал бы сам Андресс, будь у него такая возможность. Холм возвышался над столицей целлулоида, как огромная естественная сцена, и большинство его священных чудищ были похоронены тут же. Неудовлетворённый монотонным чтением священника, превращённым дождём в неразборчивый шёпот, Мортон повторял за ним другие слова, свой собственный нечестивый аподосис³⁰ Священному Писанию:

— Какая разница, где лежать, когда мёртв? В грязном отстойнике или в мраморной башне на вершине высокого холма? Ты мёртв, ты спишь глубоким сном, и подобные вещи тебя не беспокоят. Нефть и вода для тебя то же самое, что ветер и воздух. Ты просто спишь крепким сном, не волнуйся о том, как или где ты пал.³¹

Совершенно не тронутый церемонией, Мортон остался в нескольких ярдах от небольшой кучки должников Андресса, его друзей, коллег и сотрудников, стоически выдерживающих напор ливня. У него самого не было с собой никакой защиты от непогоды, кроме белого плаща с широкими лацканами, поэтому он ощутил чувство благодарности, когда чёрный зонт (этот классический предмет британской элегантности, всё так же решительно выступающий против прагматичного взгляда британской элегантности на жизнь) внезапно

²⁹ Около 64-72 км/ч.

³⁰ Аподосис — часть сложноподчинённого предложения, соответствующая выводу, которой противостоит протасис как причина.

³¹ См. главу 32 романа Рэймонда Чандлера «Глубокий сон» (1939)

оказался над его промокшими волосами. Он был ещё более удивлен, обнаружив, что рука, держащая этот гриб из ткани, колышущейся на порывистом ветру, принадлежит его старому знакомому — лейтенанту Налти.

— Какой сюрприз застать Вас здесь, — сказал Налти. — Собираетесь написать некролог?

— Со взаимным удивлением, — уклончиво ответил Мортон, но не поспешил покинуть укрытие под зонтиком.

— Моя совесть подсказывала мне, что я должен немного оживить эту вечеринку, — ответил лейтенант. — Вам не кажется странным, как мало людей пришли попрощаться с таким выдающимся человеком? Смотрите, — добавил он. — Эта женщина — его бывшая вдова, а две другие — его личный секретарь, мисс Валенто, и секретарша из приемной. Я могу распознать пару голливудских писателей и с полдюжины коллег, его ближайших приятелей. Когда Андресс был с нами, они живьем сдирали друг с друга кожу. А кто же представляет кинобизнес? В конце концов, почти каждая студия была обязана Андрессу не одной услугой. Я слышал, что он снабдил их большим количеством первоклассного материала, чем любой другой агент. Который они превратили в миллионы долларов. Голливуд — безбожный мир. Да, это бессердечная индустрия. Место, которое у них отведено для этого уважаемого органа, занято сейфом.

— Не пытайтесь сказать мне, что Вы только сейчас это осознали, лейтенант, — сказал Мортон.

— Нет, но больно видеть, когда это так ярко проявляется. — Налти переложил зонтик в другую руку, и косые струи дождя смогли добраться до левого бока Мортон. — Вы знаете об этом больше меня. Разве Андресс не был основателем Голливудской ассоциации литературных агентов?

— По крайней мере, он был одним из тех, кто приложил больше всех усилий для её создания.

— А где его коллеги по Ассоциации? Не могу поверить, что она не больше, чем вся эта горстка агентов. Это была довольно мощная и сплочённая организация, не так ли?

— В ней состоят почти все агенты Голливуда. Огромным достижением Андресса было заставить крупные студии иметь дело с организованным союзом агентов и подчиняться большинству его требований.

— И, полагаю, точно также с писателями — заключил Налти. — Что, вероятно, не заставило студии прыгать от радости. Агенты привыкли сосать кровь — немного тут, немного там. Своего рода организованный вампиризм. Разве это не так, более или менее?

— Скажем так, Ассоциация требовала, чтобы писатели пользовались преимуществами наличия влиятельного посредника. Есть закон, их защищающий. С моей точки зрения, писатель выходит на первый план. Раньше он сам должен был со всем разбираться, и у него могли возникнуть проблемы с некоторыми очень влиятельными компаниями, которые платили за сценарии столько, сколько позволял рынок. Защищая агентов, Ассоциация защищает и писателей. Если эта организация и достаёт кого, так это студии.

— И Андресс был мозгом этого союза, верно?

— Он был самым крутым и самым умелым из всей этой компании, в этом я уверен. И он также получал львиную долю. Он представлял интересы самых высокооплачиваемых писателей Голливуда.

— Именно это я и хотел сказать, — вслух размышлял лейтенант. — Здесь должен был быть впечатляющий кортеж. А сколько нас здесь? Человек двадцать, может быть, двадцать пять. Не считая тех двух конвоиров, которые держатся, кто знает почему, на таком расстоянии, что это почти уже кошунство. Вон там, слева от Вас. Как Вы думаешь, зачем я передвинул зонтик? Скажите мне, Мортон, Вы взяли их с собой для охраны, или они следят за Вами?

Мортон едва повернул лицо в ту сторону, куда незаметно указывал взгляд Налти. За завесой дождя он разглядел темные силуэты, один из которых мог принадлежать баскетболисту. Они были так далеко, что, должно быть, оттуда было бы очень трудно следить за службой.

— Никогда не видел их раньше. Выглядят как *gardes du corps*³² из ваших, — рискнул он.

— Они не из наших, — запротестовал Налти. — Либо они охраняют кого-то важного, либо принадлежат к легиону анонимных поклонников Андресса.

— Вы так думаете? — скептически ответил Мортон. — На этих похоронах нет ни одного из тех капитанов промышленности, которые всегда путешествуют с водителем и телохранителем?

— А что бы ещё им здесь делать? — лейтенанту удалось вытащить сигару, поднести её ко рту и зажечь под дождём с порывистым ветром, и всё это, используя только одну свободную руку. — Чтобы сменить тему, Мортон, что ещё ваша газета собирается опубликовать об этом прискорбном происшествии? Я полагаю, Вы проделали весь этот путь не для того, чтобы бросить горсть грязи на гроб?

— А что мы ещё можем сообщить? — пожаловался Мортон. — Вы, ребята, закрыли это дело. Почему на этот раз так много загадок, лейтенант? Мы получим официальные результаты вскрытия или нет?

— Слушайте внимательно, — сказал лейтенант. — Но, пожалуйста, ничего не записывайте. Запомните, как можно больше и обойдитесь этим. Пуля, выпущенная в упор, оставляет пороховые ожоги и неправильное входное отверстие; пуля, выпущенная в упор в герметичную полость, такую как череп, может привести к результату, похожему на последствия маленького взрыва. Понимаете? Ну, а на голове Андресса не было никаких таких следов; вокруг входного отверстия было чёрное пятно от несгоревшего пороха, а поверх пятна след овальной формы, напоминающий татуировку. Это означает, что выстрел был произведен с расстояния в два или три дюйма, а не в упор, и не дальше или ближе, чем эти два или три дюйма. Понятно? Траектория пули имела наклон сверху вниз — под довольно крутым углом. Стрелявший стоял, а Андресс сидел. Украсьте всё это некоторыми из тех формулировок, которые вы так умело используете: согласно тому, что известно, неофициальные источники утверждают, и так далее, и тому подобное. Если меня процитируют в газете, я отправлю Вас в тюрьму за клевету. На данный момент расследование носит строго конфиденциальный характер. Официально Андресс всё ещё покончил с собой. Не забывайте об этом. Тот факт, что, по моему мнению, небольшая утечка может дать нам небольшой толчок, не означает, что моё начальство со мной согласно.

Ещё раз, внешне небрежно, но в то же время, профессионально, лейтенант повернул голову в сторону людей, стоявших примерно в двадцати ярдах от него. — Мы должны выяснить, по чьему следу идут эти две ищейки, — добавил он. — А теперь я отправлюсь по своим делам. Смотрите, они уже бросили последнюю лопату в могилу Андресса. Этот несчастный служитель Божий, должно быть, так околел от холода, чтобы так выполнить свои обязанности.

Налти повернулся и зашагал в сторону входа на кладбище. Мортон подождал, пока все разойдутся. Он подумал, не подойти ли к бывшей жене Андресса, но решил, что сейчас неподходящий момент. Он поднял воротник плаща и направился к своей машине. Нащупав в кармане ключи, он вспомнил о тех персонажах, на которые указал Налти. Он обернулся и попытался разглядеть их сквозь дождь, но он уже был слишком далеко. Должно быть, они ушли вместе с остальными или растворились в вечерней темноте.

³²Gardes du corps (франц.) – телохранители, охрана

Больше он об этом не думал. Он подождал, пока мотор прогреется, закурил сигарету и неторопливо поехал обратно в Голливуд.

► **8:17 вечера «Бристоль Апартаментс».** Как только вы окажетесь на Сансет, при условии, что дорога будет свободна, поездка от Брентвуд-Хайтс до кафе Стивена займёт всего всего двадцать-двадцать пять минут. Я очнулся от своего лёгкого вечернего оцепенения под металлическое бормотание самолета над головой и иглу проигрывателя, скользкую по последним нотам записи Бада Пауэлла: «Милый Старый Стокгольм», дурманящий сон о гесперидах и валькириях, только грубые пальцы Бада Пауэлла выбивали мечту со странной меланхолией, как будто эта мелодия была предчувствием его собственной участи — секса, выпивки и того печального похмелья, которое может оставить после себя либо усталость, либо сама жизнь. Это, по-видимому, основные элементы джаза; также, как иногда и наркотики, но наркотики уже не так необходимы, как раньше, потому что на хлопковых плантациях и даже в борделях Нового Орлеана чернокожим для того, чтобы отвлечься не требовалось вообще ничего, кроме религии белых и пуританской разнузданности. Марихуана, героин — всё это пришло позже и потребовало своих жертв, в числе которых оказался и Бад Пауэлл. Но сейчас, для того, чтобы прийти в себя мне требовались обжигающе горячий душ и около пятидесяти кубиков бурбона или «талискера». Наряду с довольно сильной дозой решительности.

Чем больше я думал об этом, тем меньше видел возможностей в своей вылазке в «Никобоб». Перспектива оказаться в центре писательского собрания без приглашения сама по себе казалась обескураживающей. Можно было бы предположить, что мой шанс найти группу, погруженную в какие-то академические или даже просто литературные дебаты, был невелик; был шанс, что темой обсуждения будет сам клуб, но и это также казалось маловероятным. Судьба распорядилась так, что похороны Йенсида Андресса состоялись в этот день, и поэтому, вероятно, я большей вероятностью оказался бы на мрачном празднике, чем на обычном заседании клуба. Как бы им избавиться от всех голливудских литературных агентов раз и навсегда? Это, возможно, будет единственным важным пунктом в повестке дня вечера.

Если отбросить мнение мисс Валенто, я всё ещё был убежден, что у писателей есть чётко определенные критерии относительно настоящей роли их представителей — роли, которая была наименьшим из всех зол, но тем не менее злом. Но я уже решил пойти на встречу и, взглянув на часы, понял, что мне лучше поторопиться. Если я приеду намного позже девяти, вполне возможно, что обнаружу членов клуба в разгар какого-нибудь вакхического обряда. Насколько я мог судить, «беллетристы» не были известны своей умеренностью. У. Т. Баллард однажды сказал, что встречи всегда были случайными; их главная цель состояла в том, что члены клуба спокойно развлекались, а затем всем скопом посещали один из ближайших театров бурлеска. Способность алкоголя склонять к исповеди может сработать в мою пользу, а может и не сработать. Пьяный писатель будет говорить и говорить — самое трудное — попытаться понять, сколько вымысла и сколько правды в историях, которые он вам рассказывает. Список, предоставленный мне в агентстве Андресса, включал в себя большинство писателей, которых я мог найти в кафе: Баллард, Клив Адамс, Дуайт Бэбкок, Эрл Стэнли Гарднер, Норберт Дэвис, Джордж Хармон Кокс и мой старый знакомый Рэймонд Чандлер.

Когда я закончил одеваться, я не смог удержаться от того, чтобы не рассмотреть все грани дела. Мы с Чандлером встречались, по крайней мере, с полдюжины раз, почти всегда, когда он начинал писать новый роман. Он был трудным и непредсказуемым человеком; никогда нельзя было предугадать, в каком он окажется настроении. Он мог быть тихим, мрачным, огрызающимся и замкнутым, как устрица, или он вполне мог вести себя болтливо и сентиментально — готовым рыдать на ближайшем плече, рассказывать об

одной за другой своих семейных неприятностях и даже безжалостно копаться в своей собственной жизни. Если Чандлер был бы погружён в совершенно новый сюжет, скорее всего, мы бы больше говорили обо мне, чем о нём. В таком случае он постарался бы выжать из меня как можно больше; он стал бы больше интересоваться моими делами и хотел знать, на что похож «внутренний мир» частного детектива. Я никогда не был уверен, что именно он имел в виду под «внутренним миром» — имел ли он в виду мою монашескую личную жизнь, мой бытовой беспорядок или просто мои методы и формы работы. Особенно его интересовало, как я могу жить один в пустой и тихой холостяцкой квартире. Я подозреваю, что в глубине души он был в ужасе от всего этого — одиночества, изоляции и тишины. В первый раз, когда он спросил меня об этом, я сделал всё, что мог, чтобы убедить его, что испытываю огромное спокойствие каждый раз, когда возвращаюсь в свою пещеру. Это не то место, которое можно назвать домом, но здесь царит домашний запах, запах пыли и табачного дыма, запах того мира, в котором люди живут сейчас и продолжают жить потом. В глубине души, полагаю, мой ответ позволил ему вздохнуть легче. Есть люди, которые так остро чувствуют одиночество, что об одиночестве других им невыносимо даже слышать.

Короче говоря, в каком бы настроении я его ни застал, Чандлер был, безусловно, человеком, с которым мне было больше всего интересно поговорить. Он был лучшим писателем в их группе и, без сомнения, самым известным. Рассудительный наблюдатель, не переступающий черту цинизма, он был объективен и правдив, без того, чтобы быть недоверчивым. Для писателя, который постоянно черпал вдохновение во флоре и фауне нашего ангельского калифорнийского общества, этого уже было достаточно. Кроме того, Чандлер был писателем, который с наибольшей откровенностью и глубиной высказался о роли, присущей голливудскому литературному агенту, теме, которая теперь приобрела особую актуальность. Точку зрения, с которой он высказался, разделяла вся группа, но разница заключалась в том, что у Чандлера хватило смелости опубликовать её в престижном ежемесячном журнале «Атлантик». С той поры он, вероятно, нажил врагов в лице нескольких агентов, включая самого Андресса, а также среди нескольких продюсеров, режиссеров и кого-то ещё из местных деятелей, но его акции всё ещё были высоки. И никто в кинобизнесе (а особенно в секте агентов), кто дорожил собственной шкурой, не мог позволить себе полностью отказаться от услуг Чандлера. Билли Уайлдер признал после их азартного сотрудничества в «Двойной страховке», что Чандлер был одним из самых творческих людей, которых он когда-либо встречал. Теперь, в результате любопытной цепочки событий, статья Чандлера об «орхидеи профессии», голливудском агенте, получила неожиданное влияние и выставила автора в особом положении по отношению к смерти Андресса.

Я взвесил такую возможность: был ли Чандлер одним из тех парней, которые могут накачать голову другого свинцом (даже если это была всего лишь голова литературного агента) за несколько тысяч долларов? Или пусть даже ради какой-то менее конкретного, но более романтического принципиального выбора? В это я не мог поверить. Тем не менее, никто никогда не знает, насколько писатель способен сделать реальным свой собственный вымышленный мир в какой-то из отдельных моментов психического расстройства или неустойчивости, замешательства, или озлобленности. И вдобавок ко всему, авторы детективов постоянно на узкой грани, разделяющей фантазию и реальность — невозможно писать о преступлениях и смерти, не представляя снова и снова, что происходит внутри парня, который решает нажать на спусковой крючок пистолета, направленного в грудь другого человека. В подобном случае финансовые, личные или любые другие мотивы или слабые места вообще отходят на второй план. Автор детективов и криминальных романов может решить убить просто потому, что его подсознание и рефлекс настолько тесно связаны с насилием и смертью, что подобные альтернативы являются лишь частью его повседневного психологического поведения, частью всех

возможных вариантов поведения. Для него настоящее убийство может означать нечто одновременно и простое, и сложное, как невозможное остановить желание закончить решающий абзац хорошей истории неистовым потоком слов, напечатанных на максимальной скорости. Тем лучше, если это действие подслащено подобной незаменимой дозой возбуждения, интриги, ярости, страсти или чего-то ещё. Короче говоря, я очень тщательно обдумал эту возможность, но всё равно казалось совершенно безрассудным сделать вывод, что это Чандлер убил Йенсида Андресса; я был убежден, что он этого не делал, и это утверждение принималось мною так же твёрдо, как доказанный факт. Всё, чего я мог ожидать от Чандлера, при условии, что я найду его трезвым и податливым, — это то, что он расскажет мне кое-что, чего я ещё не знал о профессиональных отношениях между Андрессом и тем, кто мог быть заинтересован в том, чтобы навсегда убрать его с голливудской сцены. Чтобы добиться этого незначительного достижения, я должен был прибыть в кафе «Никобоб» до того, как «беллетристы» продвинулись дальше третьего или четвертого тоста на своём ежемесячном ужине, и до того, как они жизнерадостной компанией отправятся по влажному тротуару Новена-стрит или Вестерн-авеню к самому заманчивому бурлескному шоу в этом развесёлом районе.

Я покинул Пасифик-Палисейдс около восьми двадцати. Я решил поехать по Прибрежному шоссе. В одной из историй Чандлера, «Младшей сестре», был абзац, в котором описывалась поездка в Окснард по этому же маршруту: «Справа большой твёрдый Тихий океан, бредущий к берегу, подобно уборщице, возвращающейся домой. Ни лунного света, ни суеты, ни шума прибоя. Никакого запаха. Никакой суровой дикой морской природы. Калифорнийский океан.» Описание было достаточно близким к реальности, подумал я, немного грязной, такой, к которой Чандлер испытывал вкус около десяти лет назад. Но кое-что изменилось. В этот момент я нажимал на педаль акселератора автомобиля, который всего за несколько секунд мог разогнаться с нуля до восьмидесяти пяти-девяноста миль в час³³, и поэтому возникла необходимость в строительстве автомагистрали с тремя полосами движения в каждую сторону и эстакад, которые покончили бы с перекрестками. Новые технологии автомобильной промышленности и ускоренные темпы производства в значительной степени обусловили преобразования городского ландшафта, произошедшие за последнее десятилетие. Старое Прибрежное шоссе, например, превратилось в одну из тех двойных полос асфальта, мерцающих мягким, разбавленным отражением ожерелья газоразрядных ламп. Грузовик, ехавший во встречном направлении, швырял бесконечные потоки света в ночь, пронизанную мелкими струйками мороси. Дворники бешено плясали в такт неизвестной музыке, а габаритные огни машин передо мной указывали в темноту, как антенны невидимых насекомых, которых вот-вот пожрёт чёрная глотка шоссе. Полагаю, что автомобиль дал людям новую и очень современную иллюзию изоляции и власти, которая заставляла человека чувствовать себя похожим на хвалёных гомеровских богов: замкнутым и защищенным, как домашний скот. Вот и всё превращение Прибрежного шоссе. Что касается океана, то он все ещё был там, как и в истории Чандлера, — это было неизбежно. Но я не знал, как могло прийти в голову сравнить его с кроткой прислугой, бредущей домой. Он мог быть необъятным и твёрдым (очко в его пользу), но также бурным и прожорливым — он разбивался о берег с ритмичным и желчным грохотом, который доносился до моих ушей, окутанных ветром и дождём, сквозь храпение мотора. И он вовсе не был тихим — он был таким же зловещим и угрожающим, как глухой ропот Калифорнии.

Затем я вспомнил ещё один отрывок из романа Чандлера о той же поездке: «Я почувствовал запах Лос-Анджелеса, прежде чем добрался до него. Пахло затхлостью и старьём, как в гостиной, в которая слишком долго была закрыта. Но цветные огни

³³ Около 136-145 км/ч.

обманывали вас. Свет был чудесен. Это должно было стать памятником человеку, который изобрёл неоновые огни. Пятнадцать этажей в высоту, сплошной мрамор. Человеку, который на самом деле из ничего создал нечто.» Он создал поэзию современного города, а Чандлер выпил её без малейшего намека на сдержанность, прежде чем исторгнуть её в написанное, он словил от неё кайф. Я поднял глаза и встретился взглядом со сладострастной, мерцающей маской Лос-Анджелеса. Неон и мрамор — небоскребы, которые растворились в дожде. Город, окруженный подобными стальными башнями, также несколько изменился за последнее десятилетие. Казалось, эти вершины постоянно, не полагаясь ни на кого другого, сами по себе становятся всё более изящными и ослепляющими. Неоновые вывески возвещают о мире удовольствий и потребления, искусственном обществе роскоши, ослеплении, столь же завораживающем, престижном и хрупком, как деньги, успех, а иногда и сама жизнь. Но стоило приложить усилия, чтобы посмотреть на всё это с улицы, из подвалов и подворотен, ночных клубов, прячущихся в тени лачуг, борделей. Стоило осторожно пройти по худшим барам и окраинам этого звёздного скопления. Городской лабиринт там был таким же отвратительным, грязным, тёмным и лживым, как и десять лет назад. Даже ещё опаснее, чем, Чандлер, ты тогда думал, старина: «Двадцать четыре часа в сутки кто-то убегает, а кто-то пытается его поймать. Там, в ночи тысячи преступлений, люди умирают, их калечат, режут разлетающимся стеклом, они разбиваются о рулевые колёса или их давят тяжёлыми шинами. Люди голодны, больны, скучают, впадают в отчаяние от одиночества, раскаяния или страха, становятся злыми, жестокими, возбуждёнными, их сотрясают рыдания. Сам по себе город не хуже других, город богатый, сильный и переполненный за себя гордостью, и в тоже время потерявшийся, разбитый и полный пустоты.»

Внезапно я обнаружил, что мне пора съехать с Прибрежного шоссе. Я пересёк эстакаду и оказался на дрожащей под воздействием шупалец города ночной окраине. Широкие пустынные улицы, тёмные здания. Здесь, внутри и под ней, течёт жизнь, страдающая бессонницей. Десять минут до кафе «Никобоб». Более чем достаточно, чтобы убедиться, что в Лос-Анджелесе всё, что не разрастается, всё, что возвращается обратно в подвалы и лачуги, обязательно умирает.

► **9:12 вечера Кафе «Никобоб».** Я прошёл по устланному ковром вестибюлю и оказался в тусклом и пурпурном полумраке кафе «Никобоб». Слабо дребезжали стаканы. Раздавались приглушенные голоса, а пианино, спрятавшееся в каком-то невидимом углу, издавало синкопированные звуки «Моего маленького бакеро³⁴». Помещение было отделано высокими панелями из тёмного орехового дерева и разделено на кабинки массивными коричневыми кожаными спинками. На каждом столе горела небольшая свеча, и чем дальше вглубь, тем более скромной и обволакивающей становилась полутьма. Это место не считалось слишком шикарным. Оно подходило для встреч определенного типа и располагалось на неоднозначном месте делового района. Время от времени здесь можно было встретить кого-нибудь из самых известных голливудских персонажей, но по неписаному кодексу, под которым, казалось, все тайно подписались, никто не показывал, что знает или догадывается о присутствии кого-либо ещё, кроме своего компаньона. Репортёрам практически запретили появляться в этом месте, и частные детективы, вероятно, относились к той же категории, но в ту ночь мне удалось проникнуть туда без каких-либо препятствий. Пианист провёл большим пальцем по клавиатуре, сыграл несколько нот, а затем начал импровизировать: «Мы всё ещё можем мечтать, не так ли?» Я подошёл к бару. Бармен взбалтывал коктейль в такт музыке. Я признал белокурую, гладкую, блестящую гриву волос Стивена за кассовым аппаратом; он, казалось, оживлённо

³⁴ Бакеро – ковбой, конный пастух. «Мой маленький бакеро» — композиция Бинга Кросби, записанная в 1956 году.

болтал с человеком, опустошающим бутылку виски в компании с собственным одиночеством, но на самом деле Стивен обращал на него очень мало внимания. Стивен был человеком, который излучал улыбку и приветливость; у него было лицо сокола, изогнутый нос, тонкие губы, сочащиеся иронией, и зелёные глаза, которые вспыхнули настороженным подозрением, когда он увидел меня.

— Если это не Марлоу! — воскликнул он. — Хотел бы я узнать, зачем я плачу шестифутовому³⁵ вышибале, если парень с такой великолепной аурой, как у тебя, может забраться дальше гардероба не встретив по пути никаких препятствий.

— Успокойся, Стивен, — ответил я. — Это не имеет никакого отношения к бизнесу.

— Ах да? И чем же я тогда обязан этому визиту?

— Моей любви к литературе. Разве сегодня не собрание писательского клуба?

— Какого клуба?

— «Беллетристы». Разве он не так называется?

— Возможно. Тебя пригласили?

— Я выступаю там сегодня вечером.

Он бросил на меня недоверчивый взгляд, за которым последовало недоумение, которое заставило меня заподозрить, что моё заявление было достаточно безумным, чтобы казаться правдивым.

— Ты собираешься доложить обо мне или я как-нибудь сам? — подсказал я.

— Ты знаешь, где они встречаются? — спросил он.

— Понятия не имею.

— Лестница за туалетами. Мезонин, первая дверь направо.

Я поднял руку в двусмысленном жесте, что-то между «спасибо» и «пока». Пьяница за стойкой хотел заманить меня в ловушку в надежде завязать разговор. Я ушёл, не дав Стивену времени подумать. Я спиной чувствовал вспышки его жёлтых глаз, как будто оставлял за собой пыльный шлейф.

На лестнице я столкнулся с официантом. Он возвращался к бару, держа в правой руке поднос с тремя пустыми бутылками.

— Извините, — остановил я его. — Вы, случайно, не с писательского собрания?

— Конечно, — ответил он. — Мне отнести это в другое место?

— В этом нет необходимости. — Я вытащил из кармана долларовую купюру. — Я кое с кем оттуда хочу поговорить, но я ненавижу кого-то прерывать. Знаю, как чувствительны интеллектуалы. — Я заставил банкноту скользнуть в центр подноса. — Этот человек — Рэймонд Чандлер.

— Посмотрю, что смогу для Вас сделать. Кто спрашивает?

— Марлоу. Филип Марлоу.

— Да, сэ. Следуйте за мной и ожидайте в той кабинке у стены. Вам придётся немного подождать.

Чандлер появился через пять минут. Он казался трезвым, но я никогда не доверял суждению по внешнему виду. Он выглядел хуже, чем в последний раз, когда мы встречались. Я знал, что он тяжело переносит смерть жены, и ходили всевозможные слухи о том, что творится в его личной жизни. Я всегда придерживался мнения, что личная жизнь мужчины обладает уникальной привилегией: она личная — это значит, что всё, что к ней

³⁵ Около 180 см.

относится, касается, в первую очередь, если не всецело, только его. Чандлер вынул изо рта трубку, которая, казалось, стала уже частью его самого, и указательным пальцем поправил очки на переносице. Он не протянул мне руку, а я не попыталась протянуть ему свою. Он всем говорил, что у него проблемы с кожей, и потому пренебрегает этой дружеской американской традицией.

— Вот теперь верю — Филип Марлоу собственной персоной. — Он расположил свои 176 фунтов³⁶ напротив меня. — Боже мой, я думал, что наконец-то избавился от тебя.

— Когда и зачем? — спросил я.

— Когда? Да сколько угодно раз. Дай-ка подумать... Однажды я написал Гамильтону, что ты начинаешь мне надоедать. Гамильтон — мой британский издатель. Это было после того, как я закончил «Младшую сестру». Полагаю, ты её не читал.

— Я редко читаю детективные романы.

— Правильно делаешь. Я не читаю никаких, кроме тех, что пишу сам. И то только потому, что кто-то же должен редактировать гранки. Честно говоря, я думал, что в последний раз мы виделись как раз после «Младшей сестры».

— Это было пять лет назад?

— Семь, если быть точным. Это был мой пятый роман. С каждым днём ты становился для меня всё более искусственным — я имею в виду твоё отношение к жизни. Человек с твоими взглядами начинает выглядеть довольно нелепо в роли мелкого частного детектива. Однако что-то подсказывало мне, что ты всё ещё мне очень нужен. Затем было «Долгое прощание». Это было в 1953 году. Ты и его не читал?

— Прочитал пару дней назад, чтобы убить время.

— Чтобы убить время?

— Мне было любопытно, как далеко Вы продвинулись в своём изучении меня.

— Слишком далеко. До сих пор меня обвиняли в том, что я сделал тебя слабым и сентиментальным. Я чуть не женил тебя. Послушай, Марлоу. Годы не проходят даром. Я постарел; ты стал намного старше, чем был когда-то. Почему бы тебе не заняться чем-то другим? Такая жизнь, без уверенности в будущем, не для нас.

— Может вы меня и убедите, — признался я. — Но через некоторое время это просто превращается в привычку, такую же вредную, как героин или морфий. Ты знаешь, что это не идёт тебе на пользу, но не можешь от этого отказаться.

— Я этого не отрицаю, — Чандлер терпеливо начал набивать трубку. Он, казалось, никуда не спешил — без сомнения, он только и ждал малейшего повода, чтобы покинуть собрание. Я такой ему и подкинул. — Почему бы тебе не убраться отсюда? — настаивал он, глядя на меня поверх очков. — Вероятно, это просто вопрос обстановки. Это не место для тебя. Я вот собираюсь уехать в Англию. Насовсем.

— Мне нравится Калифорния, — ответил я. Это был один из тех редких случаев, когда Чандлер был наполовину трезв, наполовину грустен, наполовину весел и необычайно общителен.

— Калифорния... — повторил он. — Я прожил половину жизни в этом, как говорят, самом зеленом штате Союза. Здесь самый лучший климат, самая красивая береговая линия, одни из самых красивых городов в стране. Я влюблён в Сан-Франциско... Знаете, что кто-то однажды сказал о Швейцарии? *Un beau pays mal habite.*³⁷ Так можно описать это место. Меня тошнит от Калифорнии и тех людей, которых она порождает. Мне нравятся

³⁶ Около 80 кг.

³⁷ И в красивом месте обитает зло (франц.)

воспитанные, изящные люди, умеющие вести себя в обществе, с образованием чуть выше подписчика «Ридерз Дайджест», люди, которым гордость позволяет спокойно провести полчаса без выпивки в руках, хотя при этом я бы предпочёл общество дружелюбного пьяницы Генри Форда. Мне нравится обстановка скромности, ощущение пережитого; мне нравится всё, что американцы прошлых поколений искали в Европе, но в то же время я не хочу быть связанным правилами.

— Бросьте, Чандлер. У Вас, должно быть, была какая-то причина провести лучшие годы своей жизни в этом городе или его окрестностях. В конце концов, Вы всегда писали о Калифорнии.

— Чтобы вырваться из этого, — ответил он. — Но теперь я понимаю, что слишком многое выжал из этого города, этого пейзажа и этих людей. Теперь они выжимают меня. Послушай моего совета: убирайся отсюда, пока не поздно.

— А Голливуд? — ответил я. — Только не говорите мне, что Вы не в долгу перед Голливудом. Половина Вашей славы и, полагаю, большая часть Вашего состояния пришли оттуда.

— Голливуд? — Чандлер, казалось, встрепетнулся при одном упоминании этого волшебного имени — но кто мог догадаться о том, что за огонь скрывался за понятной страстью в его взгляде? — Может быть, и так; я не хочу показаться неблагодарным, — продолжал он. — Послушай, Марлоу, в первый раз я отправился в постель шлюхи, которой является Голливуд, примерно в 1943 году. Билли Уайлдер позвонил мне и спросил, не напишу ли я сценарий для «Двойной страховки». До тех пор я воспринимал Голливуд как своего рода роскошную девушку по вызову, понимаешь? Что-то, что мне не по средствам. Затем «Парамаунт»³⁸ удостоила меня встречи; я отправляюсь туда почти как девственник-подросток, и соглашаюсь написать сценарий за несколько сотен долларов. Тут кто-то должен был появиться, чтобы научить меня, как вести переговоры со студиями. Я пошёл к агенту и получил трехмесячный контракт на семьсот пятьдесят долларов в неделю. Мне это казалось невероятной суммой. Уже два года спустя, в 1945 году, я платил пятьдесят тысяч подоходного налога. Ты меня слышишь? Пятьдесят тысяч долларов налогов. Что-то немыслимое для парня, чьи подошвы были в дырках ещё несколько лет назад.

— А потом?

— Невероятно, да? У меня были зарплата и контракт. И однажды вечером позвонил очень важный продюсер и попросил меня написать сценарий для одного из самых разрекламированных проектов года. Это была отличная возможность, но дело в том, что я должен был сделать это втихомолку, с полным осознанием того, что это будет нарушением моего контракта с другим продюсером. Что ж, это небольшой пример голливудской этики. Парню даже в голову не пришло, что он меня оскорбляет. Возможно, несмотря на все мои недостатки, у меня всё ещё оставались определённые понятия о чести. Когда у нас есть спорный вопрос, я выкладываю его на стол, и абсолютно готов к тому, чтобы позволить проверить мои рукава на предмет спрятанных карт. Но знаешь что, Марлоу? Они так не поступают; они пришли бы в ужас от того, что мои рукава пусты. Они не любят иметь дело с честными людьми. — Он замолчал на несколько секунд, раскуривая трубку, которая гасла в середине каждой длинной фразы — тогда он посасывал её и продолжал. — Я помню один из первых случаев, когда я столкнулся в одном из коридоров студии с группой руководителей, возвращавшихся с обеда. Меня охватил мрачный восторг. Они выглядели так точно так же, как группа первоклассных гангстеров из Чикаго, направляющихся объявить о смертном приговоре избитому конкуренту. В одно мгновение они позволили

³⁸ Paramount Pictures Corporation (Парамаунт Пикчерз Корпорэйшен) — американская компания, которая занимается созданием и распространением фильмов. Расположена в Голливуде, штат Калифорния.

мне увидеть странное психологическое и духовное сходство в операциях бизнеса больших денег и шантажа. Такие же лица, то же самовыражение, те же замашки. Та же манера одеваться и та же постоянная преувеличенная активность. Это более или менее тот образ Голливуда, который я сохранил до сих пор: вычурность, фальшивая восторженность, постоянное пьянство и попытки его скрыть, непрекращающиеся споры из-за денег, вездесущий агент, напыщенность больших шишек и их обычно полная некомпетентность во всём том, чего они пытаются достичь, постоянный страх потерять всю эту сказочную позолоту и стать ничем, чем они никогда и не переставали быть, подлые уловки, весь этот чертов бардак не от мира сего. Это напоминает один из этих южноамериканских дворцовых переворотов, осуществлённых офицерами в смешных опереточных мундирах; только когда всё заканчивается, и мертвецы выстраиваются рядами у стен, вы вдруг понимаете, что это уже не смешно, этот римский цирк, и цивилизация чертовски близка к своему концу.

— Согласен. Но Голливуд не просто дал вам шанс заработать деньги. Он также дал Вам возможность писать, и писать о том, что Вы знаете и любите.

— Ты сошёл с ума, Марлоу, — терпеливо ответил Чандлер. — Ты ни малейшего представления не имеешь о том, что значит быть голливудским сценаристом. Со сценаристами обращаются как с коровами; кто-то просто сгоняет их в стадо и выпускает на пастбище. Одно время я искренне надеялся, что найду способ работать в киноиндустрии, не высказываясь по этому поводу слишком цинично. Но это невозможно, потому что его не существует. Послушай, фильмы похожи на фотографию женщины в бикини. Если бы на ней было больше одежды, можно было бы почувствовать себя заинтригованными. Если бы на ней вообще ничего не было, можно было бы почувствовать себя шокированным. Но как бы то ни было, всё, что можно сделать, это заметить, что у нее костлявые колени или слишком большие пальцы на ногах. Иллюзия реальности в современном фильме настолько совершенна, что от зрителей ничего не требуется, кроме как есть попкорн. Нечто подобное происходит и с писателями.

Официант, который организовал это встречу, неожиданно открыл дверь и оглядел нас. Он выглядел не слишком довольным.

— Как насчёт выпить? — сделал я предложение Чандлеру.

— Это лучшая идея, которая возникла у тебя за всю твою жизнь, — ответил он.

Я подозвал официанта и заказал пару двойных виски.

— Вы здесь ещё надолго? — спросил он.

— А есть какие-то проблемы? — поинтересовался я в свою очередь.

— Эта кабинка, — сказал он. — Она была зарезервирована. И должна быть свободна через полчаса.

— Мы управимся ещё и раньше, — заверил я его. — Налей нам «талискер», хорошо? Я только увидел этикетку...

— Сию минуту, босс. Но не забудь о своем обещании, ладно?

Чандлер подождал, пока не услышал, как закрылась дверь.

— Позволь мне кое-что прояснить, Марлоу; дело не в том, что я считаю фильмы бессмысленными. Совсем наоборот. Кино — это не просто вид искусства, а скорее единственная совершенно новая форма искусства, появившаяся на этой планете за сотни лет. Если бы Шекспир родился в этом поколении, он преуспел бы; он отказался бы умереть на задворках. Он взял бы ложных богов и переделал их; он взял бы нынешние рецепты и с их помощью создал бы что-то, что другие считали бы невозможным. Живи он сегодня, он бы писал и ставил кинофильмы, пьесы и Бог знает, что ещё. Вместо того, чтобы сказать:

«Это средство никуда не годится», он бы использовал его и спревратил бы во что-то хорошее.

— А потом? — Я прервал его, прервав его несколько причудливое отступление.

— Ну, это просто доказывает одно: дело не в фильмах. Дело в том, что их искажает кинобизнес. И когда я упоминаю кинобизнес, здесь, в Соединенных Штатах, я имею в виду Голливуд. Это ты прекрасно понимаешь.

— У меня сложилось неясное представление, — сказал я. — Вы подписываете контракт, решаете, о чём писать, спорите с продюсерами, режиссером и, возможно, еще несколькими руководителями в придачу, получаете зарплату... сколько? Две-три тысячи в неделю?

— До четырёх, — сказал Чандлер.

— Прекрасно. В чем тогда проблема?

— Всё, что ты упомянул, за исключением денег, — это только полправды, то есть это совсем не правда. Во-первых, сценаристу чрезвычайно трудно выбрать свою собственную тему, и даже если ему понравится данная ему история, кто-то сделает своим делом не позволять ему делать всё по-своему. В Голливуде вы не можете снять фильм, если это не история любви, история, в которой преобладает секс. Когда я убедил «Парамаунт» купить роман Элизабет Сэнксей Холдинг³⁹ «Невинная миссис Дафф» и начал работать над сценарием, сразу же возникли трудности. Продюсер попросил «Парамаунт» изменить те части сюжета, которые ему не понравились. Если бы у «Парамаунт» хватило ума позволить мне реализовать своё собственное видение жёсткого сценария о миссис Дафф, я бы за относительно короткий промежуток времени придумал что-нибудь, что с первого взгляда показало бы им, какой получится картина. Но нет — они просто не осознавали, что всё, что им от меня надо, это позволить писать, опираясь на своё собственное видение. Понимаешь, в чём суть? В Голливуде разрушают связь между писателем и его подсознанием. И после этого всё, что он создаёт, просто набор действий для спектакля. А его сердце остаётся где-то в другом месте.

— Не отрицаю силу ваших аргументов, но, возможно, Вы оцениваете кино с точки зрения литературы.

— А возможно ли, чтобы писатель оценивал что-либо по другому? Литература — это искусство, и кино должно быть искусством. Мышление в абстрактных терминах разрушает способность мыслить в терминах эмоций и чувств. Продюсеры, а иногда и режиссеры, полны идей; они очень хорошо объясняют их, но с позиции разума. Вот тогда-то я и испытываю тщетное желание рассказать всем, кто готов слушать, почему нельзя удовлетворить потребности индустрии исключительно с позиции чистого разума. Литература — это действие, кино-это действие, остальное — никуда не годное надувательство.

— Я задаю себе вопрос, не замечают ли этого руководители студий, таких как «Парамаунт» или MGM, — заметил я. — Зачем им нанимать Вас, если то, что Вы придумаете, им ни к чему? Разве является невозможным, что у них есть своё собственное представление о том, что можно использовать, а что нет? В конце концов, для этих людей кино — всего лишь один из видов высокодоходного бизнеса. Естественно, они будут управлять отраслью только так, как они понимают, может быть полезно для бизнеса.

— Именно это я и пытаюсь сказать, — проворчал Чандлер, злобно глядя на меня из-за облака дыма. — Даже по прошествии стольких лет ты не утратил проницательности,

³⁹ Элизабет Сэнксей Холдинг (1889 — 1955) — американская писательница, в основном работавшая в жанре «крутого детектива». Рэймонд Чандлер считал Холдинг «лучшим автором триллеров». «Невинная миссис Дафф» была издана в 1946 году.

Марлоу. Для голдвинов, уорнеров и брэкеттов кино — это индустрия, машина для зарабатывания денег и доступных женщин. Каждый, кто имеет там хоть какой-то вес, — не что иное, как чиновник, независимо от того, насколько хорошо ему платят. И он должен вести себя как чиновник, понимаешь? Ты когда-нибудь встречал в какой-либо отрасли, не только в кино, сотрудника, который позволил бы себе высказать собственные идеи или проявил инициативу? Нет, сэр, идеи — прерогатива босса. Однажды я был свидетелем, как Сэмюэл Голдвин стучал кулаком по столу и кричал: *“Мне надоело, что в Голливуде сценаристы мешаются под ногами у продюсеров.”* Итак, вот в чём дело! Остаётся только принять это, либо, вообще, полюбить.

Его представление раздражительного Голдвина было настолько убедительным, что я чуть не расхохотался.

— Всё так, как я сказал, — продолжил он, внезапно успокоившись, как будто его выплеснутая наружу пантомима избавила его от всей той злобы, которую он до этого хранил внутри себя. — В голливудской атмосфере у писателя может случиться кратковременный приступ энтузиазма, но он разрушится прежде, чем сможет расцвести. Он познакомится с умными и интересными людьми и, возможно, даже зайдёт так далеко, что заведёт длительную дружбу, но всё это не имеет ничего общего с писательством. Благоразумный сценарист там носит соответствующий дню костюм, художественно выражается и не принимает происходящее близко к сердцу.

Без стука вошёл официант и поставил на стол два бокала, до краев наполненных янтарной жидкостью.

— Пять долларов, — сказал он. — И столик должен быть свободен через пятнадцать минут. Распоряжение Стивена.

Я полез за бумажником, но Чандлер положил мне на плечо руку.

— Запишите на счёт «балетристов», — сказал он официанту.

Он поднял свой бокал, как будто это был завоёванный кубок.

— Ваше здоровье! — сказал я.

Чандлер вынул трубку изо рта и одним глотком заставил большую часть своего «талискера» исчезнуть.

— Хороший виски, — одобрил он, наблюдая, как свет свечи просачивается сквозь янтарную жидкость. — Это, вероятно, наша последняя выпивка перед расставанием на некоторое время. Но ты ведь проделал весь этот путь не для того, чтобы пожелать мне счастливого пути, Марлоу. Давай перейдём к делу.

— Йенсид Андресс, — сказал я.

— Ах, да, — пробормотал он. — Я читал об этом деле с самоубийством. Ты им занимаешься?

— Он был Вашим агентом, так?

— Был, — сказал Чандлер. — Уже прошло много времени с тех пор, как я перестал с ним работать.

— Ваше имя всё ещё в списке его клиентов.

— Напомните его людям, чтобы они его обновили. Андресс был неплохим парнем. Он был не лучше и не хуже остальных представителей своего вида — более дипломатичен в отношениях с писателями и менее щепетилен в отношениях с продюсерами. Во всяком случае, средняя продолжительность моих соглашений с литературными агентами составляет около двух лет. Андресс продержался немного дольше, но не потому, что он внушал мне больше доверия, чем другие. Кто бы мог подумать, что он покончит с собой? Это повысило градус моего уважения к нему. Я всегда втайне восхищался теми, кому

действительно удавалось совершить самоубийство. Однажды я попробовал; это не то, что вы должны попробовать, это то, что вы должны просто сделать. Неудавшиеся самоубийства всегда заканчиваются самой жалкой старостью.

— Мне кажется, что Вы не слишком хорошо относитесь к голливудским агентам.

— Кажется? — Чандлер взболтал виски, пробуждая неизвестно какие воспоминания на дне стакана. — Тут не требуется особая проницательность, Марлоу. Моё мнение о секте агентов является достоянием общественности. Как и многие другие вещи в Голливуде, они являются неизбежным злом и, следовательно, необходимым. Без агентов, которые могли бы их защитить, писателей съедает большой бизнес. Но до сих пор писатели не нашли способа избежать того, чтобы быть съеденными агентами. Вот в чём суть. Я начинал здесь со Свенсоном, который в своё время был одним из самых крупных агентов. Затем я перешёл к Рэю Старку; человеку невероятной энергии, но, когда он продал серию моих радиопостановок компании «Сенчури Артистс», в которой он владел долей, стало плохо пахнуть. Поэтому я оставил Старка и вернулся к Свенсону. Старк был похож на мерцающий свет, отраженный на стене; его невозможно поймать. А Свенсон был твёрдым, до него можно дотянуться и потрогать.

— А Адресс?

— Адресс был скользким парнем. Послушайте, Марлоу: когда агент пытается повлиять на вашу работу, он становится помехой. У меня не хватит терпения для представителя, который не понимает, где его деятельность перестаёт быть полезной. Лучший агент не обязательно лучший ценитель литературного материала, понимаете? И не обязательно он самый организованный или самый крупный. Я не жду от него тщательной организации моих дел; агенты делают вид, что занимаются ею, но делают это не очень хорошо. То, что я ожидаю от агента, — это жёсткая, но добросовестная торговля; широкое знание рынка; уважительное отношение к тому факту, что в долгосрочной перспективе для меня лучше изредка написать статью для «Атлантик» за несколько сотен или что-то в этом роде, вместо того, чтобы вкладывать столько же времени и энергии в короткий рассказ для «Пост» за пару тысяч. Всё это относится как к литературным агентам, так и к агентам в киноиндустрии.

— И Адресс подошёл по всем статьям?

— Слабое место Адресса имело отношение к политике. Насколько я понимаю, у него были неприятности, которые ему не были нужны и которых он не заслуживал. Я пережил маккартизм и Комиссию по расследованию антиамериканской деятельности⁴⁰. Очевидно, что эта идиотская охота на ведьм вызвала у меня глубокое отвращение. Но я также не понимаю, почему североамериканские интеллектуалы решили, что было бы классно называть себя левыми или коммунистами; здесь сценаристы объединились в группу, «Голливудскую десятку». Эти люди просто сводили меня с ума. Они пытались защитить себя с помощью Пятой поправки. Но в конечном итоге, что у них оказались очень плохие

⁴⁰ Комиссия по расследованию антиамериканской деятельности (англ. House Un-American Activities Committee) — комиссия палаты представителей конгресса США, действовавшая в 1934—1975 годах. Создана в 1934 году для борьбы с «подрывной и антиамериканской пропагандой». В 1938 году получила статус временной комиссии, в 1946 году — статус постоянной комиссии. В 1969 году переименована в «Комиссию по внутренней безопасности». С юридической точки зрения прилагательное «неамериканская» (un-American) означало деятельность, источники финансирования которой находились за рубежом. В середине 1940-х годов преследованию подверглись многие известные персоны, например, Чарли Чаплин, Бертольд Брехт, Поль Робсон и другие. В 1947 году комиссия начала преследование деятелей Голливуда. Ряду кинематографистов были разосланы повестки с требованием прибыть на публичные слушания, многие из них были включены в «чёрный список». Некоторые представители искусства не выдерживали давления спецслужбы и кончали жизнь самоубийством.

адвокаты. Они боялись сказать, что они коммунисты, и в то же время они боялись сказать, что они не коммунисты. Поэтому им пришлось плавать в море лжи. Если бы они сказали правду, суды отнеслись к ним более благосклонно, люди из Голливуда, от которых они кормились, не порвали бы с ними так жёстко. Не думаю, что дела Эджера Хисса⁴¹ или Дэшила Хэммета, или обвинение в лжесвидетельстве против «десятки» были вызваны исключительно действиями правительства. Правительство сильно на это повлияло, но эти «десять» сами помогли затоптать себя.

— И какое отношение все это имеет к Йенсиду Андрессу?

— Я тебе только что рассказал: у Андресса были свои политические симпатии; но, что касается его, то чёрный список, которым всё ещё руководствуются в Голливуде, к нему не применялся. Если бы он смог разместить сценарий Далтона Трамбо⁴² или Альберта Мальца⁴³, подписанный вымышленным именем, и получить за него «Оскар», ему бы это показалось прекрасной идеей. Это было смело и достойно всяческой похвалы, но в конечном счете он, должно быть, очень пострадал за это.

— Каким образом?

— О... — Чандлер проделал в воздухе неопределенный и раздражительный жест и допил остатки своего «талискера». — Я не должен побуквенно объяснять тебе это. В общем, бизнес не хочет связываться с властями или ФБР, и они не могут позволить кому-то так смело пускать пыль в глаза. Андресс, с его невинной улыбкой и той сладкозвучной вежливостью персидского или бирманского посла, думал, что он действительно сможет их одурачить. Но он не смог. Есть вещи, которые бизнес не прощает. Время такое.

— Согласен. Когда именно это могло бы случиться, Чандлер?

Он несколько секунд смотрел на меня.

— Осушив этот стакан, я, должно быть, стакан, превысил свою суточную норму потребления бурбона в тысячу кубических миллиметров. Конечно, эта марка, с которой ты меня только что познакомил, — чистый скотч. — Он утонул на дно пустого стакана, как будто мог прочитать там название в его эфирных парах. — «Талискер», верно? Я запомню, — добавил он с ностальгией. — Ну, цель этого отступления состоит в том, чтобы высказаться в том плане, что я не очень хорошо понял твой последний вопрос. Не мог бы ты перефразировать его, Марлоу?

— Йенсид Андресс был убит, — ответил я. — Всё было достаточно хорошо спланировано, чтобы всё выглядело как самоубийство, но тот, кто осуществил план был не настолько искусен и по неосторожности допустил небольшую ошибку. На данный момент не остается никаких сомнений в том, что было совершено преступление. Чандлер, кто больше всего выиграл бы от смерти Андресса? Я пришел узнать, не смогли бы Вы подкинуть мне какие-нибудь полезные идеи.

⁴¹ Эджер Хисс (*англ.* Alger Hiss; 1904 — 1996) — американский госслужащий, в 1948 году обвинённый в шпионаже в пользу СССР и осуждённый за лжесвидетельство в связи с этим обвинением в 1950 году. До привлечения к судебной ответственности и признания виновным в данном преступлении Хисс принимал участие в создании Организации Объединенных Наций в качестве представителя Госдепартамента США, а также сотрудника ООН.

⁴² Далтон Трамбо (*англ.* Dalton Trumbo, 1905 — 1976) — американский сценарист и писатель, один из Голливудской десятки кинематографистов, представших в 1947 году перед Комиссией по расследованию антиамериканской деятельности.

⁴³ Альберт Мальц (*англ.* Albert Maltz; 1908 — 1985) — американский писатель и сценарист. Получил известность как один из «Голливудской десятки» (списка актёров и других деятелей кино, включённых в чёрный список Комиссией по расследованию антиамериканской деятельности в эпоху маккартизма).

— Я? — Чандлер откинулся на спинку и в сотый раз попытался раскурить свою несговорчивую трубку. — Но, Марлоу, до этого самого момента ты всегда был тем, кто давал мне лучшие ключи к разгадке тайн. Я полностью отошёл от дел. И если тебе нужен последний совет, ты вырос из своих штанов. Ты начинаешь пытаться сделать себе имя среди квазиинтеллектуалов. Раньше ты мог время от времени сплёвывать и говорить уголком рта. Понимаешь? В прошлом году газета «Дейли Экспресс» провела опрос общественного мнения, чтобы выяснить, кто был любимыми авторами, киноактерами, художниками и комиками у высших, средних и низших слоёв населения. Мэрилин Монро и я были единственными, кто победил у всех трёх. Это единственное, чем я сейчас горжусь.

— Поздравляю. Но это никак не поможет мне раскрыть убийство Андресса.

— Это исследование показывает, — невозмутимо сказал Чандлер, — что политическая власть по-прежнему доминирует в культуре. Американцы — недалёкие люди, склонные к радикальному изменению душевных переживаний, и отсутствием устойчивого ощущения стиля. Их язык в руках обывателя, вероятно, является продуктом расточительности, столь же лишенным глубокого смысла, как и нацистская пропаганда. Андресс был человеком с политическими идеями. А голливудская машина особенно хороша тем, что готова перемолоть любого, кто пытается встроить в её механизм политически инакомыслящих или новаторов. Что ещё ты хочешь, чтобы я тебе сказал? Как бы писатель ни был обижен на своего агента, он не стал бы пытаться избавиться от него, вышибив ему мозги. Существуют более эффективные и менее компрометирующие способы выполнения этой работы. Вы меняете агента, и проблема решена. Я бы искал его убийцу среди тех, кого такой парень, как он, мог бы постоянно раздражать, доставляя такие неприятности, от которых нельзя было бы просто откупиться большими или меньшими деньгами. В этом смысле то, что ты мне рассказал, вызвало моё уважение к Андрессу. Наверное, уже слишком поздно посылать цветы, так?

— Похороны должны были состояться сегодня в четыре, — сказал я.

— Что ж, печаль и раскаяние всегда приходят слишком поздно, — произнёс Чандлер.

В этот момент официант осторожно приоткрыл дверь.

— Прошу прощения, джентльмены, — сказал он. — Вам придётся освободить стол.

Мы поднялись на ноги.

— Я собираюсь присоединиться к своим коллегам на встрече, — объявил Чандлер. — Я бы предпочел воспользоваться данной возможностью и сбежать, но я должен покрыть свою долю счёта.

— Когда Вы уезжаете в Лондон? — спросил я.

— Решу, когда буду трезв. Никаких решений, о которых я потом пожалею. У меня всё ещё квартира в Ла-Хойе. У тебя есть мой номер телефона?

Я кивнул, и мы больше ни о чём не разговаривали. Я быстро спустился по лестнице. Когда я подошёл к кассе, Стивен многозначительно посмотрел на один из столиков у входа.

— Есть красивые женщины, которые могут позволить себе тратить время и терпение на таких как ты, — загадочно сказал он. — Кто-то ждёт тебя уже полчаса.

Я повернулся туда, куда указывал его ястребиный профиль, и обнаружил Велму Валенто. Она была одна, стакан, который ей подали, всё ещё был полон, и на ней всё ещё было пальто. Без сомнения, она ждала меня.

► **9:07 вечера. «Лос-Анджелес таймс».** Исполнив точный и хорошо отработанный манёвр Чарльз Мортон просунул обтекаемый корпус своего «ягуара» между нарисованными линиями, которые были отмечены его номерным знаком. Продолжающий идти мелкий,

холодный моросящий дождь, не соответствовал этому сентябрьскому вечеру; он больше подходил на роль предвестника суровой, гнетущей зимы. На стоянке «Таймс» было не так уж много машин. В такую погоду редакторы предпочитали заканчивать свои разделы во время дневной суеты и исчезать около семи. Мортон покинул Голливудское кладбище с онемевшими мышцами и каким-то тревожным ощущением внутренней пустоты, неприятным послевкусием или остатком небытия, которое оставило ему свидание с бледным и мимолетным призраком смерти, растворяющимся в бурном полуденном свете, и он начал испытывать дрожь, которая, как он считал, была вызвана болью утраты или состраданием к Йенсиду Андрессу, который при жизни никогда не затрагивал ни одну из его чувствительных струн. Смерть была одиноким и всеобъемлющим событием; в один прекрасный день у вас было все, а в следующий момент вы становились от всего этого полностью и необратимо отрезаны. С этим похоронным оцепенением, трепещущим в глубине души, он сел за руль своей машины, одного из тех предметов, от которых он предпочел бы никогда не отказываться, и решил, что его упавшее настроение требует немедленного восстановления женским обществом и, по крайней мере, двумя рюмками коньяка. И только после того, как он пришёл к такому заключению, он отправился в сторону отдела новостей.

Как и большинство репортёров крупных утренних газет, Мортон был «совой». Обычно он работал до полуночи, и для него не было ничего необычного в том, чтобы около двух часов ночи, когда газета укладывалась спать, прогуляться из типографии в поисках последних новостей. Именно такое усердие и то, как ему удавалось отыскивать информацию у тех самых источников уже задолго после того, как его коллеги по другим газетам оказывались в постели — и не в одиночестве, — давало большую часть его профессионального авторитета и довольно привилегированное положение. Когда из своего застекленного кабинета Винсент Старрет, главный редактор, увидел, как Мортон ворвался в кабинет и набросился на пишущую машинку, он не сомневался, что Мортон наткнулся на что-то интересное. Он видел, как Мортон вставил в машинку лист бумаги, отрегулировал в «ремингтоне» ленту и начал трещать. Старрет закурил сигарету и вернулся к гранкам на столе. По его расчёту, через полчаса Мортон без предупреждения распахнёт дверь его кабинета.

Текст, который Мортон напечатал без остановки, был рассчитан максимум на две колонки и гласил следующее:

БЫЛА ЛИ В ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ СМЕРТЬ АГЕНТА ЙЕНСИДА АНДРЕССА САМОУБИЙСТВОМ?

Вчера в 4 часа дня на Голливудском кладбище состоялись похороны известного литературного агента Йенсида Андресса. Среди присутствующих были бывшая жена Андресса, мисс Джесси Флориан, его коллега, мисс Велма Валенто, и другие близкие друзья, родственники, сотрудники и коллеги энергичного голливудского деятеля. Как удалось выяснить, единственный сын Андресса, наследник его значительных активов, всё ещё не извещён о смерти своего отца, потому что в настоящее время он путешествует по Европе и его место пребывания в данный момент не определено. Возможно, именно из-за мрачной погоды, царящей в Лос-Анджелесе последние несколько дней, прощание с человеком, так тесно связанным с киносектором собрало так немного людей.

Как помнят читатели, в отчёте, опубликованном в этой же колонке в прошлый понедельник, 23 сентября, сообщалось, что Йенсид Андресс был обнаружен мёртвым накануне вечером в кабинете в своём доме в Бель-Эйр, с принадлежащем ему пистолетом в руке и неподписанной запиской в пишущей

машинке. До сих пор нет в полицейском расследовании нет никаких новых сведений, таких как результаты вскрытия и других процедур, обычно проводимых в случаях насильственных и подозрительных смертей или самоубийств. Однако, основываясь на информации, предоставленной надежными источниками, газета «Лос-Анджелес Таймс» может сообщить, что первоначальная версия самоубийства ставится под сомнение сотрудниками, ответственными за расследование. Наши источники утверждают, что выстрел, убивший бывшего литературного агента, был произведен не в упор (когда ствол пистолета упирается в череп), а с расстояния в нескольких дюймов, что исключает возможность того, что жертва сама нажала на спусковой крючок. Кроме того, сообщается, что пуля перед тем как войти в череп жертвы имела наклонную траекторию сверху вниз, что позволяет предположить, что злоумышленник направлял пистолет на жертву откуда-то с высоты нескольких дюймов выше входного отверстия. Рассмотренные вместе, эти два факта могут стать достаточными доказательствами того, что смерть Йенсида Андресса была не самоубийством, а хладнокровным и преднамеренным убийством.

Записка, обнаруженная в его пишущей машинке, в данном случае показывает намерение исполнителя (или исполнителей) этого преступления сделать всё так, чтобы смерть Андресса казалась спланированной самой жертвой с очевидной целью скрыть истинный мотив убийства. «Таймс» также запросила и получила достаточную информацию от друзей и партнеров покойного, чтобы подтвердить, что финансовые мотивы предполагаемого самоубийства, содержащиеся в предполагаемой предсмертной записке, не имеют никакой фактической основы. Экономическое, социальное и эмоциональное состояние покойного было нормальным, и его поведение в часы, предшествовавшие его смерти, — подтвержденное показаниями различных свидетелей — ни в коей мере не выявило крайней степени эмоциональной неуравновешенности или неустойчивости, типичных для человека, планирующего совершить самоубийство в ближайшие несколько часов.

Поскольку власти официально не сообщали данную информацию прессе, мы предполагаем, что расследование всё ещё продолжается, и что сотрудники полиции решили не предавать эти предварительные выводы огласке, чтобы не препятствовать поиску лица (или лиц), ответственных за это преступление. Однако, не желая вмешиваться в отправление правосудия, «Лос-Анджелес Таймс» считает, что на ней лежит неизбежная ответственность за то, чтобы сделать эти факты доступными для своих читателей. Была ли смерть Йенсид Андресс действительно самоубийством — как это казалось на первый взгляд — или мы столкнулись с ещё не раскрытым делом о жестоком и коварном убийстве? Эта колонка будет продолжать сообщать о любых новых событиях, пока правда не выйдет на свет, и каждая деталь этого дела не будет представлена общественности.

Мортон одним движением выдернул из пишущей машинки вторую отпечатанную страницу, быстро просмотрел всю статью, внёс несколько исправлений и направился в сторону кабинета главного редактора.

Винсент Старрет откинулся на спинку кресла, затушил сигарету в фарфоровой пепельнице с надписью «вайсрой»⁴⁴, нанесённой толстыми синими буквами, и внимательно прочитал

⁴⁴ Марка американских сигарет.

две страницы, которые протянул ему Мортон. Он обдумывал каждую строчку, дошёл до конца и снова вернулся к началу первой страницы.

— Хорошо, Чарли, — сказал он, не отрывая от страниц глаз, — кто твой источник?

— Строго между нами. Хорошо, Винсент?

— Честное слово, — подтвердил Старрет.

— Вне всяких подозрений, — ответил Мортон. — Лейтенант Налти.

— Налти рассказал тебе всё это о расстоянии до пистолета и траектории пули? — На этот раз Старрет поднял глаза и скептически посмотрел на Мортон.

— Налти, лично. Он был моей фрейлиной на похоронах Андресса.

— И он намекнул, что эта информация может быть опубликована?

— Он не намекал. Он изо всех сил старался сказать мне это.

Старрет с сомнением почесал за ухом.

— Чёрт меня побери, если я понимаю, что задумал этот Налти, — сказал он. — Официально он отрицает наличие каких-либо новых сведений по делу, как будто оно уже закрыто, а затем с самыми лучшими намерениями в мире вручает тебе бомбу, которая может разнести на мелкие кусочки всё это здание, после чего нам придётся продолжить работать на руинах.

— Всё не так плохо, — сказал Мортон. — Это не первый раз, когда они себя так ведут, так ведь? Начальник полиции считает, что дело закрыто, но потом они что-то сливают, надеясь, что кто-то сделает ошибочный шаг. Обратите внимание, что моя история никого не компрометирует. «Надёжные источники» и так далее, и тому подобное — все эти никчемные, нарочито расплывчатые формулы, которые никого не касаются, даже начальство наверху.

— До определенного момента всё в порядке, — нерешительно ответил Старрет. — Мне придется провести это через руководство, понимаешь? Если оно не сделает при этом хорошую мину, у меня не будет настроения это печатать. У меня есть особый приказ быть необычайно осторожным с делом Андресса, даже более, чем обычно.

— Прямо с самого верха?

— Мне специально позвонили, чтобы предупредить об этом. — Старрет положил страницы Мортон на стол и закурил ещё одну сигарету. — Послушай, Чарли, я прекрасно знаю, когда мы натываемся на что-то стоящее внимания. Если бы это зависело от меня, я бы убрал тебя со страницы двадцать шесть и отправил прямиком на первую. Обещаю тебе, что буду за это бороться. Также обещаю не упоминать Налти, но мне придется рискнуть своей шеей, поручившись за твой источник. — Он снова пронзил своим пронзительным взглядом Мортон до самой души — Ты ведь не играл в частного детектива, правда? Все эти твои улики — не плод небольшого увлечения криминалистикой, верно?

— Винсент, клянусь всем, что для меня свято, — например, моим «ягуаром».

— И это ведь не от твоего друга Марлоу, верно? Как-то это до сих пор не пришло в голову.

— Налти, Налти, — выругался Мортон. — Вы же знаете, я пойму, если Вам придётся его упомянуть. Но лучше не надо подсказывать Скипперу блестящую идею о том, чтобы за подтверждением позвонить на Семьдесят седьмую улицу.

— Хорошо, Чарли, я предоставляю тебе вотум доверия. Поднимусь наверх, чтобы поговорить со стариком, и мне, вероятно, придется оставить там одну из моих почек, чтобы продолжить это завтра. На первой странице, если получится.

— В знак признательности рассчитывайте на обе мои почки, — сказал Мортон.

Он извинился и попрощался. В редакции ему больше нечего было делать. Он целиком выполнил свою работу за день. Теперь он должен узнать, что за это время удалось раскопать Марлоу. Он вспомнил полбутылки коньяка и успокаивающее женское общество, которое дожидалось его в тёплой квартире на Дрекселл-авеню, в голливудском районе для среднего класса, населенном старлетками, ещё не достигшими своего расцвета. Неважно, сказал он себе. Очень скоро она отправится в престижный, бесполезный, роскошный, искусственный и бесполой мир. И никогда больше она не будет существом из плоти и крови. Просто записанный голос, лицо на экране.

Слова на самом деле ему не принадлежали; он их когда-то и где-то вычитал, но их всегда можно было подогнать под подходящий случай.

► **10:12 вечера. Кафе «Никобоб».**

— Видите? Вы же говорили, что мы ещё встретимся, — сказала Велма Валенто.

— Но я не думал, что это произойдёт так скоро, — ответил я.

Я собрался присесть, но она быстрым жестом остановила меня.

— Давай уйдём отсюда, — предложила она. — Мне надо кое о чём поговорить с Вами, но здесь я чувствую себя как на ладони.

Я взглянул на её счёт и оставил два доллара, не рассчитывая на сдачу. Мы прошли мимо гардероба, и гигантский сенешаль шагнул вперёд, чтобы толкнуть перед нами вращающуюся дверь. Порыв холодного ночного ветра закружил вокруг нас.

— Вы на машине? — спросил я.

— Нет. Оставила её в Голливуде. Ненавижу ездить под дождём.

— Прекрасно. Моя здесь неподалёку.

Я взял её под руку, и мы пересекли улицу, направляясь к противоположному углу Западной авеню. Этот краткий физический контакт создал новый уровень близости между нами. Я открыл дверцу кабриолета; Велма скользнула на сиденье и её пальто из антилопы туго натянулось у неё на плечах. Я обошёл машину с другой стороны и сел за руль. Достал сигарету, но ей не предложил. Она была не из тех, кто курит «кэмел».

— Куда поедем? — спросил я тоном, который намекал больше, чем мне хотелось.

— Лучшее место, которое я могу придумать, — это мой дом, — ответила она. — В Ла-Хойе. Вы смогли бы забраться так далеко?

Я ответил, что, в отличие от неё, мне нравится ездить под дождём. Я выехал на Прибрежное шоссе и, не осознавая этого, ехал помедленнее. Мы скользили сквозь безмолвную, пустую ночь; дорога была почти пустынна. Поездка заняла пятьдесят минут. Мы почти не разговаривали, и у меня сложилось впечатление, что Велма прилагает усилия, чтобы подавить в себе желание обсудить со мной то, что она хотела. Я не хотел торопить события. Я только упомянул о похоронах и о том опустошающем чувстве, которое всегда вызывает у людей эта прощальная церемония; я подозревал, что её усталость и последовавшее заявление об уходе были вызваны смертью Андресса и его похоронами на печальном и разъедающем фоне, созданном для событий этого дня отвратительной погодой. Когда я свернул с шоссе, Велма вяло указала на небольшой подъём справа от меня и пробормотала: «Туда.» Я повернул и оказался на подъездной дорожке между двумя скальными выступами. Номер 6005 выделялся темным рельефом на фоне освещенной таблички, висевшей низко над травой. Вокруг дома был дворик, выложенный каменными плитами; сквозь мглу фары высветили сад камней, взбирающийся на холм позади дома. Мы вошли в большую просторную гостиную размером примерно

восемнадцать на тридцать шесть футов⁴⁵. Она выходила на океан, и вдали виднелись огни мыса Лома. Здесь располагались рояль, камин, удобные кресла и солидный буфет красного дерева; тут и там лампы, расположенные в соответствии с определённой стратегией, создавали плотные зоны света в манящей полутьме. Я высказался в том плане, что это место, где вам хочется жить, а потом Велма показала мне остальную часть дома. Коридор с окнами, выходящими во внутренний дворик, вёл в столовую, кухню, техническую зону, главную спальню, комнату для гостей и кабинет, в котором было еще больше книг, кресло и «чиппендейловский» стол. Из окна кабинета открывался ещё один вид на мыс Лома — рассыпанные по гребням волн алмазы. Мы вернулись в гостиную, и Велма предложила мне устроиться поудобнее, по моему желанию, смешать себе что-нибудь выпить и набраться терпения, чтобы дать ей еще двадцать минут, чтобы принять ванну, переодеться и приподнять себе настроение.

— Я ушла в девять утра и с тех пор только и делаю, что принимаю удары, — сказала она, пытаюсь добавить немного юмора в свою метафору. — Я чувствую себя боксёром, бой которого вот-вот прекратят секунданты. Но ванна и выпивка меня взбодрят. Если захотите, мы что-нибудь съедим.

Я сказал ей, что не могу отказаться от подобного предложения. Она приоткрыла дверь, отделявшую гостиную от коридора, поэтому я прошел в кабинет и некоторое время рассматривал её книги. Преобладали книги по искусству и эклектичная коллекция североамериканской и европейской литературы. Я обнаружил «Ночь нежна»⁴⁶ Скотта Фицджеральда и нашёл отрывок, который когда-то что-то значил для меня: «Николь покачала головой в знак того, что она тут ни при чем.

— Так много незаурядных людей в наше время теряют себя.

— Почему только в наше время? — вмешался Дик. — Человеку незаурядному всегда приходится балансировать на грани — и далеко не все способны выдержать напряжение.»⁴⁷

Казалось, это переключается с речами Чандлера, звучавшими несколько часов назад. Я продолжал держать книгу и начал просматривать коллекцию пластинок. Поставил пластинку с песней «У меня никого нет», мелодией Уильямса, которая соответствовала всему этому — Каунт Бейси на фортепиано, Уолтер Пейдж на басу и Джо Джонс на барабанах. Следующим номером Бейси сыграл свою «Не будь таким», где добавились Лестер Янг на тенор-саксофоне и Бак Клейтон на трубе, сочетание, способное выдать столько же тепла, как и двойной мартини, который я себе сделал, чтобы скоротать время до возвращения Велмы.

Мы съели холодный ужин, который она сама доставила на маленьком круглом столике с колёсиками. Она переделалась в бирюзовый халат, который оттенял миндальные блики в её волосах. Вино было превосходным, «Шато Тальбот» выходило далеко за рамки моих энологических⁴⁸ познаний; я был готов к любой форме обольщения. Я всё ещё понятия не имел, о чем Велма Валенто хотела со мной поговорить. Но тихий внутренний голос сообщил мне, что между нашей первой встречей этим утром и её неожиданным появлением в кафе Стивена, произошло что-то, имеющее отношение к убийству Андресса. Так что меня явно пригласили не для того, чтобы заполнить предполагаемую душевную пустоту.

— После того, как Вы ушли, — начала Велма, пока я подносил пламя спички к одной из её сигарет с ментолом, — я начала просматривать бумаги Йенса. Поверьте мне, когда я

⁴⁵ Приблизительно 58 м².

⁴⁶ «Ночь нежна» — четвёртый и последний завершённый роман американского писателя Фрэнсиса Скотта Фицджеральда. Опубликован в 1934 году. Действие происходит в Европе 1920-х годов.

⁴⁷ Перевод Е.Д.Калашниковой.

⁴⁸ Энология (от др.-греч. οἶνος — «вино») — наука о вине.

говорю Вам, что не ожидала никаких открытий. Йенсид действовал в очень широких рамках; это давало ему определенную гибкость и свободу действий для энергичного и агрессивного продвижения на очень жёстком рынке, где результаты больше всего зависят от предприимчивости и инициативы. Ему нужна была определенная эластичность, необходимая для совершения сделок, которые часто заключаются во время обычного обеда, а через час иногда отменяются по телефону. Может быть, для вас это звучит немного подозрительно. Я пытаюсь донести до вас, что, хотя мы с Йенсидом и были деловыми партнерами, он был именно тем, кто вёл дела, и я не всегда была полностью в курсе контрактов, которыми он занимался. Часто бывают короткие периоды — когда отношения между писателем и агентством все еще находятся на начальной стадии — когда всё не решается обычным образом. Поэтому у нас есть решения для переходного периода, временные соглашения для отдельных сценариев, которые не обязательно отражаются в наших записях. Я более или менее ясно выражаюсь?

Я кивнул, и Велма продолжила.

— Ну, тогда, хотя эти договоренности часто были довольно случайными, Йенсид был очень дотошным бизнесменом, и, как я уже сказала, я не ожидала найти ничего необычного. Я дала Вам список голливудских писателей, с которыми мы работали на более или менее постоянной основе; все они работают по контракту с агентством, и мы предполагаем, что являемся их единственными представителями. Я уверена, что сегодня вечером в кафе «Никобоб» вы встретили немало таких писателей.

— Список не совсем соответствует действительности. Чандлер, например, значился в списке, но я поговорил с ним, и он сказал мне, что агентство его больше не представляет.

— Это лишь частично соответствует истине, — ответила она. — Как известно, Чандлер — очень непредсказуемый и темпераментный человек; иногда он обращался к нам, а иногда нет. В основном это зависело от его настроения и того, насколько ему удавалось подавить своё чувство обиды. Поскольку у него громкое имя, Йенсид решил уделить ему особое внимание. Он никогда официально не порывал с нами, и агентство никогда не утверждало, что является его единственным представителем. Но его имя значится в нашем списке.

— Понятно, — сказал я.

— Настоящим сюрпризом дня было для меня то, что я обнаружила у Йенсида параллельную ведомость. И я не имею в виду контракты на один сценарий или временные соглашения, которые не надо было регистрировать в наших книгах до тех пор, пока не были официально оформлены постоянные соглашения. Нет, это был вторичный реестр, где, согласно всему, что я увидела, существовали постоянные отношения с клиентом, и каждая завершённая транзакция была должным образом отмечена. В общем, это были крупные сделки — Йенсид брал некоторые из самых впечатляющих сумм, которые это агентство когда-либо получало за работу этих писателей.

— И агентство не получило от этого никакой выгоды?

— Я этого не сказала. Отчётность — это одно, а указание источников дохода, — совсем другое. Полагаю, что агентство получало и использовало эти деньги. Моё внимание привлек тот факт, что Йенсид решил вести параллельную ведомость, о которой я никогда не слышала, когда он вёл бизнес с такими значительными суммами денег и такими крупными сделками.

У меня были свои сомнения по поводу бухгалтерской стороны утверждения Велмы, но я не видел смысла спорить об этом.

— Кто был в ведомости? — спросил я. — Это могло бы многое прояснить.

— Я к этому и веду, — сказала Велма. — Она зашифрована. По-видимому, Йенсид назвал ведомость X: авторы обозначаются как X-1, X-2 и так далее. Я обнаружила два строчных инициала у двух авторов после их, указанных в этой ведомости.

— Сколько всего авторов в ведомости?

— Семь. Это довольно много.

— А общая сумма операций?

— Почти миллион долларов.

— У вас есть даты подписания контрактов?

— Тут всё в порядке. Йенсид не пытался скрыть ничего, кроме имён и самой ведомости. Но если бы он захотел обмануть агентство, как Вы, очевидно, думаете, не было необходимости продолжать вести этот список. Это с одной стороны. И ещё менее вероятно, чтобы он хранил его в офисе, где я в любой момент могла обнаружить.

— Может, это как-то связано с налогами?

— Я рассматривала такую возможность. Но если с этим согласиться, пришлось бы также признать, что наши комиссионные от этих контрактов не выплачивались агентству обычным образом.

— И это, по-видимому, то, что Вам было бы больше всего признать.

— У меня нет доказательств, что это имело место. Как я уже сказала, список наших клиентов-это одно, а управление финансами — совсем другое. Йенсид мог оприходовать средства по обычным каналам. Например, предположим, что этот список просто дублирует некоторые имена, которые имеются в официальном реестре. Йенсид мог включать соответствующие суммы в общий объём гонораров этого конкретного писателя, занесённых в наши записи.

— И какую это могло преследовать цель?

— Вот этого я и не понимаю.

— Если только этого не хотел писатель. Могло ли всё-таки происходить что-то незаконное?

— Не знаю. Йенсид очень заботился о своей репутации, чтобы ввязаться в нечто подобное.

Я взволнованно встал и подошёл к окну, выходящему на океан. Ожерелье из света, которым был мыс Лом, рисовало нелепый пунктирный след в глубине ночи.

— Что-то мне подсказывает, что Вы не захватили с собой этот секретный список.

— Я подумал, что благоразумнее будет оставить его в офисе.

— Могу я взглянуть на него, например, завтра?

— Я не стала рассказывать Вам обо всём этом, если бы не думала, что Вам будет интересно на него взглянуть. Но, честно говоря, не думаю, что удастся обнаружить нечто, чего не нашла я.

— Может, и так. Тем не менее, Вы считаете, что связь между этим реестром и убийством Андресса есть связь.

— И этого я тоже не знаю. На данный момент я просто удивлена совпадением этих двух событий. Йенсид умирает, — а по Вашим словам, его убили, — и в это же самое время, после двух лет совместной работы, я натываюсь на свидетельство того, что в агентстве за моей спиной что-то происходит.

— Вы бы не стали рыться в бумагах Андресса, если бы он не умер. Тем не менее, связь кажется мне очевидной. Есть кое-что, что Вы пропустили: инициалы, которые есть у двух авторов из секретного реестра. Вы не смогли понять, что они означают? Совпадают ли они с чьими-либо инициалами у кого-либо из официального списка?

— Я думала над этим. Нет, не совпадают. Это могло бы быть ссылкой на имя автора, но тогда какой смысл кодировать их? Йенсид не был идиотом; если бы он решил оставить имена зашифрованными, то не был бы настолько наивен, чтобы ставить инициалы после них.

— Разумно. — Я закурил новую сигарету. — Вы сказали мне, что в ведомости были указаны даты контрактов. Сможете ли их вспомнить? Хотя бы год, если вспомните.

— Они были совсем недавними. Прошлый год и этот. Возможно, это было как-то связано с новой системой управления активами, политикой расширения деятельности агентства, чем-то, что он решил опробовать, но пока решил мне не рассказывать.

— Если даты контрактов указаны верно, можно попытаться, используя их, выяснить какие контракты были заключены в указанные даты.

— Это невозможно. Агентство ведет дела почти со всеми студиями в городе. Мы заключаем контракты с киностудиями, радиостанциями, телевидением. Нам пришлось бы откопать каждое мало-мальски значимое соглашение. На это уйдут месяцы, при условии, что никто не будет мешать мне получить доступ ко всем материалам Йенсида.

— Предположим, Велма, — сказал я, — что «X» на самом деле не является буквой, идентифицирующей секретный реестр. Предположим, что «X» на самом деле означает римскую «десять». Это могло бы что-нибудь означать для Вас?

— А и так? Куда это может нас привести?

— Возможно, что «X» означает «десятку», десять писателей, занесённых в Голливуде в чёрный список, а X-1, X-2, X-7, обозначают членов группы. Это прекрасно объяснило бы, почему Андресс хотел сохранить список в тайне. Это слишком компрометирующий документ, чтобы хранить его в официальных архивах агентства.

— Вы предполагаете, что Йенсид работал с кем-то из «десятки»?

— Я выдвинул предположение, но именно Вы тот человек, который должен дать ответ на это предположение. Вы действительно знали Андресса. Вы единственная, кто может знать, был ли Андресс человеком, готовым рискнуть по причинам не столько экономическим, но также по принципиальным соображениям — считал ли он тех писателей невиновными и мог ли он им помочь из симпатии, солидарности или ещё какой-то причине, которую сможете назвать.

Велма потребовалось больше времени, чтобы всё обдумать, чем я ожидал.

— Некоторые авторы из «десятки» были одними из лучших сценаристов в Голливуде. Если бы и не было другой причины, Йенсид, возможно, мог бы и рискнуть.

— Независимо от политических взглядов?

— Вы ведь параллельно не работаете на «охотников на ведьм», мистер Марлоу?

— Мы договорились, что, когда снова встретимся, меня будут звать Филипп, — сказал я.

— А меня — В. В., но я благодарна, что Вы меня так не называете. У нас есть в кино уже есть Б.Б., и этого вполне достаточно.

— Велма звучит очень мило, — согласился я. — Мне нравится, как это звучит. Это одно из тех имен, которые произносятся более или менее одинаково во всем мире, не так ли? Это может быть греческий, итальянский, испанский или французский, а всё равно всегда будет звучать как Велма, с очень небольшими вариациями.

— Мой отец был итальянцем, — сказала она. — И большая часть родни проживает в Италии. Он хотел сделать именно так, как Вы сказали, — дать своим детям такие имена, которые не изменялись, когда их произносят, при возвращении в семейном кругу. Возможно, что его тайным желанием было вернуться в Италию. Ему самому, моей матери, детям. Он

говорил, что эта страна — хорошее место, чтобы делать деньги, и он заработал довольно много. Но это было не то место, где он предпочел бы жить или умереть.

— А что случилось с Вашей матерью, братьями и сестрами?

Вельма несколько секунд изучала мое лицо. Затем она осторожно потушила недокуренную сигарету.

— На сегодня достаточно откровений, мистер Марлоу. А теперь мне хотелось бы, чтобы Вы мне кое-что рассказали. Полагаю, что Вы в долгу передо мной после вотума доверия, который я оказала Вам сегодня вечером. — Она взглянула на меня из-под длинных тёмных ресниц. Я всё ещё не мог точно определить цвет её глаз. Они поблескивали в изученном мною полумраке гостиной; а утром они горели как кристаллы серого базальта, проникая глубоко вовнутрь меня, даже когда были прикрыты, защищая её. Это были миндалевидные глаза, сияющие иронией и самодостаточностью, которые могли бы застать вас врасплох в портретной галерее Модильяни или Боннара.

— Скажите мне, — продолжила она. — На кого Вы на самом деле работаете? Кто может быть настолько заинтересован в том, чтобы докопаться до сути тайны, связанной со смертью Йенсида, что заплатит Вам за это тысячу долларов?

Я решил, что настало время ответить на этот вопрос.

— На самом деле я не работаю ни на кого конкретного, — признался я. — У меня есть друг — репортёр. Он провел рутинную проверку смерти Андресса и наткнулся на информацию, которая привела нас к выводу, что было совершено преступление. Оказывается, что по какой-то причине, которую нам ещё предстоит выяснить, некоторым очень влиятельным людям любой ценой надо выдать происшедшее за самоубийство. Мы вместе работаем над этим делом. Если удастся выяснить, что произошло на самом деле, и кто стоит за смертью Андресса, газета моего друга, вероятно, купит эту информацию за ту цену, которую Вы упомянули. Но хотя я и не ожидаю, что Вы мне поверите, наблюдая как частный детектив проводит часть своей жизни, питаюсь падалью, уверяю Вас, мой интерес к этому делу не только финансовый.

— А в чём же он ещё? — Велма не сводила с меня глаз.

— Это как-то связано с тем, что я начинаю узнавать о характере Вашего бывшего коллеги, — сказал я. — Я начинаю испытывать к Андрессу некоторую симпатию. И в основном, из-за Вас. Вы можете интерпретировать это настолько в мою пользу, как Вам захочется.

— Я Вам верю, мистер Марлоу, — сказала Велма после некоторой паузы. — В моей работе мне приходится иметь дело с самыми разными людьми; я должна смотреть несколько глубже, чем только поверхностно. Если бы я Вам не поверила, я бы не отправилась искать Вас в кафе «Никобоб», будьте в этом уверены.

— Тогда давайте продолжим расследование вместе, — сказал я. — А теперь, я думаю, мне пора домой.

— Так уж случилось, что моя машина в Лос-Анджелесе, — ответила Велма, протягивая руку к пачке сигарет. — Если у Вас нет планов на остаток вечера, Вы окажете мне большую услугу, отвезя утром в город. — Она зажгла сигарету и снова подняла ко мне лицо. — Обещаю, что с этого момента буду называть тебя Филипом.

Среда, 25-ое

► **10:07 утра Голливуд.** Марлоу остановился на Вайн-стрит перед входом в здание «Авенант». В дверях Велма Валенто обернулась и улыбнулась. К ней вернулась холодная внешность голливудского деятеля. Марлоу на мгновение вспомнил взъерошенную гриву волос на её обнаженной спине — от этого воспоминания его губы приоткрылись в безмолвном вздохе. Алая машина свернула на бульвар Сансет и понеслась по Лос-Анджелесу. В самом городе дождя не было, но туманные водяные глыбы издали несли в себе предупреждение. Небо представляло собой бурную, угрожающую тёмную массу, а горы на востоке казались размытыми, как будто их смягчила палитра Тёрнера позднего периода или то самое тёмное небо, в котором когда-то растворялись соборы Моне.

Он продолжил движение по Шетланд-лейн и припарковал машину через дорогу от «Бристоль Апартаментс». Высоко кверху вздымались белые стены его скромного пентхауса. Было почти одиннадцать утра; почтальон уже положил газету в ящик рядом с дверью, и край сложенного номера «Лос-Анджелес таймс» демонстративно торчал из его отверстия. Он развернул большие страницы и с удивлением на первой полосе заголовков:

ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ЛИ СМЕРТЬ АГЕНТА ЙЕНСИДА АНДРЕССА БЫЛА САМОУБИЙСТВОМ?

За этим последовала статья, которую накануне вечером в профессиональной спешке писал Чарльз Мортон. Марлоу начал читать, пока лифт поднимался к его логову, задавая себе вопрос, какой неожиданный поворот событий произошёл в окружении Мортон, и почему правление «Таймс» так покорно отбросило свои оговорки по этому сложному делу, раскрытие которого уже угрожало вызвать мрачную и, по-видимому, насильственную реакцию и даже заставить Голливуд содрогнуться до самого основания. Он поднялся на два лестничных пролета в свой пентхаус и заметил, что бассейн на террасе на крыше по соседству превращается в небольшое озеро. Хотя он съел приличный завтрак в Ла-Хойе, еще одна чашка кофе была бы неплохой идеей. Он прошёл на кухню, зажёл газовую конфорку и поставил на огонь сферу из боросиликатного стекла. Закончив читать статью, он взял с собой в гостиную чашку кофе, закурил «кэмел» и решил, что пришло время немного поразмыслить.

Во-первых, необходимо создать своё собственное представление о Йенсиде Андрессе, собирая его воедино из тех разрозненных мнений, которые удалось собрать за последние несколько часов: человек тысячи улыбок, как его часто называла голливудская пресса; ловкий игрок, у которого всегда имелся туз в рукаве; специалист по связям с общественностью; успешный человек, самый искусный из акробатов,двигающихся по туго натянутому между огромными киностудиями и их часто ещё более сложными и упрямыми сотрудниками тонкому канату; ловкач, который мог одной рукой обнимать самого вождя писателей, а другой чокаться бокалом с шампанским с одним из недостижимых и внушающих страх иерархов «фабрики грёз». Это был самый распространенный и стереотипный образ, который оставил после себя Йенсид Андресс, и тот, который пришёл в голову самому Марлоу, когда он прочёл новость о его смерти. Теперь же он добавил к картине новые элементы: Андресс был одним из основателей и в определенном смысле *alma mater*⁴⁹ Ассоциации литературных агентов. Сочеталось ли это с остальным или это была фальшивая нота? Трудно сказать. И к этому следовало добавить, что этот педантичный компаньон Велмы был боссом, уважаемым до слёз его собственным персоналом. И потом, Андресс был также агентом, имеющим политические взгляды, способные вызвать посмертную дань уважения от Чандлера, писателя с очень радикальным взглядом на профессию покойного. Наконец, если последние предположения верны, то он также был достаточно смелым человеком, рискнувшим

⁴⁹ Буквально по-русски «кормящая мать» или «мать-кормилица» (*лат. alma mater*).

бросить вызов всемогущему Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности, а, возможно, и самому ФБР, и уж, без сомнения, постоянному, внутреннему ужасу, овладевшему великими голливудскими импресарио — и другим представителям отрасли, включая гнвного Джона Уэйна. Если всё это действительно происходило именно так, можно ли было считать, что мотивом Андресса действительно были только деньги — возможность продажи трудов сценаристов, занесенных в чёрный список, которые чувствовали себя обязанными выплачивать огромные проценты от своих доходов единственному агенту, готовому организовать подобную сделку? Это было вполне возможно. Но зачем Андрессу браться за дело, из-за которого, в конечном итоге, он может потерять гораздо больше, чем получить от своих и без того значительных активов? Головоломка собиралась понемножку, фрагмент за фрагментом, складываясь из лицевой стороны безупречного образа Йенсида Андресса, созданного газетами и телевидением. Надо было перевернуть полученную картину и взглянуть на неё с другой стороны. И это не просто изменило силуэт, заботливо вырезанный самим Андрессом; это тотчас поменяло возможный мотив преступления, и расследование требовалось направить совсем в другое русло.

Самое время позвонить Мортону. Он оставил дымящуюся чашку кофе на столе и набрал личный номер репортёра.

— Мортон слушает, — ответил голос между сонными зевками.

— Это Марлоу. Прости, что вырвал тебя из объятий одной из весталок Морфея.

— Филипп? Я как раз собирался тебе позвонить.

— Я только что прочитал твою статью в «Таймс». Не хочешь рассказать мне, что случилось? Тебе удалось убедить своих боссов?

— Всю работу проделал Винсент Старрет, — сказал Мортон. — Я только что поручился за надёжность своих источников.

— Каких источников?

— Налти.

— Опять Налти? — Марлоу задумался. — Странно, не правда ли? Откуда эта внезапная тяга к рекламе? Что он задумал?

— Вероятно, добивается повышения.

— Возможно, — согласился Марлоу. — Он ведёт опасную игру. Сомневаюсь, что Тэд Браун, начальник отдела убийств, обрадуется этому.

— А это ведь его территория, так?

— Нет, пока не будет окончательно доказано, что было совершено преступление.

— Думаю, что теперь что-нибудь должно произойти; колонка требует ответов. Или официального отрицания возникших подозрений — иначе весь мир истолкует это как молчаливое признание их обоснованности.

— Давай подождём и посмотрим.

— Слушай, — сказал Мортон. — Одна реакция уже была. Мне позвонила Джесси Флориан, бывшая жена Андресса. Она сказала, что ей надо поговорить со мной. Я подумал, что было бы неплохо, если бы ты присутствовал.

— Хорошо. Она дала тебе хоть какое-нибудь представление чём пойдёт речь?

— Мне было просто интересно, что она скажет. Она прочитала колонку, позвонила в газету, и ей дали мой номер. Похоже, она убеждена, что её бывшего мужа действительно убили. Может быть, теперь у тебя есть клиент. Предложение газеты, конечно, остаётся в силе.

-
- В таком случае у нас будет более чем достаточно клиентов.
- У тебя есть новости?
- Вчера мне предложили тысячу долларов, чтобы я отказался от этого дела.
- Шутишь. Ты ведь не пытаешься меня шантажировать, правда?
- Я отказался.
- Странное предложение, тебе не кажется? Может быть, это зацепка?
- Нет, просто недоразумение. Когда и где мы встретимся с мисс Флориан?
- В двенадцать тридцать, отель «Рузвельт». Она будет ждать в баре.
- Идеально. Доберёшься туда первым, возьмёшь вступительное слово и объяснишь мою часть дела. Я появлюсь минут через пятнадцать. Хорошо?
- Если тебе кажется это необходимым.
- Так ей будет спокойней. Если по какой-то причине она не захочет привлечь детектива, дашь мне знать, и я исчезну.
- Понял. Тогда увидимся в «Рузвельте».

► **12:45 дня Отель «Рузвельт».** Марлоу прошёл по устланному ковром вестибюлю отеля к бару. «Рузвельт» был построен должно быть лет двадцать назад, но ему удалось сохранить свою изначальную роскошную элегантность. Это было одно из приличных мест в Лос-Анджелесе, и даже его выбор что-то говорил о вкусах и, возможно, личности бывшей жены Андресса. До сих пор единственными источниками информации о ней у Марлоу были только несколько горьких фраз, слетевших с губ Велмы. Но он старался не забывать, что момент, который она выбрала, чтобы им поделиться, был для неё особенно мучительным. Он заметил, как Мортон болтает с женщиной за удобно расположенным угловым столиком. Мортон сделал лёгкий приглашающий жест, и Марлоу направился к ним.

— Это Филип Марлоу, человек, о котором я Вам рассказывал, — сказал Мортон.

Джесси Флориан подняла лицо к Марлоу, и её губы приоткрылись в зевке улыбки. Это была всё ещё привлекательная женщина лет сорока. Бесчувственные, красивые черты лица, наполненные грехом. Марлоу придвинул стул и сел.

— Мистер Мортон сказал мне, что Вы частный детектив, — сказала Джесси Флориан.

— Мистер Мортон неосторожен, — заметил Марлоу.

— Он также объяснил мне, что Вы уже работаете над этим делом. Я и не знала, что интересно расследование убийства моего бывшего мужа, — продолжила женщина. — Что ж, тогда я хочу сказать Вам, что и я тоже в этом заинтересована. Мне понадобятся Ваши услуги, и я готова щедро их оплатить.

К столику подошёл официант и спросил Марлоу, что он желает выпить. Перед Джесси Флориан стоял огромный бокал со смесью гранатового цвета, а Мортон пил свой любимый виски «Глен Грант 1953». Марлоу заказал виски. Женщина закурила «винстон».

— Очевидно, Вы полностью убеждены в том, что Андресс был убит, мисс Флориан, — сказал Марлоу. — На самом деле усилия Чарльза и мои собственные основаны на определенных уликах, которые ещё предстоит подтвердить. Еще точно установить, было ли совершено убийство или нет.

— Ну, на данном этапе расследования... — попытался уточнить Мортон.

— У меня нет ни малейшего сомнения, что это было убийство, — перебила Джесси Флориан. — Как только я услышала обо всём этом, я отбросила возможность самоубийства. Я приехала сюда из Нью-Йорка не только для того, чтобы присутствовать на

похоронах. Выслушайте меня внимательно, мистер Марлоу. Мы с Йенсидом были разведены почти три года, но это не значит, что между нами не осталось привязанности друг к другу. Да, — добавила она, — в каком-то смысле я всё ещё любила Йенсида, возможно, несколько по-матерински. Я знала, что он станет жертвой. Мой бывший муж был не из тех, кто избегает сложных ситуаций. Он мог избежать проблем, но у него также хватило бы силы воли противостоять им лицом к лицу.

— Чьей жертвой мог стать Ваш муж? — спросил Марлоу.

— Я знаю, что то, что я собираюсь сказать очень серьёзно, но мне всё равно, — ответила Джесси Флориан. — Я пришла сюда, готовая сделать всё, что в моих силах, чтобы человек, ответственный за смерть Йенсида, предстал перед правосудием.

— Вы хотите сказать, что конкретно кого-то подозреваете? — спросил Мортон.

— Конкретно, да. Единственного человека, которому выгодна смерть Йенсида. Вы понимаете, о ком я.

— Насколько нам известно, Ваш бывший муж пользовался большим уважением во всём Голливуде, — рискнул вставить Мортон. — Кому может быть выгодна его смерть? Это самый большой вопрос в этом деле.

— Тогда вы, вероятно, не слишком далеко продвинулись в расследовании, — резко сказала мисс Флориан. — Есть один человек, для которого его смерть очень выгодна. И даже очень своевременна. Я имею в виду его секретаря и мнимого партнёра. Устранение Йенсида полностью развязывает её руки в агентстве.

— Велма Валенто? — спросил Марлоу, приподняв брови.

— Велма Валенто или миссис Грейл. Насколько мне известно, она рассталась с мужем чуть более года назад — это произошло вскоре после того, как у них с Йенсидом началась интрижка, — но официально они не развелись. Может из-за него, а может, это она не подала необходимые бумаги. Не хотела этим заниматься, пока не будет уверена, что сможет заманить в ловушку моего мужа.

— А почему Вы уверены, что смерть Андресса выгодна Велме Валенто? — спросил Марлоу.

— Потому что партнёрство Йенсида с миссис Грейл было не чем иным, как выдумкой. На самом деле вклад миссис Грейл в агентство не выходил за рамки её там присутствия. Она довольно соблазнительна — готова это признать. В какой-то момент мой бывший муж, возможно, решил, что для бизнеса будет полезным выдать её за его делового партнёра и совладельца агентства. Наверное, у него были на то причины. Но эта история не могла продолжаться вечно. Йенсид знал, что на карту поставлено будущее его сына. У меня есть основания полагать, что партнерство должно было быть вот-вот расторгнуто, и что мисс Валенто или миссис Грейл, как вам больше нравится, была близка к тому, чтобы официально вернуться на скромную должность секретаря.

— Но партнёрство на самом деле так и не было расторгнуто? — спросил Марлоу.

— Как я уже сказала, смерть Йенсида случилось очень своевременно для миссис Грейл и её интересов. Ещё несколько дней, и, возможно, было бы слишком поздно.

Официант поставил виски перед Марлоу, который сразу же отметил великолепный дымный запах любимой марки Мортон. Джесси Флориан сняла с бокала ломтик апельсина и сделала глоток коктейля. Он напомнил Марлоу об ураганах и влажных, удушливых ночах в Новом Орлеане. Миссис Грейл. Что ещё эта женщина могла сказать о Велме, после выпитой половины содержимого бокала?

— Если предположить, что Велма Валенто состояла в партнёрстве с Вашим бывшим мужем, — подытожил Марлоу после того, как проглотил глоток «Глена Гранта», — мисс Валенто не получит ничего сверх того, что у неё было, пока она была партнёром Вашего

бывшего мужа. Ваш сын наследует долю Андресса. Это всего лишь простая смена партнеров.

— Перемены произошли в самый подходящий момент, — настаивала мисс Флориан.

— У вас есть какие-либо доказательства того, что Андресс действительно рассматривал вопрос расторжения партнерства и данные о том, каков был финансовый вклад Велмы Валенто в компанию?

— Нет, у меня нет ничего, что суд и, возможно, даже хороший адвокат посчитали бы доказательствами, — ответила Джесси Флориан. — Если они у меня были, мне, вероятно, не понадобился бы частный детектив, чтобы доказать, что у кого-то были очень веские причины желать смерти моему бывшему мужу. Доказательства — это именно то, что мне хотелось бы, чтобы Вы нашли, мистер Марлоу.

Марлоу на мгновение задумался. Мортон, казалось, был сбит с толку тем, какой оборот приняло всё это дело. Ничто из этого не объясняло давления, которое ему пришлось оказать на газету, или осторожности, с которой действовала полиция.

— Мы почти ничего не знаем ни о миссис Грейл, ни о мисс Валенто, — осмелился объяснить он. — Если нет никаких конкретных доказательств, выдвигать против неё столь серьезные обвинения было бы рискованно.

— Какие договоренности были у вас с Вашим покойным мужем после развода? — спросил Марлоу. — Судя по тому, что Вы рассказывали, у вас сохранились хорошие отношения.

— Лучше, чем многие думают. Каждый месяц Йенсид присылал щедрый чек в качестве алиментов. И второй чек на образование Терри.

— На столько же щедрый?

— Очень. Йенсид возлагал на сына большие надежды. Он хотел, чтобы у него было всё. Он знал, что без денег, которые он мне прислал, я не смогла бы дать Терри шанс, которого он заслуживал.

— Сколько лет Вашему сыну, мисс Флориан?

— Ему только что исполнилось двадцать два.

— И Андресс был обязан по закону оплачивать его образование?

— Да, пока ему не исполнится двадцать один год. Это было соглашение, устроенное нашим адвокатом. Йенсид, однако, продолжал в том же духе. Как я уже сказала, он всегда был очень щедр. Особенно в том, что касалось Терри.

— Даже когда ваш сын бросил учебу и уехал в Европу? Насколько мне известно, его местонахождение до сих пор неизвестно.

— Да, мы до сих пор не получили от него никаких известий. Йенсид был весьма недоволен поездкой Терри. И я тоже, если уж быть до конца откровенной. Вероятно, было ошибкой прервать учёбу и так внезапно сорваться с места. Но у Терри есть творческие наклонности; и он хотел расширить свой кругозор. Он не рассматривал поездку в Европу как отсрочку — скорее, как необходимое дополнение.

— И Ваш муж согласился?

— Не могу сказать, чтобы он полностью разделял эту точку зрения.

— А Вы сами?

— Ещё меньше. В глубине души я не верила в причины такого долгого путешествия Терри. Думаю, они на самом деле были другими.

— И Андресс продолжал посылать Вам деньги на обучение Терри даже после того, как он уехал?

- Терри рассчитывал на них, чтобы совершить поездку.
- Полагаю, деньги для Терри переводились непосредственно Вам?
- Конечно. Я была единственным человеком, кто поддерживал с ним связь.
- Как давно он уехал?
- Через несколько дней будет шесть месяцев.
- И с тех пор Вы ничего о нём не слышали?
- Терри поддерживал со мной связь, пока несколько месяцев назад я не получила открытку из Венеции с описанием его маршрута. Я написала ему и перевела деньги через «Америкэн экспресс» в Венецию. После Венеции следующим крупным городом в его маршруте были Афины, а затем Стамбул. Но поскольку я больше не получила от него никаких известий, я не отправляла деньги туда, куда он обирался. Боюсь, что по дороге на Восток с ним могло что-нибудь произойти. Перемены в Терри, которые заметила во время его пребывания в Европе, меня огорчили. Остановливаясь в убогих гостиницах или каких попало пансионах для молодых людей, он общался с самыми неподходящими людьми. Я бы не удивилась, если его заинтересовали наркотики, и кто знает, что ещё. Он был очень увлечен Востоком, буддизмом, мистическими практиками. Перемена в нём была очень болезненной для меня, но думаю, что Йенсид был расстроен ещё больше.
- Вы упомянули, что для этой поездки у Терри могли быть и другие причины, помимо вызванных творческими склонностями, — отметил Марлоу. — Не могли бы Вы рассказать, какие, мисс Флориан?
- Я как раз к этому подхожу, — сказала бывшая жена агента. Её рука нерешительно потянулась к небольшой пачке «винстон». Мортон быстро протянул ей зажигалку. — Прежде чем принять это решение, Терри провел некоторое время здесь, со своим отцом. До тех пор он никогда не упоминал об идее отправиться в такое долгое путешествие. Его, конечно, привлекала идея познакомиться с Европой, но это не было какой-то его определённой целью, тем более такой срочной. Но когда он был в Калифорнии, он встретил эту женщину, Велму Валенто, или, точнее, миссис Грейл. И что ж, скромная миссис Грэйл соблазнила мальчика. На самом деле он потерял голову — от женщины на пятнадцать лет старше его. Я уверена, что вы, джентльмены, понимаете, почему мы оба, Йенсид и я, были категорически против любых отношений между ними.
- Вы хотите сказать, что Велма Валенто разделяла чувства Вашего сына?
- Думаю, она не разделяла их ни в малейшей степени. Она просто была достаточно искусна, чтобы поддерживать его интерес и изображать страсть столько, сколько считала это необходимым. Когда Терри стал проблемой, она сделала всё возможное, чтобы избавиться от него.
- Каким образом?
- Она заставила Йенсида подумать, что Терри будет жестоко разочарован. Именно тогда мой бывший муж предложил Терри вернуться в Нью-Йорк, и они поссорились. Это ускорило решение моего сына отправиться в эту нелепую поездку.
- Это Вам рассказал Ваш бывший муж?
- Терри. А ещё он рассказал мне, что на самом деле миссис Грейл хочет выйти замуж за Йенсида. Это ведь естественно, Вам не кажется? Хотеть закрепить партнёрство супружескими узами. Но, очевидно, Йенсид был слишком умен, чтобы позволить обмануть себя таким дешёвым трюком. Но до тех пор Велме Валенто удавалось его обманывать. Когда эта женщина поняла, что никогда не выйдет замуж за моего бывшего мужа, ей пришлось изменить свои планы. Поэтому она положила глаз на его наследника. Но сначала ей надо было избавиться от его отца. Теперь она, вероятно, думает, что ей не нужно ничего

предпринимать, кроме как ждать, когда Терри вернётся и также послушно, как и раньше, бросится в её объятия. Но этого не будет. Не сейчас, когда я здесь, чтобы всё это остановить.

Джесси Флориан позволила большому глотку гранатовой жидкости отправиться в её горло. Нервы её были на пределе. В глазах появились слезы унижения, ярости или бессилия. Мортон и Марлоу сохраняли благоразумное молчание.

— Вот видите, — пробормотала женщина, когда спокойствие частично к ней вернулось, — теперь у вас есть большая часть истории. Вы извините меня, если я сейчас вас покину. Мне не нужен ответ прямо сейчас, — сказала она, обращаясь к Марлоу. — Обдумайте всё. В любом случае, я решила довести это дело до конца. Я останусь здесь и буду ждать своего сына, и я сделаю все возможное, чтобы разоблачить убийцу моего бывшего мужа.

— Вы уверены, что ваш сын объявится в Калифорнии? — спросил Марлоу.

— Он сделает это, как только узнает, что случилось. В любом случае, я уже договорилась: наняла людей отыскать его в Европе, и разослала телеграммы во все отделения «Америкэн Экспресс», включая главные города на его предполагаемом маршруте на Восток. Я уверена, что скоро получу о нём известия. Он должен вернуться и взять в свои руки бразды правления, чтобы защитить свои интересы.

«И Ваши тоже, мисс Флориан», подумал Марлоу, хотя и не высказал этого вслух.

Бывшая жена Андресса протянула руку обоим мужчинам, повторила, что, если понадобится, то они смогут найти её в отеле и попросила Марлоу принять решение как можно скорее. Двое мужчин остались на ногах, пока женщина пересекала бар, направляясь в вестибюль отеля. Затем они снова сели.

— Ну, что думаешь? — спросил Мортон, закуривая новую сигарету.

— Эта женщина вне себя от ревности, — задумчиво ответил Марлоу. — Это понятно. В конце концов, её сын и бывший муж влюбились в одну и ту же женщину. Велма Валенто вот-вот получит половину того, что, по мнению Джесси Флориан, полностью принадлежит ей и её сыну. Кроме того, в интересах Джесси, если признают, что Андресс был убит. Если это не самоубийство, страховая компания должна будет выложить пятьдесят тысяч долларов.

— Андресс был влюблен в Велму? — спросил Мортон.

— По крайней мере, она так считала. А теперь больше всего на свете мне хотелось бы пройтись до страховой компании «Дорим». Кажется, у меня там есть знакомый. Хочу узнать побольше об этом страховом полисе и посмотреть, как ко всему этому относится компания. Возможно, они захотят обратиться в суд, если будет заявлено об убийстве. В любом случае, они сделают всё возможное, чтобы поддержать теорию о самоубийстве.

— Чего-то подобного я и опасался, — сказал Мортон. — Держу пари, после сегодняшней статьи я в «Дориме» в списке персон нон грата⁵⁰.

— Очень скоро здесь, в Голливуде, и ты, и я станем персонами нон грата для многих очень важных людей, — ответил Марлоу. — Позвоню тебе позже, чтобы ввести в курс дела.

— Не хочешь сначала что-нибудь поесть? — мрачно спросил Мортон.

⁵⁰ Персона нон грата (*лат.* *persona non grata* — «нежелательная персона», «нежелательное лицо») — дипломатический термин, означающий иностранное лицо, которому властями принимающего государства или союза государств отказано в одобрении (агремене), а также дипломатический представитель, которого правительство государства или союза государств пребывания объявило нежелательным.

► **7:23 вечера «Лос-Анджелес таймс».** Мортон потащился в редакцию «Таймс». Он чувствовал отчуждение и отвращение. В конце концов, жизнь репортёра — дерьмо. Конечно, его свободе можно было позавидовать; он проводил свое время так, как хотел, и ходил куда хотел, — конечно, при условии, что ежедневно он давал свои две колонки, эксплуатируя свой хорошо известный талант в мгновение ока превращать сенсационные истории в интересные статьи, без каких-либо приправ, кроме собственного воображения и случайной болтовни нагло несдержанных на язык, потенциально достойных внимания членов голливудского сообщества. В этом не было никаких сомнений: его профессия давала ему статус, много денег, престижную ауру и тайный доступ в определенные элитные круги. Тем не менее, он не мог перестать думать, что это грязная работа и источник опустошённости, выедающей его изнутри. Он хотел стать писателем, но не стал никем иным, как автоматом с парой дюжин запрограммированных рецептов, по которым выстукивала клавиатура его пишущей машинки и которые давным-давно заняли место всего того, что можно было бы назвать вдохновением. Может быть, когда-нибудь он займётся связями с общественностью, увидев, что уже слишком поздно ставить перед собой более высокие цели. Хотя, вспомнил он, Чандлер написал свой первый роман, когда ему было пятьдесят два. Сам же он был зрелым, но неустроенным тридцатисемилетним мужчиной. Может быть, ему стоит жениться; большая часть его экзистенциальных страданий проистекала из того, что он почувствовал тошноту в постели на Дрекселл-авеню в тот день, когда после в меру удовлетворившего его оргазма он потратил целых два часа, приходя в себя от одиночества, которое испытывали и он, и его случайная любовница, прежде чем вырваться из истерических объятий старлетки, которая уже никогда ничего не добьется. Если бы только у него была волшебная палочка... но её не было. Депрессия усилилась, когда он снова осознал, что отдел новостей самой престижной газеты Лос-Анджелеса был почти таким же отвратительным и неорганизованным, как и его собственная жизнь. К счастью, Старрет поднялся на ноги и начал подавать ему сигналы от двери своей стеклянной камеры, прежде чем Мортон успел столкнуться с непереносимой пустотой, своей пишущей машинкой.

— Входи, Чарли, — сказал Старрет. Он скользнул в своё вращающееся кресло и, по видимому, не возражал, что Мортон распахнул дверь носком своего модного мокасина из телячьей кожи и рухнул в кресло перед столом Старрета, даже не сняв плаща.

— Картина начинает проясняться, — продолжил Старрет, протягивая ему пару отпечатанных на ротаторе страниц. — Официальный отчёт о вскрытии; в нём подтверждается всё, что мы и предполагали. И снова «Таймс» перед тобой в долгу.

Мортон быстро просмотрел отчет. «Расстояние, с которого был произведен выстрел (два-три дюйма), и траектория удара пули не являются убедительным доказательством того, что этот случай следует рассматривать как убийство. Хотя приведённая информация выглядит необычно, существует вероятность того, что жертва сама могла воспользоваться оружием подобным образом, и это может объяснить необычное соотношение между оружием и входным отверстием от огнестрельного ранения...» Мортон продолжал читать, ища какое-нибудь упоминание о том, как предохранитель пистолета мог закрыться после выстрела, но отчёт полностью игнорировал этот конкретный момент. Он поднял глаза и встретил удовлетворённую и как-бы выжидательную улыбку Старрета. Он подумал было упомянуть предохранитель и молчание в отчёте по этому поводу, но решил этого не делать.

— Ну что? Что ты на это скажешь? — спросил Старрет. — У меня от начальства зелёный свет продолжить это дело. Мяч на твоей стороне площадки, малыш. Отчёт полностью твой. Ты на него ссылаешься, указываешь на противоречия, проясняешь какие-то из этих технических мумбо-юмбо, и приправляешь всё это небольшим количеством соли и перца, и тремя или четырьмя вопросительными знаками. Весь тот набор, которым ты так хорошо

умеешь пользоваться. Хорошо? Мы были первыми, кто нашёл золото, и мы будем продолжать копать, независимо от того, есть там ещё что-то или нет.

— Хорошо, Винсент, — сказал Мортон, вставая. — Мне кажется, что за этим скрывается многое, но по какой-то причине Отдел по расследованию убийств нашего достойного Управления полиции Лос-Анджелеса не хочет принимать на себя удар.

— Ты думаешь? Тогда мы заставим их в этом признаться. Нельзя противостоять обществу. Пресса по-прежнему остаётся четвёртой властью в этой стране, Чарли. Нам платят, а мы всё отработываем.

— Думаю, да, пресса, четвёртое сословие, но не забывайте, что над нами есть ещё три, — сказал Мортон.

Старрет, наконец, догадался о подавленном настроении Мортон.

— У тебя проблемы, парень?

— Да нет, ничего особенного. Сейчас пойду поработаю.

Мортон, спотыкаясь, подошёл к вешалке, повесил на нее плащ, сел за стол и внимательно перечитал полицейский отчёт. Он представлял собой масштабное применение технического полицейского жаргона, призванное утопить всю суть дела в разведённой тарабарщине. Мортон передумал упоминать о предохранителе, с которого по-настоящему началось расследование, но упоминание о котором, скомпрометировало бы старого зрителя в доме Андресса. В конце концов, если Налти намеренно оставил его в стороне, какое он сам имеет право впутывать во всё это постороннего человека? Но он мог бы, по крайней мере, сделать завуалированный намёк, что-то вроде... правильная конструкция никак не приходила в голову. Он вставил лист бумаги в пишущую машинку и начал набрасывать текст статьи: «Как мы эксклюзивно сообщили вам во вчерашнем выпуске «Лос-Анджелес Таймс», обстоятельства, связанные со смертью известного голливудского литературного агента, до сих пор чётко не установлены. Согласно полицейскому отчёту, поступившему к нам...» Он продолжал, тщательно воспроизводя отчёт о вскрытии, и вставляя многоточия и иногда завуалированные намёки в своё описание как надо было извернуться Андрессу, чтобы пуля смогла под данным углом пронзить кору его головного мозга и застрять там в массе мозгового вещества. Мортон пребывал в гуще этого весёлого словесного фейерверка, когда зазвонил телефон.

— Мортон, — сказал он, прижимая трубку к ключице.

— Слушай, — это был голос Марлоу. — Ты, случайно сейчас не занят делом Андресса?

— Именно им я сейчас и занят, и это вовсе не случайно, — ответил Мортон.

— Хорошо, что вы ещё не отправили всё в печать. У меня есть кое-что интересное. Мне бы хотелось, чтобы вы кое-что исправили, чтобы можно было разместить это в своей статье. Сами решите как.

— Выкладывай, — сказал Мортон. — Мне бы не помешало что-нибудь такое, чтобы взбодриться.

— Я был в страховой компании «Дорим». Мне удалось ознакомиться с полисом Андресса. Сюрприз: получатель пятидесяти тысяч долларов — не его сын Терри, а жена.

— Джесси Флориан?

— Точно. Я имел в виду его бывшую жену.

— Как это получилось?

— Андресс оформил страховку, когда был ещё женат. После развода он пару раз указывал, что хочет сменить имя бенефициара, но формальности так и не завершил. Это доказывает, по крайней мере, одно: Андресс не собирался умирать в ближайшем будущем, если

только это не было внезапным решением. Он хотел быть, по крайней мере, быть уверенным, что деньги, если компания их выплатит, попадут к его сыну.

— У тебя ошибка только в одном: если бы Андресс решил покончить с собой, никто бы не получил страховую премию. Ни его сын, ни бывшая жена. Деньги прикарманила бы компания, дело было бы закрыто.

— Совершенно верно, но мы-то знаем, что Андресс не покончил с собой. На самом деле я имею ввиду, что парень, по-видимому, и понятия не имел, что его жизнь может быть в опасности. Вы знаете, как работает мозг голливудского агента — точно так же, как и его бизнес, в любом конкретном случае он должен заранее знать обо всех переменных и неизвестных. Он немедленно бы изменил условия полиса, если бы ему в голову пришла мысль, что ему может угрожать какая-то опасность.

— А что, если бы он действительно хотел отдать все деньги бывшей жене? Знаешь, этот странный комплекс вины, который иногда грызёт разведённых мужей. В конце концов, Джесси Флориан отвечала за образование его сына.

— Говорю тебе, Андресс сообщал в «Дорим», что намерен сменить бенефициара. Но это требовало времени и оформления огромного количества бумаг, и Андресс не стал утруждать себя этим.

— И ты думаешь, Джесси Флориан знала об этом?

— Нет ни малейших сомнений.

— Почему это?

— Имя Говард Мелтон тебе что-нибудь говорит? Он директор «Дорим», однажды я сделал для него кое-какую работёнку. Как ты, наверное, можешь себе представить, подобные документы являются конфиденциальными — никто, кроме непосредственно заинтересованных сторон, не может получить к ним доступ. Но Джесси Флориан периодически справлялась о том, сохраняется ли страховка на её имя.

— Периодически?

— До недавнего времени. Она позвонила из Нью-Йорка за неделю до убийства, чтобы узнать, не произошло ли каких-либо «изменений».

— Ух ты! Это наводит на размышления.

— А ты как думаешь, зачем она звонила?

— А «Дорим» будет выплачивать страховку?

— Если будет официально доказано, что здесь всё чисто. Но даже тогда они проведут расследование, чтобы определить, причастен ли кто-либо из прямых или косвенных получателей.

— Итак, что ты хочешь, чтобы я сделал?

— Просто упомяни вскользь, как будто вы не придаете этому значения, что Йенсид Андресс оставил страховой полис на пятьдесят тысяч долларов, бенефициаром которого, «согласно тому, что стало известно» или что-то в этом роде, является его бывшая жена, мисс Джесси Флориан, которая в разводе с агентом два года или более. А потом напомните им, что только страховка действительна только в том случае, если будет доказано, что смерть Андресса была убийством, и так далее, и тому подобное, хорошо?

— Хорошо, но я боюсь, что в этом случае ты не собираешься отказаться от клиента.

— Посмотрим. Я собираюсь ещё раз побеседовать с мисс Флориан.

— Если хочешь, я возьму на себя ответственность за информацию. Это придаст моей статье изрядный колорит.

— И ещё одно, Чарльз. Я забыл спросить тебя сегодня утром. У тебя были какие-либо подозрения, что кто-то следил за тобой в течение двух последних дней?

— Что ты имеешь в виду? Кто-то следит за мной?

— Именно.

— Нет... Я не заметил ничего необычного.

— Но так и было. В понедельник, после визита в дом Андресса, меня в течение получаса преследовала машина. Мне удалось стряхнуть её, или, по крайней мере, мне так показалось. В тот вечер ты приходил ко мне, помнишь? Когда ты уехал, машина, припаркованная примерно в пятидесяти ярдах по Шетланд-лейн, завелась и последовала за тобой. Это был тёмно-серый или коричневый седан «плимут», из-за тумана я не уверен. Думаю, что это была та же самая, что следила за мной.

— Полиция? — спросил Мортон.

— Возможно. С тех пор я не видел эту машину.

— Теперь, когда ты упомянул об этом... — Мортон заколебался. — Да, во время похорон Андресса, пока я разговаривал с Налти, лейтенант заметил двоих подозрительных, державшихся на расстоянии. Очевидно, они пришли не для того, чтобы засвидетельствовать своё почтение. Я подумал, что это пара полицейских ищек, знаете ли, они по всем параметрам им соответствовали. Но Налти заверил меня, что они не из его управления.

— Но это не значит, что они не могли быть из другого подразделения. Например, от Тэда Брауна. В любом случае, было бы неплохо держаться настороже.

— Кого мы могли бы заинтересовать?

— Всех, кого беспокоит тот факт, что дело Андресса всё ещё открыто. На данный момент именно мы выйдем теми, кто поднял волну.

— Признаюсь, я ничего не понимаю. А Джесси Флориан?

— Это взгляд на дело под другим углом.

— Вы не учитываете Велму Валенто?

— Я встречаюсь с ней через полчаса. Попытаюсь выяснить, есть ли правда в обвинениях бывшей жены Андресса.

— Желаю удачи. Держи меня в курсе.

Марлоу повесил трубку, и Мортон продолжил лихорадочно работать над своей колонкой. Получив новую небольшую порцию вдохновения, он остался доволен результатом. Он принёс Старрету черновик, тот прочел его, присвистнул и эмоционально высказался.

— Дело продолжает расцветать, Чарли, — сказал он. — Когда мы докопаемся до сути, обещаю тебе прибавку к жалованью.

На мгновение Мортон подумал, что сейчас самый подходящий момент упомянуть о гонораре Марлоу, но решил отложить это на потом.

Он оставил Старрета перечитывать статью, отмечая отдельные места, взял плащ и покинул редакцию в приподнятом настроении. Он решил, что у журналистики тоже есть своя творческая сторона.

На улице всё ещё было холодно, и ночь была пропитана мелким, почти пылевым дождем. Неоновая вывеска кофейни «У Шейми» на другой стороне улицы отбрасывала на асфальт красные молнии. Мортон свернул за угол Шестой авеню и быстро зашагал к стоянке. 54-я Вест-Плэйс была пустынна, и за широким цементным въездом на стоянку находилось всего несколько разбросанных по ней автомобилей. Машина Старрета была припаркована рядом с его «ягуаром», на участке, отведенном для ребят из типографии, виднелась

дюжина колываг. «Линкольн-континенталь» босса сиял под мощным перекрёстным светом фонарей, освещавших стоянку.

Мортон достал из кармана плаща связку ключей и открыл дверцу «ягуара». Он даже не успел устроиться за рулём, как дверь снова распахнулась. Перед ним оказался необычно высокий мужчина в плаще с поднятым воротником, чтобы скрыть лицо, и в кепке от дождя, надвинутой на глаза.

— Какого чёрта?.. — удалось выдавить из себя Мортону, прежде чем он заметил, что в правой руке у человека был пистолет, а странный цилиндр, закрепленный на его стволе, был глушителем.

У него не осталось времени сказать что-нибудь ещё. Выстрел прозвучал сухо, пробивая брешь в ночной тишине. Мортон почувствовал удар в живот и инстинктивно поднял левую руку, как бы защищаясь от боли или других выстрелов, которые могли последовать за первым. Пистолет кашлянул ещё два раза. Тело Мортон конвульсивно содрогнулось, и одна из пуль отскочила от стальной поверхности его «ролекса», мгновенно остановив его стрелки. Туловище Мортон упал на руль. Человек в плаще выстрелил ещё раз, на этот раз тщательно прицелившись в голову Мортон. Потом он с грохотом захлопнул дверь «ягуара». Стрелки «ролекса» показывали 10:07.

► 10: 07 вечера «У Люси».

— Если ты не против, — сказала Велма, — давай не будем говорить об этом до конца вечера.

Я истолковал это как молчаливое и обязательное к исполнению соглашение между нами. Мы вошли в «Люси», бар и ресторан на Мелроуз-авеню напротив студии «Парамаунт». Фойе было обставлено как площадка MGM, подготовленная к съёмкам музыкальной комедии. Сверкающий коридор вел из него в главный зал, а лестница, огражденная белыми перилами, намекала на доступ к кабинкам на втором этаже. Плоский потолок, казалось, был усеян мерцающими звездами. Рядом с тёмным пурпурным баром была небольшая искусственная пещера, в которой стоял стол из черного мрамора и овальное зеркало. Укромный уголок смутно напоминал нечто египетское, и внутри находилась женщина в тёмно-зеленом одеянии со стразовыми аппликациями, поправляющая результат платинового отбеливания. На мгновение наши взгляды встретились в зеркале. Это было не совсем то место, где я бы предпочёл проводить время. Слишком утончённо на мой вкус. Чтобы быть уверенным, что вам удастся поужинать, нужно было резервировать столик заранее или заранее смириться с ожиданием. Я подошёл к метрдотелю, который стоял у входа в столовую, как статуя, с застывшей улыбкой на лице и набором меню в кожаных переплетах с золотыми кистями под мышкой. Он обещал посмотреть, что сможет для нас сделать. Мы нырнули в тень бара и сумели расчистить путь к стойке, где я заказал два «олд фэшн»⁵¹.

Мы с Велмой провели весь день, просматривая зашифрованный список Адресса, его личные бумаги и бухгалтерские книги компании. Мы были измотаны. Осталось мало сомнений в том, что секретный список имел отношение к «десятке», и что инициалы Д. Т. и А. М. означали Далтона Трамбо и Альберта Мальца. В определенных кругах ходили слухи, что анонимный сценарий фильма «Эль Bravo», который имел хорошие шансы получить «Оскар», безошибочно указывал на руку Трамбо, но среди больших голливудских шишек на эту тему был наложен запрет. Трудно было представить, чтобы кто-то рисковал своими

⁵¹ «Олд фэшн» (*англ.* Old fashioned — старомодный, на прежний манер) — коктейль-аперитив. Смешивается в бокале на основе бурбона, скотча или ржаного виски. Украшается долькой апельсина и коктейльной вишней.

деньгами и, возможно, головой, чтобы воспользоваться для съёмок сценарием одного из запрещённых авторов. Я высказал Вельме предположение, что, возможно, Андресс только-только договорился с этими двумя авторами, и именно поэтому ничего больше не было отмечено, кроме как их инициалами. Остальная информация в списке может быть не более чем искусной маскировкой, призванной затруднить любое расследование. Гипотеза показалась ей правдоподобной, и она вполне вписывалась в набор грязных трюков Андресса. Это всё усложняло; только бухгалтер или специалист по бухгалтерскому учёту после тщательного изучения смог бы сказать скрывалось ли что-либо в финансах агентства, существовали различные ведомости, учёт велся отдельно, и одна операция могла быть отражена в любой из двух или трёх бухгалтерских книг, в соответствии с выбранным критерием: посредник, студия или клиент. Велма упорно цеплялась за свою веру в честность Андресса и в то, что ему можно полностью доверять, и в конце концов убедила меня, что мы не должны привлекать кого-нибудь со стороны; она сама просмотрит книги, как только немного придёт в себя и успокоится. Со своей стороны, я не был убежден, что Андерсон не считал бы свои отношения с голливудскими «проклятыми» своим сугубо личным делом. На кону была его шея, и поэтому он мог бы считать это частной инвестицией, правомерным вознаграждением. В любом случае, я уступил ей и оставил эту тему, как только мы оказались внутри «Люси». Мы сидели в баре, небрежно потягивая напитки, когда подошёл метрдотель и сказал, что наш столик готов.

— Сегодня утром я встречался с Джесси Флориан, — наконец сказал я, переходя к теме, которой меньше всего хотел касаться. Атмосфера, свет свечей, фарфор и бутылка шампанского — не самая подходящая обстановка для подобного разговора. Велма подняла глаза и выжидающе молчала.

— Тебя интересуют подробности нашей встречи? — спросил я.

— На твоё усмотрение. Она назначила встречу или это была твоя идея?

— Наполовину и так, и этак. Мисс Флориан связалась с Мортонем, Мор тон связался со мной. Она была заинтересована в том, чтобы нанять детектива.

— Нисколько в этом не сомневаюсь. Я с самого начала думала, что ты работаешь на неё.

— Работал, но не на неё.

— И теперь?

— И теперь. Джесси Флориан не мой тип.

— Она немного старовата для тебя, дорогой. Прошло много лет с тех пор, как ей исполнилось сорок, хотя, возможно, это так и не выглядит.

— Точнее говоря, я имел в виду, что она не мой тип клиента. Возможно, при других обстоятельствах мы смогли бы найти области для взаимопонимания.

— Это как? И что ты имеешь против неё как клиента?

— Во-первых, она властная и с предубеждением судит о некоторых вещах. С этим трудно совладать. Я никогда не соглашаюсь работать на тех, кто говорит, что мне надо делать или с кем надо повидаться в первую очередь. Начало расследования похоже на начало шахматной партии. Все фигуры на доске. Если кто-то заранее говорит мне, как я должен играть, чтобы мне поставили мат, у меня пропадает всякий интерес.

— И, очевидно, Джесси Флориан обо всем догадалась?

— Пункт за пунктом.

Я подчёркнуто замолчал. Поднял бокал с шампанским и подождал, пока Велма сделает то же самое. Раздался небольшой, лёгкий звон хрусталя, и на мгновение пламя в канделябре дрогнуло. Я набросился на своего омара.

— Ну, а теперь я хочу знать остальное, — сказала Велма.

— Вот в чем суть: мисс Флориан говорит, что приехала сюда из Нью-Йорка, убежденная, что её бывшего мужа убили. Кто мог это сделать? Ты или кто-то в сговоре с тобой. Мотив? Самое очевидное: ты хотела, чтобы агентство полностью принадлежало тебе. Ты пыталась накинуть на Андресса поводок, но безуспешно. Андресс захотел избавиться от тебя; но ты опередила его, купив ему билет в иной мир. Теперь всё, что надо сделать, это дожидаться возвращения Терри — он прилетит откуда-нибудь из Катманду или Карачи, чтобы пролить запоздалые слёзы на могиле своего отца, а затем радостно бросится в твои объятия. Кстати, у вас с Терри были какие-то дела на стороне в доме его отца, когда щенок ещё был в городе?

— Не знаю, нравится ли мне эта твоя другая сторона. Ты можешь быть очень циничным.

— Давай оставим цинизм в стороне.

— Полагаю, у нас с Терри было то, что Джесси Флориан назвала бы «романом».

— Нет, не совсем. Она была очень объективна в этом вопросе. Ты вышвырнула Терри на улицу, и парень убежал, полностью разочарованный. Но, конечно, она считает, что ты, должно быть, сделала что-то такое, чтобы на какое-то время дать парню хоть какую-то надежду; а затем и её разбила, отчего однажды утром он проснулся и отправился в это сумасшедшее путешествие по Европе и Востоку, предлагая себя наркотикам, бродяжничеству и буддистскому созерцанию.

— Да, я кое-что сделала. Я определенно что-то сделала. Я совершила две ошибки. Во-первых, попыталась стать его другом; во-вторых, позволила Йенсиду ревновать до такой степени, что он даже не рассматривал собственного сына как потенциального соперника.

— И на то были веские причины?

— Ревность всегда имеет под собой какие-то основания, не так ли? Йенсид дважды просил меня выйти за него замуж, и я отказывалась; это была веская причина. А потом, между мной и Терри... как бы мне это тебе объяснить? Терри — жизнерадостный и чувствительный мальчик; у нас, вероятно, были такие близкие отношения, которых никогда не существовало и никогда не могло существовать между мной и Йенсидом. После того, как Терри уехал, я всё обдумала; думаю, что Йенсид, должно быть, истолковал нашу дружбу как своего рода юношеский заговор. Хотя я на несколько лет старше Терри, Йенсид чувствовал себя намного старше нас обоих, не разделяющим того, чем мы с его сыном могли наслаждаться: современной музыкой, танцами, высмеиванием или безразличием к определенным условностям. Йенсид был очень строг, слишком официален во всём. И он преувеличенно протестовал против того, что он называл нашей несерьезностью, нашим юношеским максимализмом. Они с Терри ссорились, и мне было очень неприятно, что я стала причиной их недопонимания; я пыталась положить этому конец, и именно тогда Терри решил уйти — или, лучше сказать, когда Йенсид предложил ему вернуться к матери.

— Но ты все равно не могла выйти за Андрессе, так ведь? По закону ты всё еще миссис Грейл.

Глаза Велмы несколько секунд изучали меня поверх пузырьков шампанского.

— Это Джесси Флориан тоже сообщила тебе?

— Всё, что я знаю о тебе, исходит от тебя самой или от Джесси Флориан.

— Тогда я позволю тебе самому найти этому подтверждение. В конце концов, это твоя работа, верно?

— Только когда мне кто-нибудь за это платит; до сих пор никто не нанимал меня для расследования твоего гражданского состояния.

— Джесси Флориан очень хорошо вознаградит тебя за эту информацию.

— Очевидно, ей это неинтересно. Она считает само собой разумеющимся, что ты до сих пор не развелась с таким везучим — хотя, с моей точки зрения, трудновато-справиться-с — мистером Грейлом.

— Я удивлена, что Джесси Флориан не предположила, что я планировала два убийства. Сначала моего мужа, а потом Йенсида. И следующим должен был стать Терри, полагаю.

— Возможно, она подозревает, что один из них мог быть твоим сообщником.

— Один из двух? — Внезапно её веки враждебно и настороженно сжались. Нас резделили мили.

— Мистер Грейл или сам Терри, — сказал я, как будто мы играли в игру, которую нельзя было прервать, после того, как она началась.

— Кажется, это всё, — сказала Велма.

— Джесси Флориан скептически относится к обоснованности твоих денежных вложений в агентство её бывшего мужа. Она считает, что эта роль была не чем иным, как прикрытием.

— И поэтому?..

— Откуда мне знать? Ты действительно была финансовым партнером Андресса?

— Так и было.

— И эти деньги пришли от Грейла.

— Совсем нет. Я вложила собственный капитал: свою часть отцовского наследства. Доволен?

— Ваш муж или бывший муж был богатым человеком?

— Почему бы тебе не заняться и этим тоже?

— Возможно, тебе будет интересно узнать, что страховой полис Андресса был выписан не на имя Терри. Джесси Флориан по-прежнему является его бенефициаром.

Она снова недоверчиво посмотрела на меня.

— Кто тебе это сказал? Она?

— Корпорация «Дорим». Андресс никогда официально не менял имя получателя пятидесяти тысяч долларов.

— Мне жаль Терри. Теперь он никогда не выберется из-под каблука своей матери.

— У него всё ещё есть личные активы Андресса — плюс права на половину агентства.

— Джесси Флориан сможет и прибрать к своим рукам.

— Вы двое не испытываете большой любви друг к другу, так? В чём причина? Андресс или Терри?

Велма уронила вилку и нож на тарелку.

— Кажется, у меня пропал аппетит, — сказала она. — Этот разговор всё портит. Я была бы признательна, если бы ты попросил счёт и отвёз меня к моей машине.

— И бросить этого великолепного омара? — спросил я.

— Пожалуйста, — настаивала Велма.

Я зашёл слишком далеко. Я попытался установить, насколько непоправимым оказался ущерб.

— Я ненавижу привлекать внимание, — продолжала она. — Я могла бы встать и оставить тебя за столом, но не хочу. Завтра об этом все будут говорить. Не заставляй меня. Позови официанта, и давай уйдём как можно незаметнее.

Я понял, что попал в очень чувствительное место или даже в открытую рану. Я начал искать официанта, и как раз в этот момент кто-то, кто выглядел смутно знакомым, подошёл к нашему столику и натянуто мне улыбнулся. Он вежливо кивнул и повернулся к Велме.

— Извините, если я вас на минутку прерву, — сказал он. — Велма, дорогая, я хотел сказать тебе, как сожалею о том, что произошло. Я звонил, но не смог застать тебя в офисе. Я глубоко опечален случившимся с Андрессом.

— Привет, Родж, — ответила Велма. Она безвольно отпустила его руку, и он учтивым жестом поднёс её к губам. Это был человек, чьи волосы, когда-то густые и чёрные, теперь обольстительно белели по краям висков; он носил очки с толстыми стеклами в черепаховой оправе, которые придавали ему явно интеллектуальный вид.

— Вы знакомы с мистером Марлоу? — добавила Велма.

— Случайно, не Филип Марлоу? — сказал мужчина, протягивая мне руку.

— Точно.

— Чандлер утомлял меня разговорами о Вас, — ответил он. — Вы не возражаете, если я присоединюсь к вам на несколько минут? — Он придвинул стул и сел, не дожидаясь ответа. — Меня зовут Роджер Уэйд, — сказал он мне. — Я работаю на «Двадцатый век — Фокс» и являюсь поклонником Чандлера. На самом деле, могу сказать, что я был одним из тех, кто приветствовал его появление в Голливуде, примерно в 1943 году.

— Роджер теперь один из самых важных продюсеров в «Фокс», — объяснила Велма.

— Не так быстро, не так быстро, — рассмеялся Уэйд. — Я всё ещё не достиг уровня «Последнего магната». Восхищаюсь этой книгой Фицджеральда — собственно, всеми его работами, как и Фолкнером. И творчеством этого священного монстра, который никогда не хотел приближаться к нам, неподкупного Хемингуэя. Хотя наша компания не оставила надежды однажды заманить его сюда, запереть в одном из наших кабинетов и заставить написать сценарий. Андресс заставил бы его сделать это, если бы захотел, тебе не кажется? — добавил он, поворачиваясь к Велме.

— Сомневаюсь, — откровенно ответила она.

— Я вижу явное сходство в стилях Чандлера и Хемингуэя, — продолжил Уэйд. — Конечно, Рэймонд никогда не простит мне, что я настаиваю на том, что Хемингуэй может иметь определенное влияние на то, как он пишет. Он ненавидит, когда его сравнивают с любым писателем, который может претендовать на Нобелевскую премию, а Фолкнер и Хемингуэй уже свои получили.

— Разве Хемингуэй не один из тех авторов, которых вытеснили из Голливуда? — небрежно спросил я.

— Хемингуэя? Конечно, нет, — строго сказал Уэйд. — В Голливуде больше нет запрещенных писателей. Вся эта история осталась в прошлом. Когда кто-то пишет что-то действительно стоящее, всегда есть способ это использовать. Но Хемингуэй? Правда, нет. Для него открылись бы все двери в городе.

— Чего, полагаю, не произойдет для таких людей, как Элджер Хисс или Альберт Мальц, — указал я. — Говорят, что Фрэнк Синатра много раз пытался снять фильм по сценарию Мальца, но безуспешно.

— Это просто кто-то неудачно пошутил, — поспешил ответить Уэйд. — Не стоит обращать внимание на всё то ворчание киношников, что можно услышать. Здесь много зависти, ревности и эгоизма. Я не знаю другой гильдии, которая так же боялась бы компетентности, как гильдия писателей.

— А Далтон Трамбо?

— Ну, Трамбо... — Уэйд беспомощно развёл руками. Он повернулся к Велме и быстро сменил тему. — Что это такое я прочёл сегодня утром о смерти Андресса? Кто-то заинтересован в том, чтобы люди поверили, что Йенсида могли убить? Кому может понадобиться, чтобы такого человека, как Андресс, убили, когда все в городе ему обязаны? Я думаю, что вся эта сенсационность — сплошная низость. Очевидно, что пресса пытается выжать из этого как можно больше.

Велма вставила двусмысленный комментарий, который частично удовлетворил протесты Уэйда, и через несколько минут он встал, бурно со мной попрощался, а с Велмой простился ещё одним буржуазно-джентльменским поцелуем. Его неожиданное вмешательство сняло возникшее между нами напряжение. Велма, казалось, забыла о своей злости, и мы спокойно закончили ужин, несмотря на холодную атмосферу, которая всё ещё нас окружала. Было уже далеко за полночь, когда я оплатил выставленный счёт, оставив щедрые чаевые, и мы начали пробираться к гардеробу. Я забрал пальто и пока Велма посещала дамскую комнату, рассеянно смотрел на экран телевизора. Внезапно транслировавшийся эстрадный концерт был прерван бледным лицом диктора лос-анджелесской станции. Когда Велма вернулась, всё ещё строгая, но, по-видимому, спокойная, я уже знал, что Мортон мёртв и куда мне лучше поспешить.

► **12:45 ночи Парковочная стоянка «Лос-Анджелес Таймс».** Две патрульные машины с притушенными фарами блокировали въезд на стоянку, а в глубине стоянки машина «скорой помощи» драматично пульсировала пурпурными вспышками сквозь густую сырость.

Я припарковался на тротуаре справа от 54-й Вест-Плэйс и настаивал, чтобы Велма подождала меня там. Она отказалась.

— Вы не можете туда войти, — сказал нам один из полицейских, дежуривших рядом с патрульными машинами. Я видел, как по стоянке двигались и разговаривали люди. Два санитары вкатили носилки, на которых, вероятно, лежало безжизненное тело Мортонна, в машину «скорой помощи». Я достал бумажник и показал свою лицензию в надежде, что это поможет.

— Что это? — спросил офицер, бросив подозрительный взгляд на удостоверение. — Частный детектив. Тебе здесь нечего делать, друг. Видишь эту униформу? Это олицетворение общественной мощи. Иногда мы должны быть первыми.

— Кто здесь главный? — спросил я.

— Инспектор Макги, как я полагаю. — Он повернулся к другому офицеру, который молча и нетерпеливо наблюдал за происходящим, словно ожидая подходящего момента, чтобы присоединиться к перепалке.

— Это Макги, верно? Я же просто водитель, — объяснил он мне.

— Да, Макги, — подтвердил другой.

— А разве не лейтенант Налти? — спросил я. Огромные плечи служителя закона возвышались над всей остальной небольшой толпой, собравшейся вокруг машины «скорой помощи» и двух машин, всё ещё припаркованных на своих обычных местах. Полицейский неохотно обернулся.

— Не скажу, что это не так, — сказал он. — Его трудно спрятать.

— Сделай мне одолжение, — попросил я. — Скажи ему, что Марлоу здесь. Обещаю тебе, ему захочется поговорить со мной. -

Он протянул руку за моей лицензией и направился туда, где стоял Налти. Вернулся он всего лишь через несколько минут.

— Пошли, — сказал он, возвращая мне бумажник. Я взял Велму за руку.

— Леди останется здесь.

— Это жена покойного, — быстро сказал я. Я потащил Велму в дальний конец парковки. Мы бросились к машине «скорой помощи». Санитары уже поставили носилки на пол машины, и тело Мортонна было полностью накрыто простыней. Я забрался внутрь и, прежде чем кто-либо успел меня остановить, отодвинул её верхний край, чтобы увидеть лицо. Свернувшаяся кровь оставила след от левого виска до верхней части скулы. Посреди лба у него было ярко-фиолетовое пятно.

— У него ещё два пулевых отверстия в животе, — раздался грубый голос Макги, скользнувшего за мои плечи. — Ещё одна пуля разбила его часы. А это было не что иное, как *coup de grace*⁵². Из сострадания — в любом случае его никто не смог бы спасти. Он умер мгновенно. Его обнаружили только через два часа.

Я снова натянул простыню на голову Мортонна. Вылез из машины «скорой помощи», и Макги последовал за мной.

— Чем вы с Мортонном занимались, Марлоу? — спросил он.

Я закурил сигарету. Я слышал, как низкий голос Макги прогудел у меня в ушах, но я не смог понять, что он говорит.

— Что тут произошло? — это было всё, что мне удалось из себя выдавить.

— Ты думаешь, что здесь был кто-то, чтобы заснять это? — язвительно ответил Макги. — Всё, что мы знаем, это то, что всё произошло в семь минут одиннадцатого, согласно часам, в которые попала пуля. И что его застрелили, когда он сидел в машине.

Налти и ещё несколько человек подошли к нам. Я мельком увидела испуганное лицо Велмы — она была куталась в пальто за кольцом полицейских и фотографов.

— Привет, Марлоу, — сказал один из людей, подошедших с Налти. Я узнал Винсента Старрета. — Это мне не повезло найти тело Чарли. Ничего уже нельзя было поделаться, поверьте мне на слово. Он уже пару часов был там, завалившийся на руль.

— Что произошло? — глупо переспросил я. Я услышал эхо собственного голоса, резонирующее, как пение сумасшедшего. Звук и ярость, ничего не значащие в этом бессвязном мире грёз.

— Должно быть, прошло минут пять после того, как он пожелал мне спокойной ночи, — сказала Старрет. — Он вышел из редакции около десяти и, должно быть, направился прямо сюда. Очевидно, его кто-то ждал. Они позволили ему сесть в машину, а потом накачали свинцом. Я вышел из редакции чуть за полночь. Мне показалось странным, что машина Чарли всё ещё стоит тут, но сначала я подумал, что он мог задержаться у «Шейми». Знаю, что он иногда там обедал. И потом, я не знаю, что произошло сначала: то ли возникшее предчувствие или я увидел что-то упавшее на руль. Я даже не открыл дверь своей машины.

— Есть какие-нибудь идеи? — снова спросил Макги. — Брось, Марлоу, ты же гений. Кому могло понадобиться избавиться от Мортонна?

— Тому, кому понадобилось, чтобы Андресс покончил с собой, — ответил я.

— Что? — Он посмотрел на меня так, словно я был с другой планеты и говорил на каком-то галактическом диалекте. — О чём, чёрт возьми, ты говоришь? — Он вертел головой из стороны в сторону, ища поддержки, но её не было. — У тебя настроение всё усложнять?

⁵² Последний удар (*франц.*) Употребляется в смысле «удар милосердия» — действие или событие, которое приносит быстрый конец страданиям или ухудшению ситуации.

Скажи мне, какое, чёрт возьми, отношение убийство твоего приятеля имеет к самоубийству Йенсида Андресса?

Его слова, возможно, звучали язвительно, но он благоразумно понизил голос, когда задавал последний вопрос.

— Если Вы не понимаете, о чём я говорю, перечитайте первую страницу вчерашней «Таймс». Мортон написал статью об Андрессе, — объяснил я. — Это, вероятно, выведет вас на правильный путь.

— Так вот чем вы с Мортином занимались? — продолжал он. Казалось, что он был готов проявить благоразумие и внимательно изучал меня, пока доставал кисет с табаком из кармана плаща и готовился свернуть сигарету. — Вот что происходит, когда в дело вмешиваются любители. Когда вы, ребята, научитесь соблюдать правила? О чём вы думали? Что могли бы подобраться к разгадке в деле Андресса? Вы не можете продвигаться быстрее нас, Марлоу. Надеюсь, ты усвоил урок. Я почти испытываю искушение обвинить тебя в убийстве Мортонна.

— Кто бы не убил Мортонна, он не был любителем, — ответил я.

— Позволь этим заняться нам! — воскликнул он. Он закурил сигарету и ещё раз посмотрел на меня. — Значит, тебе больше нечего сказать?

— Что Вы ещё хотите от меня услышать? Теперь вы всё знаете.

— Кто нанял тебя на дело Андресса? — спросил он.

— Мортон.

— Ну да? А кто нанял Мортонна?

— Почему бы Вам не спросить его, — ответил я.

— Успокойся, Марлоу, не выводи меня из себя. В любом случае, у тебя больше нет клиента. Держись подальше от этой заварухи. Я не коллекционирую трупы, и бывают моменты, когда ты всё-таки оказываешься полезен. Мне бы не хотелось обнаружить тебя в однажды ночью в подобном состоянии. — Он посмотрел в сторону машины «скорой помощи», которая в этот момент начала двигаться. — Ну, я отправляюсь в морг. — Он повернулся к Налти. — Пусть ребята делают всё, как обычно, — добавил он. — Ищите следы, окурки, спички. Так, как будто мы собираемся из всего этого что-то извлечь. — Он повернулся и ушёл, не попрощавшись.

Налти, Старрет и я несколько секунд молчали.

— Чарльз написал еще одну статью по делу Андресса, — наконец сказал Старрет. — Я уже сдал её для сегодняшнего выпуска. В ней есть новые данные, но ещё есть возможность всё отменить. Как думаете, Марлоу, может стоит так и сделать?

— Запускайте, — ответил я, не задумываясь. — Это будет своего рода посмертная дань уважения Мортону.

— Возможно, — он осторожно поднял глаза на Налти, а затем рискнул спросить меня: — Вы тоже замешаны в этом деле? Это Вам не навредит, если мы опубликуем эту статью?

— Ничто из того, что мог написать Мортон, не сможет навредить мне больше, — ответил я.

— Настоящая проблема заключалась в том, что Чарли предал огласке дело Андресса. Поэтому его и прикончили.

— Может быть, — сказал Старрет. Он задумался на несколько секунд, а затем добавил: — Что касается уважения к Чарли, я лично буду отвечать за написание прощальной статьи. У меня в животе тугий ком; я не знаю, как найти силы, чтобы её написать, но я чувствую, что я именно тот, кто должен это сделать. И я собираюсь начать прямо сейчас.

Наши глаза встретились, и я молча кивнул.

— Тогда я пошёл, — сказал он. — Я вам ещё понадобится, лейтенант?

— Пока нет, — ответил Налти. — С Вами, вероятно, позже свяжутся, чтобы получить Ваши показания.

— Хорошо. Я буду в редакции или дома.

Он вынул ключ из дверцы своей машины и медленно пошёл через парковку. Он был худощавым мужчиной; теперь его плечи поникли, как будто он нес на них спине весь ужас этой ночи.

— Послушай, Марлоу, — пробормотал Налти, как только мы остались одни. — Ты знал, что за Мортонем следили, так ведь?

— Тёмно-серый или коричневый седан «плимут», — ответил я. — Всё началось с меня. Это я навёл их на Мортон.

— Не начинай ворошить пепел, — сухо сказал Налти. — Понятно, этих людей беспокоила огласка. Это не значит, что в конце концов их не заинтересовали бы те, кто начал раскапывать могилу Андресса. Тебе лучше быть очень осторожным. Макги иногда бывает немного резок, но его предупреждение для твоего же блага. Имей это в виду.

— Мортон сказал мне, что Вы, возможно, заметили пассажиров «плимута» на похоронах Андресса, — заметил я.

— Да, я заметил их на похоронах, а потом смог опознать, — признался Налти. — У меня хорошая память на лица определённого типа. Я провёл целую ночь, просматривая картотеку в Управлении, но в конце концов нашёл их. Слушай внимательно, Марлоу: эти двое — наёмные убийцы. Они убивают, не задавая вопросов и не давая опомниться. В штате Калифорния им не предъявляли никаких обвинений, но в ФБР в любом случае были бы очень рады, если бы смогли надеть на них наручники. Это превращается в федеральное дело. Когда в деле участвуют люди такого калибра, никогда не узнаешь, кто за ними стоит, но самое меньшее, что можно сказать, это то, что дело действительно крупное. Они избавились от Мортон и не очень расстроятся, если им придется избавиться ещё от двух, трех или десяти человек, которые будут стоять у них на пути. Мы понимаем друг друга? Отлично, я просто хочу, чтобы ты это запомнил. Это задание не для одного человека; возможно, нам придется задействовать всех, кого сможем, чтобы их остановить.

— Я не в том настроении, чтобы шутить, но, честно говоря, никто никогда не говорил ничего, что тронуло бы меня больше, Налти. Не думайте, что я не понимаю, что это значит.

— Принимай, как хочешь. Помни: будь начеку; и в этом деле нет ничего личного, оставь его нам. Это лучший совет, который я могу тебе дать.

— Ещё несколько часов назад в этом не было ничего личного, — ответил я. — Но теперь есть. Мы с Мортонем вместе в него ввязались. У меня всегда проблемы с абстрактными понятиями, — добавил я. — Но я думаю, что то, что у нас было много общего, было что-то вроде того, что известно как дружба. Если Вы думаете, что я смогу положить букетик цветов на могиле Мортон и спать с чистой совестью всю оставшуюся жизнь, то думаю, что Вы очень мало знаете о человеческой природе, лейтенант. В любом случае, не думайте, что я не ценю Ваш совет. Полагаю, мы ещё увидимся.

Это было своего рода прощание.

— Чёрт возьми, у меня нет ни малейшего сомнения в том, что мы будем видеться чаще, чем мне хотелось бы, — проворчал Налти.

Помахав на прощание, я покинул его, оставив его погруженным в свои мысли. Велма, оставшаяся в полном одиночестве, выглядела так, словно ночная сырость, проникнув вовнутрь, вытеснила её наружную холодность. Она стояла, прислонившись к машине

Старрета. Я подошёл к ней и взял за руку. Когда она прижалась ко мне, я впервые за эти тёмные, безжалостные часы почувствовал человеческое тепло и сострадание.

Во рту у меня всё ещё оставался горький привкус.

Четверг, 26-ое

► **5:07 вечера. Ла-Хойя.** В середине 1956 года, через месяц после завершения своего второго бурного пребывания в Лондоне, Чандлер переехал в Ла-Хойю. Он остановился в отеле «Дель Чарро», а затем снял квартиру на Нептун-Плэйс, 6925, всего в нескольких кварталах от своего старого дома. В здании было несколько квартир с центральным патио, а его квартира выходила на пляж, защищённый от Тихого океана. В ней было две спальни, но главной достопримечательностью была большая мансарда, где он мог сохранить свой архив, когда собирался отправиться в Англию в следующий раз, возможно, весной 1957 года. Он оставил там некоторые из своих старых рукописей и тщательно отобранные книги из своей библиотеки. «Боже милостивый, — писал он в то время, — что мне делать с книгами, которые заполнили весь дом? Полагаю, что с имуществом необходимо поступать безжалостно.»

И он старался быть настолько безжалостным, насколько позволяли его привязанности, но, в конце концов, всё определялось размерами новой квартиры. Естественно, он чувствовал скуку и ностальгию по Лондону. Макшейн цитирует его в то время: «Я не антиамериканец, но здесь просто нет жизни для таких людей, как я. Четыре дня в неделю мне есть с кем поужинать, но остальные три — суший ад. Меня уже до смерти тошнит от загара, напоминающего сожжённый апельсин, и улыбок, похожих на порезы. Меня тошнит от людей, которые не могут расстаться с бокалом, и от коктейльных вечеринок, где никто (кроме меня) не может присесть. Увы, не вся моя страна безнадежно вульгарна, но эта её часть вульгарна безусловно.»

Одиночество и чрезмерное пьянство, как в одиночку, так и нет, привели его обратно в клинику Чула-Виста, где он уже провёл некоторое время в 1955 году. В середине июля ему дали зелёный свет, и он решил провести некоторое время в Сан-Франциско в доме Луизы Лэндис Лафнер, его поклонницы, которая писала ему откровенные письма после его попытки самоубийства. Присутствие Луизы не оторвало его от бутылки. И на этот раз это была клиника в Пасадене. Лечение, должно быть, длилось недолго, потому что, выйдя оттуда, он объявил о своем стремлении жениться на миссис Лафнер. Высказанные претензии на семейную жизнь продержались не больше недели. «Я не выношу ссор», — объяснял он, опять же по словам Макшейна. — «Сам я не ссорюсь, говорят, для этого нужны двое. Это не так. Мне очень жаль и мне очень одиноко, но я точно знаю, что периодически это будет повторяться.»

Предположительно, он вернулся в Лос-Анджелес и, должно быть, провёл относительно спокойный период в своей квартире в Ла-Хойе. Время от времени к нему приезжали его старые друзья — писатели Джонатан Латимер, Макс Миллер и Рональд Кайзер. Все трое были там, когда как гром среди ясного неба появился старый приятель Чандлера Роджер Уэйд, продюсер и один из старших менеджеров компании «Двадцатый век—Фокс». Это было в четверг, 26 сентября, около пяти часов вечера, в то время, когда сценаристы и кинопродюсеры уже обычно прекращают работу и не строят никаких определенных планов на вечер. Бокалы присутствующих даже и близко не были пусты, но Чандлер поспешил заполнить их виски почти до краёв, за исключением сосуда Уэйда, предполагаемый уровень на котором был предусмотрительно и, что нехарактерно, непреклонно отмечен указательным пальцем её владельца.

— Меня, итак, ожидает вечер, обещающий довольно много влаги, — объяснил он. — Ужин у «Романова» с руководством компании.

— У «Романова»? — эхом отозвался Латимер. — Значит, в таком месте, как это, Вы будете иметь удовольствие заложить прочный фундамент, прежде, чем целиком погрузиться в выпивку.

— Именно на это я и надеюсь, — сказал Уэйд. Он поднёс стакан ко рту, понюхал его содержимое, попробовал на вкус и со знанием дела оценил цвет, взболтав содержимое. — Хороший виски, — заметил он. — Я думал, ты предпочитаешь «бурбон».

— У меня всегда было тайное пристрастие к скотчу, — признался Чандлер. — «Талискер». Запомните это название — его открытием я обязан Марлоу, как и многим другим, соединившим воедино составные части моей славы.

— Марлоу? — повторил Уэйд. — По стечению обстоятельств я имел удовольствие встретиться с ним вчера вечером. Кстати, в очень хорошей компании.

— Марлоу не тот человек, который мог бы похвастать своей компанией, — сказал Чандлер.

— Тогда, должно быть, это было исключение. Он был с Велмой Валенто, бывшим секретарём Йенсида Андресса.

— Ах, да. Отдаю ей должное. Она одна из моих соседок здесь, в Ла-Хойе, но она не появляется в этом районе так часто, как хотелось бы. Но мне все равно придется навестить её на днях. Теперь все дела Андресса в руках этой леди, и если у нас нет противоречий в расчётах, то баланс в агентстве всё ещё мою пользу.

— Ты действительно думаешь, что Андресс обанкротился? — спросил Кайзер.

— А почему же тогда я прочёл в «Лос-Анджелес Таймс», что, возможно, это было убийство? — заметил Макс Миллер.

— Это же пресса, — сказал Уэйд. — Сенсации и насилие.

— А смерть Мортон? — ответил Миллер. — Это не сенсация. Это чистое насилие. Я хотел бы знать, какого чёрта.

— Чья смерть? — Чандлер поперхнулся виски. — Это который Мортон?

— Ты не интересуешься новостями, Рэймонд, — объяснил Латимер. — Чарльз Мортон, обозреватель «Таймс». Именно он написал статью, в которой намекал, что дело Андресса, возможно, не было самоубийством.

— Боже мой, Чарльз Мортон, — недоверчиво повторил Чандлер.

— Его застрелили в собственной машине: три выстрела в живот и один в голову. Об этом писали в сегодняшних газетах. Практически вся первая страница «Таймс» посвящена этому.

— Ну, и скажите мне, разве это не бесполезная сенсация, — повторил Уэйд. — Зачем нам тыкать этим в лицо? Проблема в том, как они относятся к новостям; можно было бы обращаться со всем этим более осторожно.

— Как в кино, — саркастически заметил Роланд Кайзер. — Зачем все эти жестокие сцены? Да затем, что насилие хорошо продается, вотзачем.

— Но в фильмах всё выдуманно, — возразил Уэйд. — Точнее, они, это способ подавления реального насилия. Мы убираем его из реальности и заворачиваем в целлулоид. И поэтому оно становится безвредным. Мы работаем со специалистами по работе с аудиторией — психологами, социологами... мы ничего не выпускаем просто так.

— И маркетологами, — добавил Кайзер в этот список.

— И специалистами по маркетингу тоже, конечно. Это вполне логично. Я не могу представить себе современную компанию, которая не провела бы тщательное изучение своей целевой аудитории перед выпуском нового продукта.

— Тогда давайте договоримся: насилие — это товар, который пользуется большим спросом.

— Признаю. А разве критики не говорят о чём-то вроде поэзии насилия, когда они говорят о романах, которые вы, джентльмены, пишете?

— Я спрашиваю себя, — вмешался Латимер, — что общего может быть между смертями Мортон и Андресса. Это довольно странно, вам не кажется? Мортон заявляет, что могло иметь место убийство, начинает всё это раскапывать, и от него избавляются. Прежде чем он сможет копнуть ещё глубже.

— Напиши мне об этом сценарий, — предложил Уэйд. — Обещаю, «Фокс» хорошо тебе за это заплатят.

— Не могу в это поверить, — повторил Чандлер из своего собственного запойного, сентиментального мира.

— Тут не из-за чего впадать в депрессию, — поддержал его Миллер. — Мортон был хорошим парнем — его убили. Андресс, по-своему, тоже был не таким уж плохим парнем — покончил с собой. В глубине души, я полагаю, что каждый сам выбирает себе смерть. Это во многом связано со стилем жизни, с родом занятий, деятельностью, интересами, неприятностями и проблемами, в которые вы попадаете. Дело не в том, что я верю в судьбу или древнегреческую трагедию. Но я верю, что, в конечном счёте, каждый сам выбирает, как он собирается устроить свой переход в вечность.

— Чепуха, — сказал Чандлер. — Если уж и есть что-то, во что я абсолютно не верю, так это в глупую сказку о бессмертии души. Не вижу в этом ни малейшей необходимости. Бог, вероятно, определяет, что нужно сохранить, но я, честно говоря, не знаю, что же это такое. Он мог бы даже найти что-нибудь во мне, чувствительном, язвительном и всё более циничном человеке, что-то достойное сохранения — но я понятия не имею, что именно. Поэтому я предпочитаю постоянно находиться в состоянии алкогольного опьянения. Это лучшая форма самосохранения, которую я могу придумать.

— У тебя не может быть чётких мыслей по этому вопросу, когда ты так скептически настроен и подавлен, как сейчас, — сказал Латимер.

— Ба, да что я говорю. Зачем человек работает? Ради денег? Да, но в чисто негативном смысле. Даже без небольшого количества денег ничего невозможно, но как только они у вас появляются (и я не имею в виду состояние, всего несколько тысяч в год), вы садитесь, чтобы пересчитать их и спросить себя, на что или как вы хотите их потратить. И с каждой приобретённой вещью исчезает одна из причин что-либо ещё желать. Когда-то давно я хотел стать великим писателем. Затем я понял, что, если бы Господь хотел сделать из меня великого писателя, он не позволил бы мне потратить двадцать драгоценных лет моей жизни, просиживая штаны в офисе. Есть вещи, которые мне нравятся в том, чтобы быть писателем, но на самом деле, это занятие для одиноких и непонятых. Лично я предпочёл бы стать адвокатом или даже актером.

— Перестань, ты хороший писатель, и ты это знаешь, — сказал Роланд Кайзер. — Оставь жалобы нам, выдающимся, но пока ещё неизвестным: Латимеру, Максусу, мне. Сотни тысяч твоих книг издаются здесь, в Англии... тебя переводят на другие языки. Ты так же хорошо известен, как Хемингуэй или любой из так называемых «великих». Только некоторым из вас дают Нобелевскую премию, а не кому-то другому. Ну, авторы детективов обычно не являются кандидатами на Нобелевскую премию; надо написать об одной из мировых войн или, по крайней мере, о чём-нибудь менее эпичном, таком, как война в Испании. Это настолько красочно и показушно, что всё, что вы об этом напишете, приобретёт огромное значение.

— Или о старике, который отправляется ловить рыбу, а весь его улов съедают акулы. Это не так помпезно, но в этом есть какое-то величие, — сказал Латимер.

— Одиночество, — подтвердил Миллер. — Одиночество и борьба за выживание — вот как можно достичь самого края человеческого существования, поэтому то, что вы пишете, достигает своего рода максимального смысла. Это, как если бы вы дали читателю набор

ключей, ключей к самосознанию — к пониманию себя, человечества в целом, самой сути жизни, как мы её осознаём.

— Детективный роман достигает того же самого, — вмешался Уэйд, — и, по моему мнению, у него гораздо больше читателей, чем у книг, за которые обычно получают Нобелевские премии. То же самое происходит с фильмами, если можно выразиться о них в подобном ключе. На данный момент, кино является единственной истинной формой массового искусства. Одна-единственная картина, показанная одновременно по всей стране, достигнет большей аудитории, чем десять или двадцать первоклассных романов. Но всё ещё нет Нобелевской премии по кинематографу. Хотя, конечно, у нас есть «Оскар». Мало-помалу он завоёвывает авторитет.

-Нобель, ба, — проворчал Чандлер. Он воспользовался кратким приступом ярости, чтобы наполнить все стаканы до краев, несмотря на предупреждающий, хотя и запоздавший, указательный палец Уэйда. — Я не раз спрашивал себя, хочу ли я получить ещё одну Нобелевскую премию для Соединенных Штатов. Честно говоря, нет — это слишком много забот. Надо ехать в Швецию, принарядиться, произнести речь. Стоит ли Нобелевская премия всего этого? Чёрт, нет. Её дают слишком многим посредственностям, чтобы я был от неё в восторге. И потом, это разделение романов на детективные и серьёзные заставляет меня страдать так же сильно, как корь. Например, есть книга Хэйкрафта «Искусство детектива». Сборник статей, считающихся критикой детективного романа. Они все такие посредственные! Всё построено на основе заниженных ценностей, критики поспешно исключают детектив из литературы, опасаясь, что авторы детективов станут считать их крупной прозой. Это результат упадка классики, своего рода сужение интеллектуального видения, которому не хватает исторической перспективы. Некоторые постоянно делают предложения таким писателям, как я: «Вы так хорошо пишете — почему бы вам не попробовать написать серьёзный роман?» То есть роман, написанный таким автором, как Маркванд⁵³ или Бетти Смит⁵⁴. Они, вероятно, почувствовали бы себя оскорбленными, если бы я сказал им, что эстетическая разница, если она действительно существует, между хорошим детективным романом и лучшим серьёзным романом последних десяти лет вряд ли может быть измерена той же шкалой, которой измеряется разница между серьёзным романом и любым из произведений четвёртого века до нашей эры: любой древней одой Пиндара, Горация или Сафо, любым древним софокловским хором, — да что ни назови. Не может быть искусства без популярного вкуса, и не может быть популярного вкуса без единого чувства стиля и качества. Любопытно, что это чувство стиля имеет так мало общего с утонченностью или даже человечностью. Оно может существовать в эпоху Милтона Берла, Маргарет Макбрайд, клуба «Книга месяца», изданий Хёрста и автоматов с «кока-колой». Вы не сможете создать искусство, даже, если попытаетесь, подчиняясь строгим правилам, придираясь к мелочам, используя метод Флобера. Оно создаётся довольно легко, почти случайно, и без того, чтобы специально готовить к этому ваше сознание. Вы не можете писать только потому, что прочитали все-все-все книги.

— Обо всём и сразу, — ответил Латимер. — Но я склонен согласиться почти со всем из этого.

— Возможно, — возразил Миллер, — но нельзя упомянуть Маркванд и Бетти Смит и намеренно опустить таких писателей, как Хемингуэй, Фолкнер или Скотт Фицджеральд.

⁵³ Джон Филлипс Маркванд (*англ.* John Phillips Marquand, 1893 — 1960) — американский писатель, обладатель Пулитцеровской премии в 1938 году за свою книгу «Покойный Джордж Эпли».

⁵⁴ Бетти Смит (*англ.* Betty Smith, урожденная Элизабет Лилиан Венер, *англ.* Elisabeth Lillian Wehner; 1896 – 1972) — американская писательница, наиболее известная своей книгой-бестселлером 1943 года «Дерево растет в Бруклине».

— Чёрт возьми, я не забыл никого из них, — запротестовал Чандлер. — Примерно в 1932 году я написал рассказ, который озаглавил, во втором варианте, «Солнце тоже чихает», чтобы выразить своё восхищение практически созвучным романом Хемингуэя; и на случай, если возникнут какие-либо сомнения, я посвятил его, без веской причины, человеку, которого я считал лучшим американским романистом того периода.

— На мой взгляд, критики всегда стремятся установить обратно пропорциональную зависимость между количеством читателей книги и ее литературной ценностью, — сказал Уэйд. — Это элитарная концепция литературы, свидетельством которой является презрение, которое в глубине души критик, относящий себя к элите, испытывает к массам, к широкой публике. Что ж, исходя из здравого смысла, кинобизнесу пришлось пересмотреть это традиционное воззрение. Кино — это искусство, но это также и индустрия, а индустрия нуждается в публике, потребителях. И мы приходим к удивительному выводу, что фильмы, которые имели больший успех, не обязательно были самыми заурядными — теми, которые привлекают так называемые широкие массы; большую часть выгоды мы получили от высококачественных фильмов. Почему, то же самое, не может произойти с литературой?

— На самом деле так оно и есть, — поддержал Латимер. — Я сомневаюсь, что у любого посредственного писателя в этой стране больше читателей, чем у Хемингуэя, Фицджеральда или Дос Пассоса. Я исключаю Фолкнера, потому что знаю, что с ним не всё так однозначно. И так же с Рэймондом, как в своё время с Дэшилом Хэмметом. Это жанровые детективные авторы, но по сути они просто хорошие писатели; вот почему люди их читают, и ни по какой иной причине.

— Возможно, вы правы, в том, что касается публики, — согласился Чандлер. — Но не в том, что касается критиков. Ни здесь, ни в Англии не было ни малейшего критического признания того, что в лучших образцах детектива больше искусства, чем во многих толстых томах исторической художественной литературы или в глупости, называемой «социальным романом». Ещё предстоит хорошо изучить психологическую основу той огромной популярности, которой пользуются романы об убийствах, преступлениях или тайнах среди людей всех классов. Было несколько поверхностных или несерьёзных попыток, но никакого тщательного исследования. Жанр предлагает гораздо больше, чем думают даже те, кто им пытается его изучать. Полагают, и совершенно ошибочно, что, поскольку романы об убийствах легко читаются, то они поверхностны. Я не думаю, что их легче читать, чем «Гамлета», «Короля Лира» или «Макбет», в которых, кстати, тоже много тайн и ни одно убийство. Современный полицейский роман граничит с трагедией, и все же он никогда не бывает полностью трагичным. Его форма накладывает определенную ясность структуры, которая встречается только в самых совершенных книгах, называемых «великими романами». И в самом деле, большая часть всеобщей литературы, так или иначе, имеет дело с насильственной смертью. Если бы вы спросили меня, что это значит, я бы сказал, что это неизбежный отпечаток культуры, подобной нашей; очень возможно, что напряжение в романе об убийстве обеспечивает простейшую и, тем не менее, наиболее полную модель напряжения, которую мы переживаем в этом поколении.

— Звучит убедительно, — ответил Роланд Кайзер. — Мы живем в культуре насилия и террора — это неоспоримо. Особенно в таком обществе, как наше. Хороший детективный роман, вне всякого сомнения, отражает это; твои романы содержат сущность Лос-Анджелеса и сущность штата Калифорния, и в некотором смысле они также отражают сущность Соединенных Штатов. Однако я не совсем согласен с тем, что ты только что сказал о социальном содержании романа. В твоих романах оно есть, хотя, возможно, ты и не собирался им его придавать, и, возможно, именно поэтому оно там и появилось. Поскольку твои сочинения не содержат никаких прямых обвинений, подразумеваемые обвинения приобретают большую силу и объективность.

— Согласен, — добавил Макс Миллер. — Вероятно, самая большая разница между тем, что критики называют серьезной литературой, и популярным романом — это вопрос языка — тех усилий, которые автор прилагает, чтобы отполировать его.

— Возможно, — согласился Чандлер. — Тем не менее, для меня любой язык начинается с разговорного, а точнее со слов, употребляемых обычным человеком. Любой язык начинается с речи, причём, это речь обычных людей, и, когда он развивается до такой степени, что становится литературным, он продолжает выглядеть как речь. Вот почему я не устаю восхвалять то, что сделал Дэшил Хэммет. Стиль Хэммета в его худшие моменты был таким же формальным, как на страницах «Мариуса Эпикурейского»⁵⁵ в его лучших фрагментах. Что сделал Хэммет, так это вытащил убийство из венецианской стеклянной вазы, куда оно было помещено, и швырнул его в подворотню. В английских историях убийство присуще высшему классу, это, что-то вроде приёма по выходным и розария у викария. Хэмметт вернул убийство людям, которые совершают его по какой-то причине, а не только для того, чтобы предоставить автору труп. Он перенёс этих людей на бумагу такими, какие они есть, и заставил их говорить и думать на том языке, которым сейчас пользуются. И это то, чему я у него научился, и то, что я пытаюсь делать в своих книгах.

— Всё это хорошо, — сказал Джонатан Латимер. — Хэмметта чаще всего приводят в пример. Он был хорошим писателем, но слишком быстро выгорел. Есть те, кто думает, что его прикончил алкоголь, а есть те, кто думает, что это был Голливуд. Хэммету больше нечего было рассказать; он распутывал клубок, который так тщательно сматывал за годы, проведённые у Пинкертон. Но однажды проснулся, а от него ничего не осталось. Выпивка пришла позже.

— А почему бы тебе не добавить в свою версию Комитет по расследованию антиамериканской деятельности? — заворчал на него Кайзер. — Пять месяцев в тюрьме и чёрный список в Голливуде тоже могут прикончить писателя — и он был не единственным.

— Карьера Хэммета закончилась ещё до этого. Сенатора Маккарти провоцировала не белая горячка, — а, скорее, связь Хэммета с Коммунистической партией. Как там сказал Макс: каждый сам себе выбирает смерть, а также свой способ сойти со сцены. Дэшил сделал такой выбор. Почему? Я думаю, что это было что-то вроде отчаяния; он знал, что как писатель он кончился, поэтому он хотел дать объяснение: политика, военные подвиги, преследование, тюрьма. Он жил в напряжении, и его имя до сих пор у всех на слуху, но сказать ему больше нечего.

— Я всё же думаю, что в этой стране ФБР достаточно могущественно, чтобы заткнуть вам рот кляпом или с помощью наручников не дать вам пользоваться своими собственными руками, — возразил Кайзер. — Именно так и произошло в этом случае. Хэммет оказался в черном списке; он больше не мог публиковаться или писать для Голливуда. И это стало настоящим концом его карьеры.

— Может вы об этом и не знаете, — сказал Чандлер, — у меня как-то были проблемы с ФБР. Когда-то здесь был ресторан под названием «Плаза», управляющим у них был некто Мо Локк. Я кажется рассказывал тебе эту историю, Родж? — спросил он, обращаясь к Уэйду. — У них был открытый гриль, и не могу сказать, что что там плохо кормили. Так вот, однажды вечером подходит к нашему столику официант и говорит, что джентльмены рядом — это Дж.Эдгар Гувер со своим другом Клайдом Толсоном, и что ему хотелось бы, чтобы я к ним присоединился. Я сказал официанту передать Гуверу, чтобы он отправлялся чёрту. Похоже, тот пришёл в ярость и грозился, что ФБР будет меня преследовать, но думаю, Толсону удалось его угомонить.

⁵⁵ «Марий Эпикурейский: его ощущения и идеи» — исторический и философский роман Уолтера Патера, написанный между 1881 и 1884 годами, опубликованный в 1885 году. События в романе происходят в 161–177 годах нашей эры в Риме.

Раздался смех, и Уэйд сказал, что припоминает рассказ Чандлера об этом происшествии.

— Это просто восхитительно, беседа была одной из интереснейших за последние несколько месяцев, — добавил он. — Но встречу в «Романове» с остальной частью хунты я уже не смогу перенести. Они из тех людей, которые обычно не принимают оправданий. До Голливуда машиной не менее двух часов, так ведь? Откуда эта мания перемещаться всё дальше и дальше на юг, Рэймонд? Еще немного, и ты совсем окажешься на территории Мексики.

— Ба, да дыхание Лос-Анджелеса ощущается здесь всё ещё сильнее, чем дыхание Мексики, — сказал Чандлер. — И это не на пользу. Сан-Диего находится ещё южнее, и, чтобы добраться до границы после него надо будет проделать ещё несколько миль.

— В любом случае, час пик миновал, — заметил Латимер. — В это время проблема при движении на юг из Лос-Анджелеса. Но если ты с приличной скоростью двинешь по Прибрежному шоссе, то сможешь добраться до Голливуда чуть больше чем за час.

Уэйд допил и встал.

— Слушай, Рэймонд, — сказал он. — Перед тем, как я уйду, хотелось бы с глазу на глаз обсудить с тобой одно небольшое дельце. Вы ведь не обидитесь, джентльмены? — добавил он с улыбкой, обращаясь к остальным присутствующим. — После стольких лет взаимного доверия у нас с Раймондом не могли не появиться свои маленькие секреты.

— Пойдём, — сказал Чандлер.

Они отправились в одну из двух спален. Чандлер превратил её в кабинет, хотя и оставил здесь гостевую кровать. Во всём сквозило одиночество старого, почти смирившегося с этим, человека. Здесь были письменный стол, библиотечный шкаф с книгами, которыми он ещё пользовался, огромная коллекция трубок и молчаливая пишущая машинка. Окна выходили на пляж, и далекие, размытые сумерки разливали свою ровную шелуху по огромному Тихому океану.

— В чём дело? — спросил Чандлер.

— Это по поводу той случайной встречи, которую я упомянул, — как-то нерешительно ответил Уэйд. — Велма Валенто и Марлоу. Они ужинали у «Люси», а это не совсем то место, куда можно пойти, если хочешь остаться незамеченным. Как думаешь, они старые друзья, или это как-то связано с делом Андресса?

— Что за история с Велмой Валенто? — ответил Чандлер. — Тебя интересует эта дама? Не нужно беспокоиться о Марлоу. Подружки у него никогда надолго не задерживаются.

— Меня интересует Велма, но не так, как ты думаешь. Ничего личного. Я просто беспокоюсь, как бы Марлоу не впутал её куда-нибудь. Вся эта шумиха, поднявшаяся вокруг самоубийства Андресса; теперь ещё с этой смертью пытаются связать убийство Мортон. Латимер не первый парень, от кого я услышал нечто подобное. Из-за Велмы мне всё это не нравится; я знаю, как сильно на неё подействовала эта история с Андрессом.

— Марлоу может помочь отвлечь её от всего этого, — сказал Чандлер. — У него есть свои достоинства, не стоит его недооценивать.

— Думаешь, Марлоу занят делом Андресса?

— Так и есть. А теперь он продолжит с делом Мортон. И в конце концов он всё выяснит. Готов поставить десять к одному на Марлоу.

— Ну, именно так я и думал. Мне бы хотелось что-нибудь предпринять, чтобы вытащить из этого дела Велму Валенто.

— Ты не сможешь вытащить из этого Велму Валенто, — сказал Чандлер. — Она была партнёром Андресса, не так ли? И что бы ни выплыло на свет в этом деле, это так или

иначе скажется на ней. Но на твоём месте я бы не волновался. Пусть Марлоу делает свою работу.

— Мне это не нравится, — задумчиво произнес Уэйд. — Но, может быть, ты и прав. Подводя итог, возможно, мне следует прямо и откровенно поговорить с Велмой?

— И предостеречь её от Марлоу?

— Я этого не говорил. Просто предупредить её, что, если она продолжит участвовать в расследовании, могут всплыть вещи, которые необязательно ей понравятся. Похоже, Андресс имел склонность переходить черту в своих деловых отношениях. Это его и погубило. Теперь агентством руководит Велма, и у неё нет никаких причин рисковать своей профессиональной репутацией из-за каких-либо сомнительных сделок, в которые ввязался её бывший партнёр.

— Я бы заплатил, чтобы узнать, имеешь ли ты ввиду свой предположительный личный интерес к мисс Валенто или выступаешь как представитель «Двадцатый век—Фокс», — язвительно заметил Чандлер.

— «Двадцатый век—Фокс?» — Уэйд презрительно отнёс это предположение. — Компания ничего не теряет на этом. Андресс — неудачник; ему было что терять, помимо жизни. Его репутация, то, что он пытался спасти своим самоубийством, — это всё, что от него осталось. Я бы хотел убрать Велму с дороги надвигающегося прилива, но с Марлоу в игре это чертовски сложно. — Уэйд подошел к окну и вдруг обернулся. — Послушай, Рэймонд, почему бы тебе не поговорить с Марлоу? Полагаю, ты всё ещё имеешь на него какое-то влияние?

— И убедить его отказаться от дела?

— Сделать всё, что он сможет, чтобы не впутать в это Велму. Считайте это очень личным одолжением.

Чандлер внимательно посмотрел на человека, стоявшего перед ним. Они были примерно одного возраста и знали друг друга около тринадцати лет. Уэйд, тем не менее, сумел сохранить свою стройную спортивную фигуру с крепко удерживаемым под элегантным тёмным костюмом животом. Его загорелая кожа и белые полосы на висках вполне ему подходили, и он все ещё носил толстые очки с черепаховой оправой, которые всегда придавали ему вид скорее интеллектуала, нежели администратора. Чандлер осознал собственное бессилие, то, как он позволил себе распуститься, и то неисправимое благодущие, с которым он воспринимал последние события в своей жизни. Он смирился с тем, что состарится и подготовит свой незаметный уход со сцены, в то время как Уэйд всё ещё оставался в гуще событий, переполненный энергией, такой же агрессивный и амбициозный, каким он был, когда Чандлер встретил его более десяти лет назад. Уэйд поднялся почти на самую вершину, теперь он был ключевым человеком в «Двадцатый век—Фокс», одним из руководителей студии с почти неограниченными возможностями, такими, которые могли бы в первую очередь заставить его ненавидеть свою работу в кино. Неужели можно было действительно поверить, что этот зрелый, холодный, умелый и расчётливый человек мог так по-юношески увлечься Велмой Валенто, что проделал весь этот путь до Ла-Хойи только для того, чтобы попросить помощи в заступничестве перед Марлоу? Эта гипотеза вдруг показалась ему настолько нелепой и невообразимой, что от всей этой картины его затошнило.

— Вам не приходило в голову, что Марлоу, вероятно, работает не на кого иного, как на вашу любимую мисс Валенто? — сказал он наконец, выбрав на столе трубку и спокойно начав её набивать. — Кто ещё мог быть заинтересован в том, чтобы воспользоваться его услугами? Марлоу для работы нужен клиент, а бывший партнер Андресса, вероятно, более всего заинтересована в выяснении фактов. Особенно если это самоубийство окажется

таким же невероятным, как и всё, что выплывет на свет. Разве нельзя рассматривать это более или менее так?

— Велма воспользовалась услугами Марлоу? Нет, честно говоря, мне так не кажется. Вне всякого сомнения, кто-то втянул в это дело Марлоу, но Велма не его клиентка. Скорее всего, я бы сказал, что она его пленница, очень ценная пленница в этих голливудских джунглях. — Уэйд быстро взглянул на часы. — Ну, я должен заставить себя уйти. Значит, ты не окажешь мне этого одолжения?

— Я могу поговорить с Марлоу. Но не обещаю, что смогу его в чём-нибудь убедить.

— На данный момент придётся согласиться и на это. Будешь держать меня в курсе?

— Если ты будешь рядом с телефоном.

— Тебе не составит труда меня найти.

Они вернулись в гостиную. Латимер, Кайзер и Миллер уже собрались. Из окна второго этажа Чандлер наблюдал, как мужчины исчезали в своих машинах и растворялись в пустынной ночи. Он терпеть не мог Ла-Хойю. В ней не было шума, движения, ярких огней и блеска Лос-Анджелеса или Голливуда, и в то же время он не был достаточно изолирован, чтобы можно было насладиться одиночеством и полностью погрузиться в свой новый роман. Он подумал о том бунгало в Биг-Бэр-Лэйк, недалеко от озера Эрроухед, абсолютно первозданном месте, затерянном в горах Сан-Бернардино, где какое-то время он считал себя счастливым без кого бы то ни было, кроме Сисси. Да, было бы неплохо туда вернуться и остаться там на несколько недель. На столько, чтобы закончить ещё одну книгу, возможно, последнюю. И чтобы быть уверенным, что никто не поднимет шумиху, если он раз и навсегда решит завязать с тем, что ведёт нас по этому самому пути до самого конца. Какие тут могут быть сомнения? Три вещи были нужны ему больше всего: ещё один роман; беспробудная, бесконечная пьянка; и безмерное уединение, в которое никто не сможет вторгнуться навсегда или, которое не сможет нарушать время от времени.

► **8:11 вечера. Управление полиции Лос-Анджелеса.** Сразу после восьми часов лейтенант Налти прибыл в Отдел по расследованию убийств Управления полиции Лос-Анджелеса. Уже несколько лет оно занимало одни и те же помещения на первом этаже мэрии. Внешнее помещение было около двадцати квадратных ярдов, но Управление никогда не переставало расти. Пол был покрыт коричневым линолеумом, а деревянные перила разделяли офис пополам. Внутри находились большой пустой стол, по краям опалённый бесчисленными сигаретными шрамами, полдюжины потрёпанных дубовых стульев, телефон и около пятнадцати человек в штатском. Они тут сидели, смотрели телевизор или слушали радио, когда не были особо ничем заняты. Почти все они покупали свои костюмы в таких местах, как «Харт Шаффнер Маркс»⁵⁶, много курили, не имея в наличии достаточного количества пепельниц. Время от времени какой-нибудь мальчишка размахивал веником, чтобы смести с пола спички. Управление очень тщательно подбирало себе людей. В целом они были по меньшей мере шести футов⁵⁷ ростом; они выглядели суровыми, но вели себя грубо или невежливо только тогда, когда их к этому вынуждали обстоятельства. Налти поприветствовал их как обычно ни к кому конкретно не обращаясь, и получил несколько рассеянных ответов. Это был совсем не эсхилловский хор, но он и не ожидал его услышать. Он пересёк комнату и остановился перед дверью с большим окном из зеленого стекла. Постучать он не потрудился. Капитан Тэд Браун сидел в своем вращающемся кресле с изъеденным молью подголовником, перед покрытым стеклом столом с двумя телефонами. Инспектор Макги тоже был тут. Его стол находился чуть в

⁵⁶ Американский производитель мужской одежды, основанный в 1887 году.

⁵⁷ Около 180 см.

стороне, ближе к двери. В глубине, наполовину скрытая перегородкой из дерева и стекла, непрерывно печатала секретарша с неестественно оранжевыми волосами, совершенно не обращая внимания на происходящее в комнате до тех пор, пока не упоминалось её имя. Так же тут стояли две зеленых металлических картотеки, стенной шкаф, вешалка, на которой висели пальто капитана и инспектора, и пара деревянных стульев без подлокотников. Налти подтащил один из них к столу Тэда Брауна и опустил в него свой вес в двести двадцать фунтов⁵⁸, отчего дерево издало скрип.

— Вот наши клиенты, — сказал он, бросая на стекло две белые картонные папки. На правом верхнем углу каждой была прикреплена двойная фотография, анфас и профиль.

Налти пригладил волосы жестом, в котором были то ли усталость, то ли отвращение. Капитан Браун взял папки и начал их просматривать. Макги подошёл и заглянул через плечо своего начальника.

— Стив Скалла, он же Лу Лид, и Аризмян Сукесян, армянин, натурализован, он же Муз⁵⁹ Магун, — прочитал Тэд Браун. — Л. Л. и М. М.— нельзя сказать, что мальчики без воображения. В их досье достаточно, чтобы написать двухтомную биографию. — Он взглянул на Налти. — Уверен, что это те самые люди?

— Как я могу быть в чём-то уверен? Меня не было там, когда понаделали дыр в Мортоне. Эти персонажи с похорон Андресса — допускаю десятипроцентную погрешность. Воротники плащей у них были подняты, а шляпы надвинуты. Но этот, Скалла, по описанию, ростом шесть футов шесть дюймов⁶⁰; что соответствует парню, которого я видел. Более того, это был не первый раз, когда я мне удалось видеть их изящно топорные лица. Где-то прозвонил колокольчик. Я отправился в картотеку, провёл там довольно много времени, и они проявились.

— А почему ты думаешь, что на кладбище они следили за Мортонем? — спросил Макги.

— Они точно пришли туда не молиться. Потом Марлоу подтвердил, что кто-то следил за ними — сначала за ним, потом за Мортонем.

— А машина?

— Марлоу думает, что это был седан «плимут» — серый, может быть, коричневый. Он видел его только в темноте. Не смог разглядеть номера или что-то ещё.

— Великолепно, — хмыкнул Макги. — Всё, что мы можем сделать, это поставить блокпосты на всех выездах из Лос-Анджелеса и нескольких особенно вонючих пригородов и останавливать каждый серый или коричневый «плимут», выпущенный, скажем, в последние пять-десять лет. И вежливо спрашивать всех, кто внутри, не зовут ли их случайно... — как их там? — он наклонился, чтобы прочитать, — мистер Скалла или мистер Сукесян, хотя друзья, возможно, окрестили их более живописными прозвищами. И присутствовали ли они на похоронах Йенсида Андресса, и не питали ли они случайно какую-то особую неприязнь к репортёру по имени Чарльз Мортон. Ты представляешь себе это более или менее так, Налти?

— Эти двое уже далеко за пределами нашей юрисдикции, — безмятежно сказал Тэд Браун. — Если они охотились за Мортонем, то они с этим уже закончили. Я знаю, как работают эти люди: они делают свою работу, а потом заметают следы. — Он просмотрел данные, имеющиеся в каждой папке. — Им предъявлены обвинения в Неваде, Колорадо, Аризоне, Иллинойсе и Мичигане. Теперь они засветились в Калифорнии, по крайней мере, их впервые тут заметили. Это дело ФБР. Я не думаю, что нам следует вплотную заняться этим делом.

⁵⁸ Около 90 кг.

⁵⁹ Moose — *англ.* лось

⁶⁰ Около 195 см.

- Почему Вы думаете, что их дела в Лос-Анджелесе закончены? — спросил Налти.
- А почему ты думаешь, что нет? — ответил Браун.
- Эти люди — наёмные убийцы. Их первым заданием, вероятно, был Адресс; Мортон начал копать это дело, и им пришлось избавиться от него. Они будут продолжать продлевать свой контракт до тех пор, пока вокруг не останется ни одного заблудившегося бойскаута, который решил бы заняться расследованием.
- А кто продлевает их контракт? — спросил Макги.
- Думаю, это то, что мы обнаружим в самом конце клубка, — сказал Налти. У нас на руках сейчас его другой конец. Чтобы выяснить всё, мы должны распутать весь клубок. Три дня назад мы вслепую занимались делом Адресса. Теперь, по крайней мере, мы знаем, с чего начать.
- Предположим, что мы так и поступим. Кто другие бойскауты в этой путанице?
- Самый очевидный — Марлоу. Я не знаю, работает ли он на кого-то, но дело Мортон превратилось для него в нечто личное. Кроме того, есть некая мисс Валенто и бывшая жена Андерса. По разным причинам обе могут быть заинтересованы в том, чтобы было доказано, что смерть Адресса была убийством, а не самоубийством.
- Вдова Адресса всё ещё здесь? — спросил Тэд Браун.
- Она остановилась в отеле «Рузвельт», — сказал Налти.
- Хорошо, давайте будем держать обоих под наблюдением. Что касается Марлоу, мы должны заставить его сидеть смирно. У меня нет желания разбрасываться из-за него людьми. У этого человека муравьи в штанах. Налти, убедил его оставить это дело нам.
- Я уже попытался, — ответил Налти. — Но, честно говоря, я не думаю, что далеко продвинулся. С другой стороны, Тэд, я думаю, что Марлоу сможет нас к ним привести. Как только он сделает первый шаг, эти две собаки бросятся по его следу. И это может стать нашим шансом.
- Вот именно. А я не хочу больше никаких убийств в этом деле. — Тэд Браун вынес приговор сухим голосом. — Двух смертей более чем достаточно, чтобы всё усложнить. Макги, — добавил он, оглядываясь через левое плечо, — пусть за Марлоу незаметно следят; ведите за ним круглосуточное наблюдение. И вдруг запахнет жареным, долго не размышляйте. С такими людьми не стоит терять времени.
- Но если мы избавимся от них, мы также перережем нить клубка, — заметил Налти.
- А ты думаешь, что сможешь добраться до другого конца? Не будь наивным, Налти. — Капитан развернулся в кресле на сорок пять градусов, откинулся на спинку и принялся набивать трубку. — Должно быть, между этими двумя мясниками и человеком на вершине горы, вероятно, существует бесконечное число посредников. Эти люди, знаете ли, не встречаются для переговоров за столом. И они, вероятно, не имеют ни малейшего представления, на кого работают. Какой-то безымянный приспешник, который на подхвате, встречается с ними в каком-то хорошо подобранном и никогда не повторяющемся месте. Они забирают заранее оговоренную сумму, получают новые инструкции, если это необходимо, и проваливают. И они даже не знают, кто их вызвал, и у них нет способа это выяснить.
- Я только хочу сказать, что одно приведёт нас к другому, — настаивал Налти. — Если мы будем ухватимся за один из концов, то сможем добраться до следующего звена. И как только у нас появится следующее звено...
- Кто-нибудь обязательно перережет эту цепочку, — сухо заметил Тэд Браун. — Это будет какой-нибудь почтенный представитель штата Калифорния — старший мэ, муниципальный Совет, Торговая палата, судья, сам окружной прокурор или какая-нибудь

корпорация. — Он нетерпеливым жестом протянул Макги папки. — Давайте покончим с этим делом. Андресс был не простым человеком, и весь этот комплект пахнет довольно скверно, да ещё и довольно велик. Это не моя работа. Пусть об этом позаботится окружной прокурор, если у него хватит смелости. У нас на руках два убийства и опознанные убийцы. Сделайте пятьдесят копий этих снимков, — приказал он Макги. — Двадцать четыре часа в сутки охраняйте мисс Валенто, и то же самое касается вдовы Андресса. А ты, Налти, к Марлоу. И хоть немного попытайтесь разузнать в городе. У этих двоих должны быть какие-то связи с местными. Не думаю, что они остановились в «Рузвельте» или «Шератоне». Кто-то должен был их устроить. Если они всё ещё в нашей юрисдикции, мы их найдем. А если нет, то будем надеяться, что ты, Налти, прав и они заглотят наживку. Если понадобится, предупредите Марлоу.

— Если я хоть немного засвечусь, мы потеряем их всех, — проворчал Налти. — Сначала Марлоу, а потом и нашу парочку.

— Очень хорошо, оставляю это на твоё усмотрение. Но вся ответственность за всё, что произойдёт, ложится на тебя. Больше никаких убийств. — Он пристально посмотрел на лицо Налти. — И никакой с ними нерешительности.

Налти распрямылся с видимым раздражением.

— Понятно. Это всё?

— Это всё. Возьми пару человек на своё усмотрение. А ты, Макги, начинай с двойным усердием разгребать городскую помойку.

► **8:50 вечера. Брентвуд Хейтс.** В гостиной зазвонил телефон. Пять, восемь, десять звонков. Потом он замолчал и снова зазвонил. Я вскочил с кровати и босиком пересёк спальню.

— Марлоу, — ответил я.

— Наконец-то я нашла Вас, мистер Марлоу. Почему Вы не связались со мной? — Это был голос Джесси Флориан. — Я прочла ужасные новости о вашем друге Мортоне. Как Вы думаете, кто бы это мог быть? Почему именно он?

Я пытался изгнать из головы туман сна. Темнота смягчала очертания предметов. Мне удалось включить лампу.

— Послушайте, мисс Флориан, сразу слишком много вопросов. Мы в своё время обо всём поговорим.

— Я в ужасе, — призналась она, и я услышал в её голосе трогательную нотку искренности.

— Я надеялась получить от Вас какие-нибудь известия вскоре после нашей вчерашней встречи, а вместо этого эти ужасные новости в газетах. Как Вы думаете, его смерть как-то связана с гибелью Йенсида?

— Я же сказал, поговорим об этом позже. Где Вы сейчас? В «Рузвельте»?

— Да. И мне срочно надо с Вами поговорить. Я получила телеграмму от своего сына, Терри. Он будет в Лос-Анджелесе сегодня вечером.

— Сегодня вечером?

— Рейс 632 TWA⁶¹. Я только что позвонила в аэропорт. Он ожидается в десять сорок пять.

— Отлично. Что Вы хотите, чтобы я сделал?

— Вы собираетесь заняться делом моего мужа или нет? Я всё ещё жду Вашего ответа. Я даже весь день не покидала отель, потому что ждала Вашего звонка.

⁶¹ Trans World Airlines (TWA) — американская авиакомпания, основанная в 1925 году

— Это нам также надо обсудить. На самом деле я уже работаю над этим делом. Но не знаю, хочу ли я заниматься этим для Вас — на основе тех предположений, которые Вы вчера сделали. Я не собираюсь рассматривать возможную роль мисс Валенто. Я считаю её вне всяких подозрений. У меня другая версия. Если Вы готовы это принять, то мы можем обсудить этот вопрос ещё раз.

На другом конце провода воцарилось короткое молчание.

— Понимаю. Возможно, вчера я погорячилась. У ещё есть сомнения по поводу участия миссис Грейл и её роли в этом деле, но то, что случилось с Вашим другом, заставило меня всё обдумать. Я знаю, что эти две смерти связаны. Скажите мне, мистер Марлоу. Я начинаю бояться. Мне нужна Ваша защита. Я готова нанять Вас хотя бы для того, чтобы обеспечить мне хоть какую-то защиту, пока нахожусь в Лос-Анджелесе. Вас устроит такая договорённость?

— К сожалению, нет, — ответил я. — Я не телохранитель. Могу порекомендовать кого-нибудь, если Вы считаете это необходимым. Мне же потребуется полная свобода действий.

— Не смогли бы Вы хотя бы поехать со мной в аэропорт, чтобы встретить сына? Я не хочу покидать отель одна.

Я взглянул на часы.

— Вы сказали, в десять сорок пять?

— Да. Рейс TWA из Нью-Йорка.”

— Отлично. Я заеду за Вами в отель в десять. У нас будет достаточно времени, чтобы добраться до аэропорта.

— До этого момента я с места не сдвинусь.

Я повесил трубку и вернулся в спальню; я спал примерно с двух часов дня и все ещё чувствовал себя не в своей тарелке. Прошлой ночью ни мне, ни Вельме не удалось сомкнуть глаз почти до рассвета. Я восстанавливал фрагменты той нашинкованной на эпизоды ночи — казавшуюся нереальной сцену на парковке «Таймс», нашу поездку обратно в тот дом в Ла-Хойе позже, когда мы оба погрузились в размышления и напряженное молчание, которым мы, казалось, общались. Мы допоздна пили, и к тому времени, когда мы похоронили себя в постели, вся страсть улетучилась через поры наших тел, а может с нашими очищающими алкогольными признаниями, в которых вереницы слов следовали почти также произвольно, как в какой-то неуверенной, расплывчатой религиозной декламации. Когда около полудня я ушёл, Велма всё еще крепко спала. Под телефоном на прикроватном столике я оставил записку, в которой говорилось, что позвоню ей днём, или она может позвонить мне, и отправился домой, чтобы привести свои мысли в порядок, принять тот факт, что Мортон был убит, и я уже не могу рассчитывать на то, что мы выпьем в каком-нибудь ночном клубе Санта-Моники, когда оба будем одиноки и подавлены. И вдобавок ко всему, я должен был решить, куда двигаться дальше. Смерть Чарльза имела первостепенное значение, но я был более чем когда-либо убежден, что его смерть и дело Андресса поведут меня по одному и тому же пути. Я вспомнил беспокойство и шумную пустоту, которые почувствовал по прибытии в квартиру; как я закурил последнюю сигарету «кэмел», оказавшуюся в помятой пачке, которую нащупал в кармане, затем разделся и бросился в постель. Горькая тоска пронзила меня и всколыхнула образы, похороненные где-то глубоко в моём подсознании, в самых глубинах моего мозга, отбросив меня назад во времени к границам моего собственного существования и за его пределы, во мглу какой-то примитивной формы жизни, находящейся в зародыше, первого глухого и слепого пробуждения человеческого рода, борющегося с природой за выживание. Когда я проснулся, мой разум всё ещё был

переполнен тревожными образами сновидений. Требовался горячий душ, чтобы дать им исчезнуть. Я снова взглянул на часы. Велма говорила мне, что собирается вечером с миссис Прендергаст просмотреть кое-какие документы, но я должен был немедленно ехать, если мы хотим успеть к самолету. Так что с этим придётся обождать.

Шетланд-Лейн. На улице было припарковано несколько машин. «Триумф» стоял в направлении бульвара Сансет. Я устроился за рулём и завёл мотор. Включил габаритные огни и позволил мотору несколько минут прогреться, не сводя глаз с зеркала заднего вида. Ни одна из фар припаркованных машин не загорелась. Ничто не сдвинулось с места. Затем со стороны Brentwood-Hights ко мне приблизился автомобиль. Я отпрянул от окна и замер. Это был не тот «плимут» — когда он пронёсся мимо, я мельком заметил на пассажирском сиденье платиновый результат воздействия осветителя на длинные волосы. Я отъехал от тротуара, свернул с Сансет на юг и помчался в сторону центра.

Джесси Флориан была всё ещё в своём номере. В холле она оказалась через пять минут.

— Слава Богу, — сказала она. — Не знаю почему, но я думала, что Вы не сдержите своего обещания.

— Почему? — спросил я.

— Вы не испытываете ко мне особой симпатии, так ведь, мистер Марлоу? — просто сказала она.

— Почему Вы так решили? — спросил я. — Я не из тех, кого называют выставяющим свои чувства напоказ. В любом случае, если мы собираемся обсудить личное отношение друг к другу, то лучше делать это по дороге в аэропорт.

Швейцар открыл дверцу машины, и это означало пятьдесят центов чаевых. У нас были вполне достаточные сорок минут до прибытия рейса, времени вполне хватало. Вечернее движение было довольно интенсивным. Я поехал на Франклин-авеню, свернул на Спринг-стрит в нескольких ярдах от Шато-Берси и погрузился в трехполосную волну, движущуюся по бульвару Сансет на север. Я ощупал карманы и обнаружил, что забыл купить новую пачку «кэмела». Джесси Флориан предложила мне одну из своих сигарет. Никто из нас не нарушал напряженного молчания.

— Сегодня днем мне неожиданно позвонили, — наконец сказала она. — Это ещё одно, о чём я хотела с Вами поговорить.

— Ваш сын? — предположил я.

— Нет, Терри телеграфировал мне из Лондона. Это было вчера вечером, и к тому времени он уже был на пути в Нью-Йорк. Я подумала, что он мог позвонить мне оттуда, но думаю, что ему сразу же надо было связаться с TWA. Вероятно, у него не было времени.

— Догадываетесь, как его нашли?

— Всё, что я знаю, это то, что он написал в телеграмме. Она у меня с собой, в сумочке, если Вам интересно.

— В этом нет необходимости. Через час я смогу с ним поговорить. То есть, если он будет заинтересован в разговоре со мной.

— Он захочет узнать, как умер его отец.

— От кого был телефонный звонок?

— От репортёра из «Лос-Анджелес Таймс». На самом деле, это был ответственный редактор. Некто Старрет. Вы его знаете?

Я кивнул, и она продолжила.

— Он сказал, что хочет поговорить со мной о чём-то, имеющем ко мне отношение. Полагаю, что Ваш друг Чарльз Мортон написал вторую статью о смерти Йенсида до того,

как он... до того, как всё это произошло. Этот мистер Старрет сказал, что Мортон упомянул в этой колонке нечто, косвенно касающееся меня. «Таймс» подумывает опубликовать эту посмертную статью, но сначала он хотел расспросить меня.

— Он сказал Вам, о чём?

— Нет. Мне хотелось лично с ним поговорить. Я сказала ему, что не могу покинуть отель, потому что жду важного телефонного звонка, а у него тоже не было времени приехать в «Рузвельт». Так что он решил, что это не так уж и срочно, и что он свяжется со мной позже. Но так и не перезвонил.

— Эту статью, наверное, уже никогда не опубликуют. Но если Вам интересно, могу рассказать, о чём он хотел с Вами поговорить.

— Пожалуйста.

— О страховом полисе Вашего бывшего мужа. О том, знали ли Вы, что всё ещё являетесь получателем пятидесяти тысяч долларов.

Её губы сжались в невольной усмешке. На несколько секунд она погрузилась в стойкое молчание.

— Что навело Вас на эту увлекательную мысль? — наконец спросила она.

— Я не смогу Вам помочь, если Вы не будете со мной откровенны, — сказал я. — Это одна из причин, по которой Вы не можете стать моим клиентом. Мало того, что у Вас имеются сильные предубеждения относительно мотивов Вашего мужа и людей в его окружении, Вы также о многом держали меня в неведении, мисс Флориан. Могу сообщить Вам точную дату Вашего последнего телефонного звонка из Нью-Йорка в «Дорим», чтобы узнать, остаётся ли страховой полис Андресса всё ещё на Ваше имя. Это необходимо?

Она снова она глубоко задумалась, прежде чем ответить.

— На чьей Вы стороне, мистер Марлоу? — спросила она. — Вы работаете на миссис Грейл?

— Нет, -ответил я.

Мы подъезжали к повороту на аэропорт. Я отпустил педаль газа, включил сигнал поворота и съехал на правую полосу. Мы покинули бульвар, выехав на развязку на красный сигнал светофора⁶², и остановились ещё раз, прежде чем смогли бы пересечь Сансет в сторону океана. Вест-Дохени-драйв представлял собой ожерелье света, извивающееся в ночи. Два или три неоновых скопления мотелей и торговых центров мерцали в темноте, а вдалеке вращающийся прожектор аэропорта периодически пробивался сквозь тонкую завесу моросающего дождя. Я опустил стекло и выбросил догоревший окурок «винстона». Загорелся зелёный свет, и мы проехали к Сансет.

Наконец Джесси Флориан решила ответить на мой вопрос.

— Ну хорошо, я, конечно, звонила в «Дорим» несколько раз, — сказала она. — Но Вы ошибаетесь, считая, что моим мотивом было убедиться, что страховой полис Йенсида всё ещё был выписан на меня. Я просто хотела убедиться, что он указал получателем Терри. Я боялась, что мисс Валенто, как Вы предпочитаете её называть, заодно сумела стать единственным получателем по страховке Йенсида и его завещанию.

Мне стало интересно, сколько истины может содержаться в этой попытке оправдаться.

— Обычно никто не беспокоится о таких вещах, когда они касаются человека, который ещё также относительно молод, как Ваш муж, — заметил я. — У него были все признаки отличного здоровья, и ни у кого не было никаких оснований полагать, что в ближайшем будущем ему может угрожать трагическая кончина.

⁶² В США разрешается поворот направо на красный свет светофора, если нет запрещающего знака.

— Может, и так, — ответила она. — Но у меня были основания полагать, что Йенсид в любой момент может принять какое-нибудь безрассудное решение. Он мог ему поддаться. Но я тоже не думала, что его жизнь оборвётся вот так внезапно. На самом деле всё очень просто. Я позвонила в «Дорим», потому что у меня не было другого способа узнать, как далеко зашли их отношения с миссис Грейл. Я пыталась поговорить с его адвокатом о завещании, но он отказался мне что-либо сообщить. Он сказал, что может сделать это только с согласия моего бывшего мужа. Само собой разумеется, я не хотела, чтобы Йенсид обо всём этом узнал. Это создало бы между нами ещё большую напряженность.

— Я-то понимаю, — сказал я. — А Вы понимаете, в какое затруднительное положение Вы поставили себя этим своим чрезмерным беспокойством? Кто-нибудь очень подозрительный при желании может счесть Вас подозреваемой в убийстве Вашего мужа.

— Это настолько нелепая идея, что даже в голову не могла мне прийти, — ответила она.

Она нервно достала из сумочки ещё одну сигарету. Я ещё во время нашей первой встречи в «Рузвельте» заметил, что она постоянно курила, когда нервничала. Теперь она была так потрясена, что даже забыла предложить мне. Поэтому я сам попросил её об этом.

— Простите, — сказала она, протягивая пачку «винстон». Я включил электрическую зажигалку на приборной панели; через несколько секунд сработала пружина, и я вытащил её, чтобы прикурить наши сигареты. Джесси Флориан тревожно затаилась и снова яростно выпустила дым. Она не могла решить, куда деть глаза. Очевидно, её несколько не прельщала видимая через лобовое стекло широкоугольная панорама, ночь расширялась, пока не охватила океан где-то вдалеке. От проносившейся за окном вереницы подсвеченных рекламных щитов и плакатов «Кока-Кола», «Пан Америкэн» и «Вестерн Эйрлайнз» могла закружиться голова. «Посадите тигра в свой бак», — неистово предлагала «Эссо».

— Успокойтесь, — сказал я ей. — Я всего лишь указал на простую возможность. Просто чтобы Вы увидели, насколько неправильным может показаться наше собственное отношение к другим. Я не думаю, что Вам есть чего опасаться.

— Я не знала, что Вы также и психолог, — саркастически заметила она.

Я решил оставить это без ответа.

— Это совершенно нелепо, — продолжала она, теперь полностью овладев собой. — Кто может меня подозревать? Не думаю, что местная полиция будет настолько глупа, чтобы тратить на меня время. Они даже со мной не связались. Всё, что их касается, так это, что мои отношения с Йенсидом закончились давным-давно. Я могла бы уже без проблем уехать в Нью-Йорк. Вы знаете, почему я так не поступила.

— Они начнут задавать вопросы, как только узнают о страховке, — сказал я ей. — Но сначала им придётся доказать, что Вашего бывшего действительно убили. Страховая компания «Дорим», с другой стороны, очень даже может Вами заинтересоваться. Как Вам известно, у страховых компаний есть свои собственные следователи. Прежде, чем заплатить по полису, они проиграют все возможные варианты. И поскольку Ваши многократные звонки зарегистрированы в компании, они особо постараются, чтобы известить Вас. Возможно, чтобы заставить Вас обратиться в суд или, по крайней мере, заключить с ними сделку — скажем, на какую-нибудь сумму, далёкую от пятидесяти тысяч. На Вашем месте я бы сразу же обратился к своему адвокату. А если у Вас его нет, обзаведитесь им как можно быстрее.

— Значит, я попала между молотом и наковальней, — с горечью сказала Джесси Флориан. — Если я постараюсь доказать, что мой муж был убит, страховая компания будет развлекаться, изводя меня, а если я этого не сделаю, то ни Терри, ни я никогда не увидим ни цента из этих денег.

— Именно так, если в двух словах, — подтвердил я.

Последнее открытие совсем не помогло успокоить её нервы. Мы тем временем прибыли в аэропорт. Я поискал место на стоянке, поставил машину на свободное место рядом с терминалом, и мы вышли. Я поместил монету в счётчик. Стрелка резко качнулась к концу шкалы и предоставила нам полчаса времени. До истечения этого получаса к нам должен присоединиться Терри. Я взял Джесси Флориан под руку, и мы медленно пошли к терминалу прибытия. Под рукой я чувствовал её напряженное и уязвимое тело.

Оказалось, что рейс TWA задерживался на сорок пять минут из-за незапланированной посадки в Денвере. Мы отправились в кафе. Поскольку я с утра ничего не ел, то взял себе «клубный сэндвич» и пиво. Джесси Флориан не захотела ничего, кроме чашки кофе. Я вспомнил, что у меня кончились сигареты, извинился, подошёл к автомату с сигаретами и взял две пачки «кэмела». Мне пришло в голову, что неплохо было бы попытаться связаться с Велмой. Я набрал номер офиса. Звонок не прошёл. Я попробовал ещё раз. Выглядело так, как будто линия не работает. Я набрал номер оператора, объяснил, что произошло, и попросил её позвонить в Холдейл, 9-5033, Голливуд.

— Простите, сэр, — произнёс женский голос. — Похоже, линия отключена.

Я не мог избавиться от ощущения, что всё это очень странно. Я знал, что Велма отпустила сотрудников до следующего понедельника и что на данный момент офисы агентства официально закрыты. Но Велма и её самый доверенный сотрудник должны были быть в офисе, приводя в порядок дела Андресса. Я не мог придумать никакой логической причины, по которой телефон мог бы быть отключён.

Что-то было не так. Я решил попытаться найти Налти. В Управлении его не было, но в Отделе по расследованию убийств я застал Макги.

— А теперь-то что, Марлоу? — проворчал он с явным раздражением человека, который, несомненно, предпочитал разделять супружеское ложе, нежели работать в ночную смену.

Я вкратце объяснил, что произошло.

— Ты, что думаешь, что мы — телефонная компания? — спросил он. — Могу дать тебе их круглосуточный номер.

— Я не шучу, Макги, — настаивал я. — Вы не хуже меня понимаете, что это может значить. Парней, прикончивших Андресса, может интересовать Велма Валенто, его партнёр, или возможность отыскать в его офисе то, что они не смогли найти в его доме.

Наступила тишина. Макги обдумывал эту возможность.

— Где ты, чёрт возьми, сейчас, Марлоу? — осведомился он.

— В Международном аэропорту Лос-Анджелеса, но пока я не могу никуда уехать. Я с Джесси Флориан, и она тоже не в восторге от одиночества.

— Бывшая жена Андресса?

— Именно.

— Что происходит? Она собирается вернуться в Нью-Йорк?

— Мы ждём её сына.

— Ладно, оставайся на месте. Босс только что распорядился, чтобы Флориан и Валенто находились под круглосуточным наблюдением. Когда ты привезёшь её обратно в «Рузвельт», там будет офицер, который о ней позаботится. А мы пока отправимся взглянуть на агентство. Адрес навскидку вспомнишь?

— Здание «Авенант», угол Вайн и Сансет.

— Вайн и Сансет, записал.

— Могу я позвонить ещё раз, скажем, через полчаса?

— Ты можешь звонить сюда так часто, как тебе заблагорассудится, но это не значит, что кто-то обязательно обратит на тебя внимание, — он повесил трубку, не дожидаясь ответа.

Я вернулся в бар, где меня нетерпеливо поджидала Джесси Флориан.

— Что-то не так? — спросила она.

— Не знаю. В агентстве Адресса отключён телефон. Там могло что-нибудь произойти.

— Вы и о Велме Валенто очень беспокоитесь, так?

— Она тоже замешана в этом деле, — уклончиво ответил я.

Я взглянул на часы: 11:10. Я понял, что мне придется опустить в счётчик ещё одну монету, если только я не хочу получить штрафную квитанцию. Я сказал об этом Джесси Флориан, которая к этому отнеслась более терпимо. Несмотря на поздний час, перед терминалом царил суматоха. Недалеко от того места, где я припарковал «триумф», эвакуатор Управления дорожного движения начал вытаскивать машину с места стоянки. Я положил в счётчик четвертак и подошёл к грузовику.

— Что происходит? — спросил я офицера, который наблюдал за стоянкой.

— Мы отбуксируем эту машину, — ответил он. — Кто-то оставил её здесь прошлой ночью. Иногда так бывает. Люди улетают на день или два и хотят не платить за долгосрочную парковку на стоянке «С». В конечном итоге, это обходится им гораздо дороже.

Я подошёл поближе и увидел, что вся суматоха из-за свинцово-серого четырёхдверного «плимута». На номерах значилось: Невада 6330.

— Говорите, он здесь со вчерашнего вечера? — спросил я.

— Примерно с половины одиннадцатого. Двадцатичетырехчасовой льготный период только что закончился.

Эвакуатор тронулся с места. Я мельком взглянул в окно «плимута». Ничто из увиденного не показалось мне особенно необычным. Машина была тут припаркована примерно через двадцать три минуты после гибели Мортонна. Это могло быть совпадением, но я давно перестал в них верить.

► **11:25 вечера Здание «Авенант»** Машина с воющей сиреной и проблесковыми маячками проехала по бульвару Сансет и резко затормозила перед зданием «Авенант». Макги выскользнул из передней двери, а из задних появились двое полицейских в штатском. Это были лейтенант Мозес Маглашан, мужчина ростом более шести футов⁶³, с твёрдой, как камень, челюстью и жёлтыми рысьими глазами, и очкастый Кристи-Френч, который более походил на бизнесмена, чем на полицейского. Макги толкнул двери из бронзы и стекла. Они были заперты. На чёрной мраморной табличке он обнаружил звонок вызова привратника и продолжал его нажимать, пока из интеркома не донёсся голос.

— Что происходит? — сквозь помехи пробился сердитый мужской голос.

— Полиция, — объявил Макги. — Нам надо войти.

— Сейчас иду, — неохотно ответил голос.

— Открывай.

— Послушайте, у меня есть распоряжение...

— Мне наплевать на твои распоряжения, — отрезал Макги. — Открывай и жди нас на двенадцатом этаже. И принеси ключи от агентства Адресса.

⁶³ Более 180 см.

Дверь загудела и поддалась. Макги и его люди отправились к лифту. Выйдя из него, они прошли по устланному ковром коридору. Управляющий с несчастным лицом уже поджидал их. Ключи оказались лишними. Макги достал отмычку, и дверь в кабинет открылась от лёгкого толчка.

— Что-то произошло? — спросил привратник.

— Вот это мы и должны выяснить, — сказал Макги.

Он нащупал выключатель и включил свет. Выдвинутые металлические ящики картотечного шкафа опасно балансировали навесу. Содержимое почти всех ящиков и лотков для бумаг, со всех восьми столов было вытряхнуто на паркет. Посреди лужи воды лежала фарфоровая ваза, расколотая на две части. То, что когда-то было букетом гладиолусов, теперь украшало в этом помещении эпицентр землетрясения. Из-за стойки администратора торчала пара ног, обутых в туфли на высоких каблуках.

Макги обошёл стол и наклонился. Когда он поднялся, в руке у него была телефонная трубка.

— Провод перерезан, — лаконично сообщил он. Подбородком указал на женщину. — Не думаю, что она мертва. Посмотрите. — Он перешагнул через тело, направляясь в заднюю комнату. Пронёсшийся смерч также привёл в беспорядок безупречный офис, который когда-то был штаб-квартирой Адресса. Картина соскользнула со стены и обнажила сейф. Макги осмотрел его. Нападавшие не смогли его вскрыть. Других жертв тут также не было. Он вернулся в гостиную. Женщина лежала навзничь на столе, на который её положили полицейские.

— У неё на голове шишка, и она в шоковом состоянии, — сообщил детектив Маглашан. — Надо вызвать «скорую помощь».

— Где ближайший телефон? — спросил Макги у привратника.

— Можно позвонить из моей квартиры, — сказал он. Он был бледен, как мертвец и выглядел так, словно вот-вот упадёт в обморок.

— У тебя с собой универсальный ключ? — заметил Макги.

Привратник кивнул.

— Тогда открой следующий офис.

Затем он подошёл к женщине и приказал Кристи-Френчу пойти с привратником и позвонить в больницу.

Двое мужчин покинули кабинет.

— Это серьёзно? — спросил Макги.

— Не думаю, — сказал Маглашан. — Но её хорошо приложили. Она почти без сознания.

— Сходи в другой офис и посмотри, нет ли там чего-нибудь крепкого. Если нет, принеси из ванной стакан воды.

Почти сразу же вернулись Кристи-Френч и привратник.

— Они будут через несколько минут, — сообщил детектив.

Появился Маглашан со стаканом, наполовину наполненным жидкостью медового цвета.

— Что это? — спросил Макги.

— Коньяк. — Он понюхал содержимое стакана. — Думаю, неплохой.

— Усади её на стул, — указал Макги. — Попробуй дать ей немного выпить, но смотри, не напои её. — Он повернулся к привратнику. — Кто это? — спросил он.

— Миссис Прендергаст, секретарша из агентства.

-
- Кто-нибудь ещё здесь работает?
- Не сейчас. После смерти мистера Андресса мисс Валенто отпустила персонал. Полагаю, до понедельника.
- Но миссис Прендергаст тут появлялась?
- Да, она и мисс Валенто. Так, разобраться с самыми неотложными делами.
- За последние несколько дней в агентстве были необычные посетители?
- Не знаю, что Вам и сказать. В рабочее время я нахожусь у главного входа в здание, а большинство приходящих в агентство, пользуются входом с Вайн-стрит.
- И там нет швейцара?
- Нет, сэр. Только у входа с Бульвара.
- Какой номер телефона у мисс Валенто?
- Она живет в Ла-Хойе. Я могу посмотреть в списке у себя квартире.
- Иди и позвони. Если застанешь её, скажи, что ей собирается позвонить инспектор Макги.

Привратник ушёл.

Макги спросил Маглашана:

- Кто был прикреплён к Валенто?
- Гэлбрейт.
- Когда он приступил?
- Около девяти.
- Как с ним связаться?
- Ему приказано звонить в Управление каждый час. Как обычно.
- Кристи, — сказал Макги, — спускайся вниз и жди «скорую». Иначе они не поймут, куда идти.
- Хорошо, босс, — сказал Кристи-Френч.

Макги начал сворачивать сигарету.

- Ну, как она?
- Удалось заставить её проглотить немного алкоголя. Думаю, она всё ещё в шоке, но ставлю голову, что это больше от страха, нежели из-за той штуки у неё на голове.
- Какого чёрта тут можно было искать? — удивился Макги, оглядываясь по сторонам. Он прошёлся вдоль столов и шкафа с папками, и наугад подобрал несколько бумаг, разбросанных по полу. Затем он снова позволил им упасть. — Это явно не деньги, — заявил он. — Им не удалось открыть сейф.
- Должно быть, это случилось днём, — предположил Маглашан. — Иначе они не наткнулись бы на секретаршу.
- И никто по соседству ничего не заметил? — прорычал Макги, оставляя за собой след из пепла. — Похоже, что здесь пронёсся торнадо. Такое может случиться только в Голливуде. Если кто-то услышал, как что-то падает, то, вероятно, просто решили, что здесь снимают кино.

Вернулся привратник, и Макги вопросительно взглянул на него.

- Телефон мисс Валенто не отвечает, — объявил тот дрожащим голосом. Выглядел он так, словно отправлялся на виселицу.
-

— Позвони в Управление и узнай, нет ли чего нового от Гэлбрейта, — сказал Макги Маглашану.

Лейтенант не успел уйти, как вошёл Кристи-Френч в сопровождении двух санитаров с носилками. Один из них пощупал у женщины пульс и осмотрел рану на голове.

— Нам придется забрать её и показать доктору, — предупредил он. — Последствия удара по голове непредсказуемы.

Они уложили женщину на носилки и понесли к лифту. Макги остановил Маглашана.

— Забудь об этом, — сказал он. — Вернёмся в участок. Если появится что-то новое, то мы это быстро узнаем. — Он повернулся к швейцару. — А ты, — добавил он, — запри двери и никого не впускай без разрешения полиции.

Мужчина кивнул. Макги и Маглашан двинулись по коридору к выходу.

— Посмотрим, что люди из Технического отдела смогут извлечь из этого бардака, — пробормотал Макги, бросая изжеванный окуроч своей сигары на яркий ковёр цвета фуксии.

► **11:30 вечера. Международный аэропорт Лос-Анджелеса.** Самолёт TWA приземлился сразу же, как только громкоговорители объявили о его прибытии. Джесси Флориан нервничала. В последнюю минуту мы даже поднялись на террасу терминала, чтобы посмотреть на посадку. Поскольку она не видела своего сына в течение трёх месяцев, я предпочел не присутствовать на этом воссоединении семьи. Сказал ей, что останусь в баре, и что они с Терри смогут найти меня там, когда соберутся возвращаться в отель. Она не возражала.

Тем временем я обдумывал своё случайное обнаружение «плимута». Конечно, я не мог доказать, что это была та же самая машина, которая преследовала нас с Муртоному, и, по всей вероятности, за рулем сидел тот, кто его убил. Я попытался восстановить события того рокового вечера: Чарльз покинул отдел новостей «Таймс» около десяти вечера; его убийца или убийцы поджидали его на стоянке — они могли даже до туда проследить за ним. Подождали, пока он сядет в машину, а затем застрелили его, не давая опомниться; выстрелы могли бы привлечь чьё-нибудь внимание, но было уже достаточно поздно, и в среду погода стояла такая плохая, так, что квартал, должно быть, был почти пуст. Затем, прежде чем кто-либо успел их остановить, они сели в «плимут» и отправились напрямик в аэропорт. Их миссия была выполнена: сначала они прикончили Андресса, а затем устранили неожиданную помеху, раздувавшую ещё тёплые угли его смерти, что в конце концов, могло привести к разгоранию на их пепле пламени. Номера Невады — головорезов могли завербовать где-нибудь в Рино или Лас-Вегасе, там всегда можно найти кого-нибудь для такой работы. Наверное, они уже туда и отправились. Налти опознал двух мужчин. Завтра с его помощью я смогу выяснить, кому принадлежала брошенная машина, и проверить список пассажиров всех рейсов в Неваду или, а если понадобится, то в любую точку страны после 10:30 вечера в среду. Канцелярская, утомительная, но необходимая работа. Пока я всё это обдумывал, в баре появились Джесси Флориан с сыном.

Терри был высоким, худым парнем со слегка голубоватым, бледным, изможденным лицом (а может быть, это мне просто так показалось из-за света аэропортовых флуоресцентных ламп). Его волосы, усы и густая борода были тёмно-каштанового цвета. На нём были выцветшие джинсы и свитер светло-кофейного цвета, из-под которого виднелась ярко-красная спортивная рубашка с расстёгнутым воротом. Через левую руку у него была перекинута замшевая куртка с подкладкой из овчины, а в правой он нёс «самсонитовский» чемодан. Он выглядел так, будто намеренно бросал вызов требовательному представлению своего отца о себе всеми возможными способами. Тем

не менее, как только он оказался рядом со мной, я не мог не заметить сходства между некоторыми чертами лица его и Андресса: внимательный и острый взгляд; гладкий, чистый лоб; толстые, чувственные губы. Я спросил себя, не скрывает ли борода тот же самый слабый подбородок, который выдавал скрытую ранимость его отца. Также я мог рассмотреть на его лице такие же красивые и хорошо вылепленные черты, доставшиеся от Джесси Флориан. Что-то в нём напоминало мне портреты Эль Греко или «Человека с серыми глазами» Тициана, а Терри ведь тоже был художником или, по крайней мере, имел художественные наклонности. Разные представления о Терри, сложившиеся со слов Джесси Флориан и Велмы, сложились воедино с моими собственными.

— Это мистер Марлоу, — только и сказала Джесси Флориан в качестве представления.

Терри поставил чемодан, и мы пожали друг другу руки.

— Насколько я понимаю, Вы расследуете смерть моего отца, — сказал он.

Его голос звучал не очень уверенно.

— В некотором роде, — ответил я. Я наклонился и взял чемодан. — Идём?

Я положил его поклажу в багажник, и мы втроём втиснулись на переднее сиденье кабриолета.

— Я хочу узнать все подробности, — сказал Терри. — Пока я знаю только то, что прочитал в газетах. Представитель моего отца в Нью-Йорке приехал за мной в аэропорт, и мы поговорили минут пятнадцать. Не могу сказать, чтобы он сам знал очень много.

Пока мы ехали в «Рузвельт» я изложил ему свою версию событий. Не поворачиваясь к нему, ответил на несколько вопросов, которыми он прерывал мой рассказ. Между нами был профиль Джесси Флориан. Терри наклонился к ветровому стеклу; повернулся ко мне лицом и внимательно слушал. Ближе к полуночи движение стало более спокойным, и я всю дорогу давил на акселератор; стрелка спидометра колебалась около пятидесяти миль в час⁶⁴. Снова пошёл мелкий моросящий дождь — асфальт сразу же стал влажным и слегка скользким. Нам пришлось трижды остановиться на светофоре на бульваре Сансет, прежде чем мы добрались до отеля, незадолго до 12:30. Я отнёс чемодан в вестибюль и попытался там распрощаться.

— Чтобы прояснить вопрос раз и навсегда, Вы будете работать на нас? — внезапно спросил меня Терри, прежде чем я успел направиться к выходу.

— Я уже обсуждал этот вопрос с твоей матерью, — ответил я. — Мы расходимся в определении направления расследования. И не думаю, что мы сможем прийти к взаимопониманию. Но я собираюсь продолжить расследование смерти твоего отца. Мой совет тебе тот же, что и мисс Флориан: как можно скорее найдите адвоката и попросите его представлять ваши интересы. Вы планируете остаться в отеле на несколько дней или поедете в дом на Бель-Эйр?

— Послушайте, мистер Марлоу. Мне кажется, что нам всем надо всё это обсудить, когда у нас будет больше времени. Есть многое, что я знаю об отцовском бизнесе, и что может пригодиться Вам в расследовании. Кроме того, я намерен как можно скорее поставить агентство на ноги. Возможно, моего отца и убили, но это не значит, что изменится его политика в бизнесе. А это может означать, когда я займу его место, то угрозы возобновятся. Это может показаться Вам немного расплывчатым, но, если Вы позволите, то я смогу всё объяснить.

— Кажется, я понимаю, о чём речь, — ответил я.

Он внимательно наблюдал за мной, пытаясь понять, насколько совпадают близки наши точки зрения на происходящее.

⁶⁴ Около 80 км/ч.

— Если это так, — сказал он, — то Вы, вероятно, понимаете, что Велма тоже замешана. Вы почти её не упоминали. Что Вы узнали о ней? Где её можно найти?

Я заметил, как изменилось лицо Джесси Флориан, но она воздержалась от малейшего проявления чувств.

— Я не имел никаких известий от мисс Валенто уже около суток, — ответил я. Я тактично опустил часы, которые мы провели, разделяя наше общее горе и её постель. Не было никаких причин ранить то, что могло остаться от чувств Терри к ней, а это происшествие действительно никак не влияло на то, что я уже ему рассказал.

— Я немедленно свяжусь с ней, — решил Терри.

— Хорошая мысль. Если найдёте её, дайте мне знать. Я бы и сам не прочь узнать, где она, но не думаю, что в Лос-Анджелесе Велма или Вы сейчас в опасности.

— Почему?

— Будет сложно объяснить. Но Вам будет достаточно, если я скажу, что есть доказательства того, что убийцы Вашего отца покинули город прошлой ночью, после того как убили Мортонна?

— Полагаю, что это уже кое-что. Я собираюсь позвонить Велме прямо сейчас.

Наконец вмешалась Джесси Флориан, но не так, как я ожидал.

— Почему бы тебе не подняться в свой номер, — сказала она. — Мистер Марлоу может отправиться с нами.

Она забронировала сыну номер на восьмом этаже, рядом со своим собственным. Я закурил сигарету, пока Терри набирал номер. Джесси Флориан опустилась в одно из обитых ситцем кресел. Она выглядела смирившейся и слегка обескураженной. Очевидно, она решила не спорить с сыном о Велме. Я спросил себя, была ли это просто временная тактика, или она действительно была так напугана поворотом событий и разговором, который у нас был до приезда Терри. В любом случае, было очевидно, что Велма Валенто больше не была её главной заботой, по крайней мере, на данный момент. В глубине души она, возможно, уже была убеждена, что любой конфликт, который она может затеять с сыном из-за Велмы, только сделает ситуацию ещё более напряженной, чем она уже есть. На данный момент она заключит свои союзы и пойдет на компромиссы, но я не сбрасывал со счетов свою первую гипотезу — что всё это может быть просто тактикой для того, чтобы выиграть время, теперь, когда она столкнулась с этим, возможно, более зрелым, более уверенным в себе Терри, более решительным молодым человеком, чем тот, который оправился в Европу шесть месяцев назад.

Он стоял ждал с телефонной трубкой в руке, пока оператор пытался установить соединение.

— Сигареты не найдётся? — спросил он меня.

Я протянул пачку «кэмел».

— Спасибо, — пробормотал он.

Я зажёл спичку из одного из маленьких гостиничных спичечных коробков и протянул ему. Он глубоко затянулся и, вынув сигарету изо рта, замер и посмотрел на неё с выражением, которое, как мне показалось, я уже видел раньше.

— Не курил их с тех пор, как уехал в Европу, — объяснил он.

Я вспомнил инсинуации Джесси Флориан о том, что наркотики и кто знает, что ещё испортило её сына и её представление о нём. Но, насколько я мог судить, Терри был исключительно умным и уравновешенным парнем. Я даже поймал себя на том, что задался вопросом, могут ли опасения Велмы относительно возможного будущего влияния Джесси Флориан на её сына быть необоснованными.

— Никто не отвечает, — наконец сказал он. Он повесил трубку и повернулся ко мне. — Как Вы думаете? С Велмой могло что-то случиться?

Я попытался скрыть своё собственное волнение.

— Ещё даже не час ночи, — ответил я. — Она может быть на ужине или на каком-нибудь вечернем представлении. Ничего необычного для тех, кто вращается в тех же кругах, что и она.

Но, должно быть, мои слова прозвучали не очень убедительно, потому что Терри продолжал пытливо смотреть на меня.

— Она всё ещё живёт в Ла-Хойе? — спросил он.

— Прошлым вечером так и было, — ответил я.

Внезапно я вспомнил, что должен ещё раз позвонить в полицейское управление, чтобы узнать, что произошло в агентстве. Обнаружение «плимута» на стоянке в аэропорту и мои последующие мысли заставили меня забыть обо всём остальном. Я пришёл в себя и отправился к телефону.

— Мне нужно сделать ещё один звонок, — объяснил я. — Возможно, через несколько минут мы ещё кое-что узнаем.

Я попросил внешнюю линию и набрал номер Отдела по расследованию убийств в мэрии.

— Инспектор Бейфус слушает, — ответил голос.

— Макги, пожалуйста.

— Он недавно уехал. Чем могу помочь?

— Меня зовут Марлоу. Речь идет о том, что произошло или не произошло в агентстве Андресса.

— Марлоу? Подожди минутку.

Я услышал, как он выкрикнул чье-то имя, и через мгновение раздался другой голос.

— Это Кристи-Френч, Марлоу. Мы встречались, помнишь?

— Пару раз точно, — ответил я.

— Ты был прав. Телефонная линия была перерезана. Они вырубili секретаршу и перевернули вверх дном практически всё агентство. Ни одного клочка бумаги на прежнем месте.

— Когда это случилось?

— Полагаем, что между пятью и шестью часами вечера. Дверь не взламывали, секретарша всё ещё находилась там, а двери в здание запирают в семь.

— Есть свидетели?

— Только эта женщина, миссис Прендергаст. Хотя я не думаю, чтобы она много увидела. У неё довольно внушительная шишка на голове.

— Где она?

— В больнице Голливуда. Но не надо так волноваться, Марлоу. Ей до завтрашнего утра не задать никаких вопросов.

— О Велме Валенто что-нибудь известно?

— У её дома мы поставили человека. Пока ничего необычного. Каждый час мы получаем доклад.

— У неё на телефон никто не отвечает, — объяснил я.

— Что нам сделать? Хочешь подать жалобу?

- А вы не рассматриваете возможность того, что её похитили?
- Ещё слишком рано предполагать, что она пропала. Чего ты боишься?
- Очевидно, что парни, ворвавшиеся в агентство, искали не секретаршу.
- И не её тоже. Если только они не думали, что она спряталась в ящике стола.
- Они забрали что-нибудь важное?
- Откуда нам знать? Сейф не был взломан.
- Я решил сдаться.
- Могу я поговорить с лейтенантом Налти? — спросил я.
- Его не будет до завтра. И если ты хочешь сохранить с ним хорошие отношения, советую не пытаться разбудить его, Марлоу. Он очень серьёзно относится к своему сну.
- Ладно, — сказал я. — Как думаете, когда можно будет попасть к миссис Прендергаст?
- Зайди около десяти. Но я тебе ничего не обещаю, всем заправляет Макги.
- Всё равно спасибо, — сказал я и повесил трубку. Терри и Джесси Флориан смотрели на меня испуганными глазами.
- Что случилось? — спросил Терри.
- Кто-то вломился в агентство. Миссис Прендергаст в больнице.
- Боже мой! — воскликнула Джесси Флориан.
- Ещё одна стрельба? — предположил Терри.
- Просто шишка на голове. С ней можно будет поговорить через несколько часов.
- А Велма?
- Никто ничего о ней не знает.
- Что Вы собираетесь делать? — спросил он.
- Не думаю, что кто-нибудь что-нибудь предпримет. Но, я, по крайней мере, собираюсь туда отправиться, чтобы постараться как-нибудь проникнуть в дом.
- Вы думаете... — Терри не закончил фразу.
- На неё могли напасть дома? Возможно. Десять минут назад я бы исключил такую возможность. А теперь я и не знаю, что думать.
- Я пойду с Вами, — объявил Терри.
- Мы с Джесси Флориан обменялись быстрыми взглядами.
- Ты думаешь, это разумно? — спросила она. — Ты летел двадцать часов подряд.
- Я хорошо поспал в самолете, мам, — заверил её Терри. Это был первый раз, когда я слышал, чтобы он так к ней обращался. А также это было первое замеченное мной слабое место в сложившемся о своём сыне мнении Джесси Флориан.
- Возможно, она была ревнивой, авторитарной матерью и собственницей, но было также очевидно, что она так и не научилась не позволять ему делать то, что он решил. Возможно, она уже пыталась несколько раз и проиграла. Снова рисковать она не хотела.
- Это Вам не мешает, мистер Марлоу, правда? — спросил Терри.
- Возможно, это не самый умный твой поступок, но могу понять, что тебе было бы ещё невыносимее остаться здесь. Пойдем, если так решил.
- Он повернулся к матери.
- Нечего бояться, — отважился он. — Поспи немного и постарайся об этом не думать. Мы вернёмся через несколько часов.

Джесси Флориан снова поймала мой взгляд.

— Теперь Вы работаете на меня, — сказала она дрожащим голосом. Она оставила в стороне свое высокомерие и сняла маску надменности, которая была на ней, когда мы впервые встретились. Теперь она была просто женщиной, согнутой пополам неумолимой чередой событий. Она ощущала, как дверцы ловушки неумолимо закрываются, и каким-то образом, который я до сих пор не смог понять, чувствовала, что и сама оказалась в ловушке. Этого она не предвидела.

— Я хочу сказать, мистер Марлоу, — добавила она, — что рассчитываю на то, что Вы вернёте мне сына в целостности и сохранности. Это всё, о чём я прошу. Мы можем прийти к согласию, хотя бы по этому единственному пункту?

Её просьба звучала почти как мольба.

— Я пришлю Вам счёт за расходы, — согласился я. — Они будут изрядными.

Терри взял свою замшевую куртку, и мы вышли из номера.

— Держу пари, поначалу у Вас было много проблем с моей матерью, — сказал Терри.

Мы выехали на Прибрежное шоссе, где я мог разогнать двигатель до восьмидесяти-восьмидесяти пяти миль в час⁶⁵, не рискуя на мародёров из Управления дорожного движения. Новая ночь заполняла котловину дождём и сумраком. Прошедший день тянулся целую вечность. Я не мог точно сказать, когда закончились вчерашние события и начались последующие, первым из которых было моё дезориентированное раннее вечернее пробуждение. И вот я снова я за рулем «триумфа», двигаюсь по маршруту, который стал за последние несколько дней мне очень знаком. Я не знал, да и не заботился о том, приезжаю я или уезжаю. Фрагменты дня и ночи слились воедино в моём сознании, пока я не пытался восстановить правильный порядок вещей. Что я делал здесь с этим парнем, который, насколько я помнил, ещё несколько часов назад был для меня всего лишь именем пропавшего без вести, скитающегося в облаках опиума, туманных вершинах Тибета или Непала, королевства Далай-ламы и пустой нирване бонз?

— У меня такое чувство, что Вы меня не слушали, — заключил Терри. — Ваши мысли сейчас где-то в другом месте, не так ли?

Я согласился нарочито неопределённым жестом. Я хотел сообщить ему, что согласен с половиной его заявления, и совсем не обязательно с другой, не уточняя, какая из них какая.

— Вы думаете о Велме Валенто, так ведь? — спросил он.

— Мы ведь туда и едем, не так ли? — ответил я. Я протянул ему пачку «кэмел». После секундного колебания он взял её у меня. Прежде чем вынуть сигарету, он внимательно осмотрел маленькую коробочку, одетую в целлофан.

— Смесь турецкого и американского, — прочитал он и саркастически рассмеялся. — Никогда не понимал, зачем тут поместили изображение дромадера⁶⁶, если решили назвать верблюдом⁶⁷.

Он засунул сигарету в рот и вернул пачку. Я тоже взял одну, и мы прикурили от электрической зажигалки автомобиля.

— Вы ведь видели верблюда? — спросил он.

⁶⁵ Около 129-137 км/ч.

⁶⁶ Дромадер – одногорбый верблюд.

⁶⁷ Camel (англ.) – верблюд.

— Только в зоопарке, когда был маленьким. И знаю, что у этого не хватает ещё одного горба.

— Я до этого видел их только в кино. Но когда я на джипе пересёк греко-турецкую границу в двухстах километрах от Стамбула, первое, что я увидел, был крестьянин в огромном халате и с парой верблюдов. Ничего подобного я больше в Турции не видел. Держу пари, что они и там очутились исключительно по желанию туристического бюро.

Я улыбнулся.

— Сколько Вам лет, мистер Марлоу?

— Где-то между тридцатью пятью и сорока, — ответил я. — В какой-то момент я сбился со счета.

На этот раз улыбнулся он.

— Мне неудобно называть Вас «мистер», — сказал он. — Вас не будет беспокоить, если я буду называть Вас просто Марлоу?

— Можете называть меня Филипом, если хотите.

— Ладно, Филип или Марлоу, а я просто Терри. — Он выпустил густой клуб дыма. — В этой смеси на вкус нет ничего турецкого, — заключил он. — Вы когда-нибудь курили гашиш?

— Нет, — ответил я. — Это расширяет кругозор?

— Границы восприятия, как говорит Хаксли. Это хорошая вещь, чтобы попробовать; но как только это войдёт в привычку, границы снова начнут сокращаться. Но есть один момент, когда границы действительно исчезают — я имею в виду границу между реальностью и тем, что не совсем реально. Вы воспринимаете реальность как нечто, что может происходить внутри вас или вне вас. Это трудно объяснить, если вы никогда не пробовали.

— И как может существовать то, что не реально? Всё, что существует, уже реально.

— Может, и так. Вот почему я и говорю Вам, что это расширяет способность к восприятию. Ваши ощущения глубже, чем раньше, или они совсем другие, другой вид ощущений. Разница скорее качественная, чем количественная.

— Разница, которая каким-то образом отделяет вас от конкретной реальности, реальности, к которой вы можете протянуть руку и прикоснуться.

— Естественно, для этого гашиш и нужен. Как какой-нибудь наркотик, полагаю.

— Это опасная дорога, обратного пути может и не быть.

— Брахманы говорят, что жизнь — это вечное возвращение.

— А индейцы дакота, на севере, тоже говорят, что год — это круговорот всего мира.

— Правда, я никогда такого не слышал.

— Наверное, потому, что Вы никогда не жили с дакота.

— А Вы?

— Нет. У частного детектива в индейских резервациях нет будущего. Там нет преступлений.

Терри громко рассмеялся.

— Мы с Вами отлично поладим, — сказал он.

— Это зависит от того, как долго Вы пробудете в Лос-Анджелесе.

— Я собираюсь поселиться здесь, — объявил он. — В Лос-Анджелесе, или Сан-Франциско, — я ещё не решил.

— Будете управлять агентством?

— В каком-то смысле. Большую часть этого оставлю Велме, но есть вещи, которыми я хочу заниматься. Вроде тех, какими занимался мой отец.

— Вы сказали, что у Вас есть информация об агентстве, которая может быть мне полезна, — припомнил я.

— Да, и я хочу обсудить это с вами как можно скорее. Мы далеко от дома Велмы?

— В нескольких минутах, так что, может лучше оставим это на обратный путь.

— Если он будет, — произнес Терри.

Он не имел в виду брахманов, индейцев дакота или бесконечное возвращение, порождаемое опиумом или гашишем.

Дом Велмы был виден с поворота на Прибрежное шоссе. Он возвышался над самой высокой частью местности, примыкающей к дороге, так что не надо было съезжать с дороги, чтобы заметить, что там было совершенно темно; даже стеклянная табличка с номером 6005, которая обычно сияла над лужайкой, была тёмной. Я проехал прямо, вместо того чтобы свернуть на подъездную дорожку.

— Разве это не тот самый дом? — спросил Терри, оглядываясь в заднее окно. Я кивнул. Сбросил скорость и повернул налево примерно через двести ярдов. Потом включил вторую передачу, и машина взобралась на подъём, ведущий к скалам у края дороги.

— Мы собираемся сделать большой крюк и попытаться войти с черного хода, — объяснил я. — За домом следит полицейский, и будет лучше, если он нас не увидит.

— Какие-то проблемы? — спросил Терри.

— Парни, которым поручают такую работу, обычно очень упрямы. Нам никогда не удастся убедить этого человека, что мы хотим войти, чтобы просто всё проверить.

Ла-Хойя не особенно была известна тем, что была спланирована по модели римских квадратов. Я свернул в лабиринт улиц и начал описывать широкий северо-восточный изгиб, понятия не имея, где мы окажемся. Местность была такой же волнистой и капризной, как маленький Сан-Франциско; между одним домом и другим были большие пространства лужаек и скал, и освещение было плохим. Морозящий дождь закрывал своей блестящей завесой пыльные жёлтые лучи фар. Добравшись до первого перекрестка, я снова повернул налево.

— Я припаркуюсь прямо здесь, — сказал я. — Нам потом придётся вспоминать, где.

Я выключил фары и мотор. Наклонился вперёд, чтобы открыть бардачок, и достал фонарик и «вальтер Р-38».

— Это нам понадобится? — спросил Терри.

— Будем надеяться, что нет. А вот без фонарика не обойтись.

Мы вышли. Нити дождя, несомые океанским ветром, обжигали кожу.

— Может, Вы бы предпочли подождать здесь? — пришло мне в голову спросить Терри, когда я вынимал ключ из замка.

— Нет, — твёрдо ответил он.

— Хорошо. Давайте немного доверимся интуиции. Задняя часть дома Велмы выходит на скалистый мыс. Если нам повезёт его найти, мы сможем пробраться в сад. Парень же будет находиться на посту у входной двери.

Терри надел кожаную куртку. Я слышал, как стучат его зубы. Было холодно, но дело было не в этом, для него это был новый опыт, совершенно отличный от опыта Востока с его гашишем. Это был Западный мир, один из самых цивилизованных регионов на планете.

Сытое общество без серьёзных демографических проблем: без эпидемий, нищеты или всеобщей бедности. Лос-Анджелес был относительно чистым городом, и его воздух еще не был сильно загрязнен. В частности, Ла-Хойя была жилым районом для богатых людей. Все последние инновации в области технологий и комфорта были у нас под рукой. Гигиена и здоровье были главными лозунгами нашего образа жизни. Тот, кто был готов работать, мог найти работу, денег было в достатке — надо было только знать, где их искать. Ни кастовость, ни чрезмерно жесткая классовая структура не были нам присущи. Социальные лифты работали; родившись на берегу реки, можно было достичь самых высоких вершин — это был лишь вопрос смелости, решимости и определенного отсутствия угрызений совести. Без сомнения, у нас было самое большое количество автомобилей, холодильников, телевизоров, радиоприёмников, телефонов, электроприборов, витаминов, антибиотиков, больничных коек, способов развлечения и домов проституции на душу населения во всём мире. Это был Запад, это были Соединенные Штаты. Первая в истории ядерная держава. Победители во Второй мировой войне. Страна, которая поспособствовала восстановлению Европы. Наши морские пехотинцы были на каждом острове в Тихом и Индийском океанах, Карибском море, в Южной Корее и Японии. Но зубы Терри продолжали стучать, и я был почти уверен, что ничего подобного с ним никогда не случилось ни на извилистых улицах Стамбула, ни в Тегеране, Кабуле, Лахоре или Бангалоре. Эта дрожь была особенно западной и конкретно североамериканской. Я бы даже поставил на то, что это как-то связано с той частью Южной Калифорнии, в которой Лос-Анджелес сам был обольщён голливудской неоновой рекламой и обещанием рая за рампой.⁶⁸ Сегодня вечером Терри занял место отца во влиятельном, закрытом и чрезмерно защищённом мире, где преступление и убийство всё ещё оставались обычным способом расплатиться. Мир, в котором власть, деньги, стремление к престижу и желание успеха могут в одну минуту определить — жить человеку или умереть — человеку, который в данном случае оказался отцом Терри и, в конечном случае, которым мог стать и сам Терри. Я решил, что лучшее, что я могу сейчас сделать, это притвориться, что ничего не заметил, и мы продолжили двигаться в том направлении, которое, как мы ожидали, приведёт нас к дому Велмы.

Найти его оказалось нетрудно. Как я и подозревал, улица, по которой мы ехали, привела нас к травянистой насыпи, которая резко обрывалась у скального выступа. Прямо под нашими ногами находился задний двор резиденции Чандлера. В этом районе не было ни одного уличного фонаря, но оштукатуренные стены мягко поблескивали в тусклом, влажном лунном свете. Мы спустились по небольшой лестнице, высеченной в скале. Я направил луч фонарика на одно из задних окон и, недолго думая, дважды стукнул по стеклу рукояткой «вальтера». Пропитанная дождём и туманом ночь впитывала шум, как губка. Я просунул внутрь руку и нащупал задвижку; она повернулась, и окно открылось. Три прута шли параллельно стене примерно от неё в восьми дюймах и с обоих концов загибались, чтобы вонзиться в каменную кладку. Пространство между ними было достаточно большим, чтобы мы могли с некоторым усилием смогли в него проскользнуть. Я пошёл первым; Терри снял куртку, передал её мне через решетку, а затем последовал сам. Мы пересекли дом, освещая себе путь фонариком. Казалось, всё было в порядке, но что-то витало в воздухе, тонкая и неосознаваемая атмосфера; одиночество и абсолютная тишина казались ненормальными, как будто они могли предвещать бегство или похищение. Мы вошли в спальню Велмы. Постель была не застелена, простыни были холодными. Если Велма покинула дом по собственной воле, она сделала это поспешно и

⁶⁸ По словам Чандлера, «Марлоу подобно Вергилию в «Божественной комедии» Данте утверждает то, что читатель и сам мог бы сообщить о мире Лос-Анджелеса, если бы там побывал.» (Примечание автора)

не так уж давно. Я не знал, присматривает ли кто за домом. Терри казалось, что он помнит, что была женщина, которая приходила после обеда и уходила в середине дня, но это было восемь месяцев назад, и кто знает, работала ли она у Велмы до сих пор. Мы заглянули в стенной шкаф, не обнаружили там никакого намёка на то, что могло произойти что-нибудь необычное. В кабинете мне попался большой кусок картона. После того, как мы выскользнули из дома через окно, я пристроил его так, чтобы он скрыл разбитое стекло. Во время поисков у нас с Терри не нашлось, что сказать друг другу, и между нами воцарилась непонятное сочетание неизвестности и тревоги. Было почти три часа утра; эта её длительная отлучка и полное отсутствие новостей не предвещало ничего хорошего. Внезапно я вспомнил о записке, которую оставил Велме под телефоном на ночном столике. Я осмотрел это место; записки там больше не было. Вполне вероятно, что Велма уничтожила бы её или забрала с собой, когда уезжала. Я не сказал Терри об этом. Вместо этого, я предложил обойти дом и лично расспросить дежурного офицера.

— Если Вы считаете это необходимым... — Терри заколебался. Огорчение и ещё более глубокое опасение за Велму сменили тот панический страх, который он, вероятно, испытывал, когда мы отправлялись в ночь.

Сначала я удивился, никого не увидев перед домом. Обнаружил его Терри. Ярдах в двадцати от нас было немного светло, а затем, как раз перед тем, как местность снова начала подниматься, на обочине подъездной дорожки появились гигантские очертания того, что было быть норвежским кленом. Мужчина рядом не стоял прямо, а опирался на ствол. Ему удалось прислониться к дереву, продолжая держать в руке служебный пистолет. Другой рукой он пытался остановить кровь из раны между рёбер от пулевого ранения. На него нахлынула новая волна страха, когда увидел, что мы бежим к нему, но затем рука, держащая пистолет, опустилась.

— Меня зовут Гэлбрейт, — выдохнул он. — Мне нужна помощь. Позвоните в Управление полиции по телефону 50-406.

— Мы оведём Вас на моей машине, — ответил я. — Я частный детектив. Что случилось?

— Двое мужчин пытались проникнуть в дом. Я попробовал их задержать, но они открыли огонь, как только меня увидели. Кажется, я зацепил одного из них. Потом они сели в машину и уехали.

— Серый «плимут»? — спросил я, внезапно отбросив все свои предположения о машине, которую видел в аэропорту.

— Не знаю точно, что была за машина, — сказал Гэлбрейт. — Но это был не «плимут».

— А Велма Валенто? — ещё спросил я.

— Её там не было. Ничего о ней не знаю.

Я не мог продолжать допрашивать этого человека, пока он продолжал медленно истекать кровью. Достал носовой платок, снял пиджак Гэлбрейта, подложил кусок ткани под рубашку и прижал к ране.

— Возьми его револьвер и держи тут так крепко, как только сможешь, пока я схожу за машиной, — сказал я Терри.

Я побежал обратно к маленькой лестнице, высеченной в скале. Это был не самый идеальный момент для размышлений, но я не мог не прийти к двум очевидным выводам: Велма исчезла, а убийцы Андресса и Мортонa всё-таки не покинули Лос-Анджелес.

Пятница, 27-ое

► 8:20 утра. Голливудская больница.

— Тебе всегда удастся оказаться там, где что-то происходит, а, Марлоу? — сказал Макги.

Тем не менее его тон не провоцировал. Он бросил на Марлоу насмешливый взгляд, который стал таким от возраста и рода занятий. Но ведь, в конце концов, Марлоу спас жизнь полицейскому, одному из его людей. Сегодня или завтра такое же или что-то подобное может случиться и с ним.

Марлоу провёл по лицу рукой; кончики его пальцев ощутили упругую кожу на левой щеке, в то время как большой палец нажимал на мягкую ямочку с другой стороны. Суточная щетина. Эти жесткие и колючие шипы, произрастающие из его плоти, могли быть точно таким же признаком жизни, продолжающейся, несмотря на физическую усталость и недостаток сна, как и признаком жизненной слабости, неаккуратности или пренебрежения к самому себе. Марлоу подумал, что, как это часто бывает, крайности похожи друг на друга: жизненная сила, порождающая клетки, ткани и адреналиновые выбросы, и нервные центры, сопротивляющиеся развитию, разум, спрашивающий себя, для чего вся эта страстная деятельность, какую цель может преследовать это слепое самосохранение, предписываемое инстинктами и природой.

— Как там Гэлбрейт? — спросил он.

— Выживет, — сказал Макги. Он игрался с наполовину свёрнутой сигаретой, колеблясь между желанием её закурить и жирным красным крестом, чётко наложенным на контур дымящейся сигареты на размещённой на стене табличке. Макги уважал язык правил. Это был чёрно-белый мир запретов, ограничений и препятствий. С его точки зрения, реальность состояла из двух огромных, чётко очерченных территорий: закона с одной стороны и огромной территории, выходящей за пределы, установленные законом, с другой. Знаки были изобретены для того, чтобы никто не переступал черту. И ни один запрет не передавал свое послание так убедительно, как табличка на стене. Знак разговаривал с вашими глазами; он обладал мощной сдерживающей силой. Он подавил желание поднести сигарету ко рту.

— Пуля сломала ребро и вошла в лёгкое, — добавил он. — Тонкая операция, но он выживет. Вероятно, позже им придётся снова его прооперировать, но сейчас он вне опасности.

— Он ещё что-нибудь сообщил о тех, кто на него напал?

— А что ещё он мог сообщить? Там плохое освещение, шёл дождь, и его подстрелили с двадцати ярдов⁶⁹. В любом случае, мы знаем, кто это был: те же самые, кто вломился в офис в «Авенанте» и, вероятно, убил твоего друга Мортонна.

— Вы не забыли Андресса? — спросил Марлоу.

Макги не ответил.

— Вы позволите мне поговорить с миссис Прендергаст или нет?

— Доктор не хочет никаких расспросов, — ответил Макги. — Эта женщина на грани нервного срыва. В любом случае, что ты хочешь узнать? Они не договаривались о встрече заранее, она едва успела подняться на ноги. Один из них схватил вазу с цветами и разбил ею её голову. После этого она впала в беспамятство.

— А Велмы Валенто в офисе не было.

⁶⁹ Около 18 м.

— Мисс Валенто за весь день не переступила порог агентства. Мы уже обыскали её дом; кажется, она в спешке упорхнула оттуда. Кстати, — прошипел Макги, внезапно что-то вспомнив. — Случайно не ты разбил стекло в окне позади дома?

— Я говорил Велме, что это окно надо починить, — сказал Марлоу.

Макги с минуту смотрел на него.

— Я мог бы арестовать тебя за взлом и проникновение, что-то в этом роде, — сказал он.

— Честно говоря, ненавижу запах больниц, — признался Марлоу, вставая. — И курить в холле нельзя. Поскольку вы не позволяете мне увидеться с миссис Прендергаст, лучшее, что я могу сделать, — это уйти.

— А кто был этот парень? — спросил Макги. —Сын Андресса?

— Верно.

— Ты знаешь, какие у него планы? Он собирается заняться отцовским бизнесом?

— Думаю, что да.

— Где он сейчас? Переехал в особняк на Бель-Эйр?

— Он в «Рузвельте» со своей матерью.

— Ну, Марлоу. Теперь видишь, что происходит: двое убитых, двое раненых, один из них полицейский. У босса зашкаливает. Если эти два мясника устроят еще какой-нибудь кавардак, весь город взорвется, как бочонок с порохом.

— Тэд Браун?

Макги кивнул.

— Нельзя сказать, что я во всех смыслах не сотрудничаю с вами, джентльмены, — сказал Марлоу.

— Твое сотрудничество ещё более широко ценилось бы, если бы ты оставался на одном месте.

— Что вы хотите, чтобы я сделал? Заперся у себя дома, пока всё не закончится? Это тоже не самое безопасное место. И кто-то должен найти Велму Валенто, поскольку эта задача, очевидно, не значитесь в ваших планах.

— Предполагаемая мисс Валенто должна быть в безопасности, — прошипел Макги. — Пошевели мозгами, Марлоу. Эти двое парней не пытались бы вломиться к ней, если бы уже не позволили ей упорхнуть. Эта мисс Валенто — единственная на данный момент, кто ведёт себя разумно. Она знала, что находится в опасности, и растворилась в воздухе, никому ничего не сообщив о том, куда направляется; и это самое лучшее, что она могла сделать. Ты не знаешь, есть ли у неё где-нибудь семья или друзья, которым она доверяет? Я так понимаю, она была замужем за неким мистером Грейлом.

Марлоу не потрудился упомянуть, что у него были основания полагать, что Велма не уехала бы из города, не сообщив сначала ему, куда направляется. Но он и сам не был в этом слишком уверен.

— А вам не приходило в голову, что, может быть, эти люди приезжали в Ла-Хойю не в поисках мисс Валенто, Макги? — спросил он.

—Тогда зачем же они туда поехали? — огрызнулся Макги.

Марлоу пожал плечами.

— За тем, что они не смогли найти в агентстве, — ответил он.

— Похоже, ты знаешь обо всём больше меня. Почему бы тебе просто не рассказать мне всё, что ты знаешь, Марлоу? И ты называешь это сотрудничеством?

— Это чистая догадка, — сказал Марлоу. — Очевидно, что эти люди идут по следу чего-то, что их очень интересует. Чего-то, что можно хранить в ящике стола, картотеке, комодке или сейфе. У них нет никаких проблем убить или подстрелить кого-либо, кто окажется у них на пути, но то, что им нужно сейчас, — это не человек. И, судя по тому, что произошло в «Авенанте», это и не деньги. Что ещё мне вам сказать? Делайте свои собственные выводы, Макги.

— Кого ты сейчас защищаешь? На кого работаешь? На партнёра Андресса, полагаю. Кто ещё, черт возьми, мог бы тебе всё это рассказать?

— Поверьте мне, — сказал Марлоу, проводя рукой по волосам. — Впервые за долгое время я не знаю, на кого я работаю, и даже работаю ли я на кого-то вообще. Потенциальные клиенты и предложения у меня есть. Но всё это слишком неопределённо. Единственным, с кем у меня была твёрдая договорённость, был Мортон.

— Не знаю, почему я должен тебе верить, — проворчал Макги. — Ты с нами не совсем откровенен; притворяешься, что сотрудничаешь, но до определенного момента. Приходишь к нам, когда нужна наша помощь, но у тебя в рукаве всегда есть одна или две карты. Мне не нравятся такие игроки, как ты, Марлоу. У тебя уже есть пара диких мастифов на хвосте; если ты ещё в придачу хочешь выйти за рамки, то я не дам и цента за твою жизнь. Как пожелаешь.

— Что вы хотите, чтобы я сделал? — спросил Марлоу.

— Сначала расскажи нам всё, что знаешь. А потом убирайся с дороги и позволь нам делать нашу работу.

— Вы забываете, что мне тоже нужно зарабатывать на жизнь.

— Кто-то сказал мне, что бывшая жена Андресса хотела, чтобы ты охранял её и сына. Правда? Что ж, прими её предложение. Поселись в «Рузвельте». Не позволяй им покинуть это место, пока мы не приберём к рукам этих двух парней, и ты сам тоже оставайся там. Вот это форма сотрудничества. Это даст нам на три проблемы меньше.

— Я подумаю, — ответил Марлоу.

— И если тебе есть ещё, что сказать, говори сейчас.

— Я открытая книга, — сказал Марлоу. — Вся ваша проблема в том, что вы меня переоцениваете. Уверяю Вас, Макги, это просто чутьё. Если время от времени у меня создается впечатление, что я появляюсь на месте преступления прямо перед вами или, что я знаю немного больше, чем знаете вы, это просто вопрос профессиональной подготовки. Я нащупываю что-то в темноте, время от времени натываюсь на что-то и цепляюсь за это. Подумайте об этом. Вы должны ждать, пока что-то произойдет, чтобы начать действовать; люди звонят мне, когда они боятся, что что-то должно произойти, или когда то, что произошло, слишком мелко, чтобы беспокоить полицию. Это моё единственное преимущество; остальное — просто иллюзия. А теперь, если Вы меня извините, я отправлюсь немного поспать. В своей квартире, а не в «Рузвельте». На Шетланд-лейн. Вы знаете, где я живу, если захотите отправиться по моим следам.

— Иди к чёрту, — взорвался Макги, не в силах сдержать ярость.

Марлоу прошёл по длинному коридору третьего этажа, обернулся, чтобы взглянуть на медсестру, которая улыбнулась, проходя мимо, и остановился в ожидании лифта. Главный вход в больницу находился на Альта-Бреа-Кресент, в Западном Голливуде. Дождь прекратился, но холодный ветер, дувший с океана, ещё не очистил воздух. Марлоу остановился у подножия небольшой лестницы и закурил свою первую сигарету «кэмел» за последние три или четыре часа. Наполнил легкие дымом. Мельком вспомнил последний день лета, который остался позади, — лето, когда солнце светило с достаточной силой, а

воздух был достаточно тёплым, чтобы хор сильфид, собравшихся у бассейна по соседству, раскинул ноги по выложенной плиткой террасе в своих крошечных, обтягивающих бикини. В тот день Мортон позвонил ему, и они вместе позавтракали на берегу океана, в тени убогих пальм в «Одиноких Песках». Затем последовало бесцеремонное вторжение осени — буря, которая длилась уже четыре дня, обрушилась на холмы, пляжи и раскинувшееся урбанистическое разрушение Южной Калифорнии, словно какое-то демоническое бедствие, мрачный фон для драматических событий этих дней: смерть Чарльза, а теперь и исчезновение Велмы. Какую новую трагедию следует ожидать в ближайшие несколько часов?

Темно-синий «форд» пересёк подъездную дорожку больницы и остановился. Марлоу показалось, что он узнал машину, и тут же он увидел, как с другой стороны капота показались приподнятые плечи Налти. Он остался на месте и стал его поджидать.

— Ты сегодня рано встал, Марлоу, — сказал Налти вместо приветствия.

— Да. Вчера вечером около девяти.

— Отправляйся домой как можно быстрее и ложись спать. В этой больнице кто-нибудь может принять тебя за труп.

— Таков и был мой план, но я рад, что встретил Вас.

— Вы разговаривали с сотрудником Андресса?

— Нет.

— Кто наверху? МаКГи?

— Никто иной.

— Тогда тебе не повезло. Попробуй ещё раз около обеда или, может быть, потом днём.

— Не думаю, что это принесет какую-нибудь пользу, — Марлоу почесал щёку. — Скажите мне кое-что, Налти. Вы знаете, кто убил Мортон, так ведь? Их подробное описание?

— Что ты хочешь знать? Их имена? Это тебе не поможет, Марлоу. Полиция в пяти штатах уже их разыскивает, а ФБР ищет их по всей стране. В любом случае, у меня есть для тебя подарок. — Налти сунул руку во внутренний карман пиджака и достал объемистый жёлтый конверт. Вытащил оттуда и протянул пару фотографий. — Оставь себе, — добавил он. — Так они выглядят. Один — моего роста. Описание на обороте. И будь осторожен. Они убивают не колеблясь.

— Скалла и Сукесян, — пробормотал Марлоу. — Это, значит, те, за кем мы охотимся.

— Ты раньше их видел?

— Скаллу, может быть, один раз. О Сукесяне только слышал. — Он снова взглянул на фотографии. Затем он положил их в карман. — Налти, помните, я упоминал о четырехдверном «плимуте», преследовавшем сначала меня, а потом Мортон?

— Мы предполагаем, что именно на нём они перемещаются. Сейчас мы пытаемся отследить твою наводку.

— Ну, есть пара вещей, которые я хотел Вам сообщить об этом «плимуте». Вчера вечером Джесси Флориан позвонила мне, чтобы спросить, поеду ли я с ней, чтобы забрать её сына в Международном аэропорту Лос-Анджелеса. Пока я был там, грузовик Департамента дорожного движения отбуксировал машину, которая превысила суточный срок стоянки. Это был свинцово-серый седан «плимут», невадская регистрация, номер 6330. Это могло бы быть совпадением, но его оставили там около 10:30 вечера в среду. Через полчаса после убийства Мортон.

— Невада 6330? — повторил Налти. — Займусь этим прямо сейчас.

— Казалось логичным предположить, что убийцы покинули город после того, как убили Чарльза, — сказал Марлоу. — А затем произошли два других события: взлом в агентстве и попытка взлома в доме Велмы Валенто. Поэтому я отверг это предположение.

Налти почесал за ухом.

— А потом? — он спросил.

— Когда я наткнулся на Гэлбрейта, я спросил его, смог ли он опознать машину тех, кто в него стрелял. Он не был уверен, что это была за машина, но был точно уверен, что это не «плимут».

— Они могли поменять машину? — предположил Налти.

— Вполне вероятно.

— Ты прав. Им следовало быть особенно осторожными после того, как они избавились от Мортонна.

— Как вы поступаете в подобных случаях? — спросил Марлоу.

— Думаю, начнём с начала. И я собираюсь проверить этот невадский «плимут». Должно быть, он всё ещё на штрафстоянке.

— Я позвоню попозже узнать, что удалось выснить?

— А ты куда собираешься, Марлоу?

— Я не соврал, отправляюсь в постель.

— Крепко спишь?

— В последнее время нет.

— Тогда я позвоню тебе через пару часов.

— Ценю это, лейтенант.

Марлоу потребовалось двадцать минут, чтобы добраться до своей квартиры на Шетланд-лейн. Он принял горячий душ, приготовил яичницу из пары яиц, тосты и две чашки кофе. Выкурил вторую за утро сигарету и лёг спать. Бритьё может подождать.

► **9:13 утра. Голливудская больница.** Налти быстро сверкнул полицейским значком у главного входа и направился прямо к палате 332. Макги всё ещё нетерпеливо расхаживал взад-вперед, как тигр в клетке, с незажжённой сигаретой в руке.

— Фотографии с тобой? — спросил он, не поздоровавшись.

Налти кивнул, и они вошли в маленькую больничную палату. Жалюзи, выходящие на лужайку на Альта-Бреа-Кресент, были частично опущены, и свинцовый, влажный, неподвижный, похожий на рассвет свет высосал из комнаты все краски. Глаза миссис Прендергаст были закрыты, но она не спала.

— Что сказал доктор? — спросил Налти.

— Нервный шок. Её выпишут через день или два.

Налти зажёл лампу на ночном столике.

— Миссис Прендергаст, — позвал он. Подождал, пока женщина повернёт голову на подушке и устало откроет глаза. — Мы больше не будем Вас беспокоить, — добавил лейтенант. Он придвинул металлический стул и сел рядом с кроватью. — Всего одно небольшое усилие, и мы дадим вам отдохнуть, пока Вы полностью не поправитесь. Я хочу, чтобы Вы взглянули на эти фотографии. — Он разместил их под конусом света, отбрасываемом лампой. — Вы узнаете кого-нибудь, миссис Прендергаст? Предположительно, это те самые люди, которые ворвались в агентство.

Собрав всю оставшуюся в ней энергию, женщина окинула взглядом фотографии. Похоже, она не очень-то заботилась о том, чтобы ответственный за эти бечинства был найден. Скорее всего, она хотела как можно скорее забыть всё то, что произошло, — стереть из памяти те ошеломившие её секунды, за которые какой-то посторонний внёс непостижимый штрих трагедии в поток её повседневной рутины. Этого не могло случиться; должно быть, это был дурной сон, и даже эти минуты полубессознательного состояния — когда она оказалась в комнате, которая не была её собственной, в комнате без цветов, стены которой были выкрашены в бледные цвета больницы — были частью кошмара.

— Я ничего не помню, — сказала она. — Всё произошло слишком быстро. На них были тёмные плащи и шляпы, и они были очень высокими. Это всё, что я могу вам сказать.

— Посмотрите внимательно, — настаивал Налти. Он наклонил абажур так, чтобы свет не отсвечивал от фотобумаги. Потом он расположил пальцы по верхнему краю снимков, скрывая лбы и очертания черепов мужчин. — Теперь Вы их узнаете?

Миссис Прендергаст с трудом подняла голову.

— Это он, — сказала она, уверенно указав на одну из фотографий. — Я встала; он подошёл ко мне, ни говоря ни слова, взял вазу, выбросил гладиолусы на пол, даже не взглянув на них, и ударил меня по голове.

— Спасибо, миссис Прендергаст. Отдохните и не волнуйтесь. Мы больше не будем Вас беспокоить.

Налти встал и выключил лампу.

— Скалла, — пробормотал Макги.

Двое мужчин вышли из комнаты.

— Ну, теперь у нас есть кое-что определённое, — сказал Налти.

— Как раз вовремя, — проворчал Макги. — Я не знаю, что случится с этой сигаретой, если мне придётся провести в этом месте ещё минут десять. Наверное, я её проглочу. Поехали в Управление.

Они прошли через вестибюль и остановились на короткой лестнице, ведущей на лужайку. Макги поднёс сигарету ко рту, чиркнул спичкой и глубоко затянулся. Налти последовал его примеру. Он курил голландские сигары; это одно из немногих излишеств, которое он себе позволял, и которое серьёзно вдияло на в колонку его личных расходов в семейном бюджете.

— Мне нужно кое-что сделать, — пояснил Налти. — Я собираюсь проверить данные, которые сегодня утром дал мне Марлоу.

— Марлоу? — прогремел Макги. — Значит, тебе тоже посчастливилось с ним столкнуться? Знаешь что, Налти? Этот парень сводит меня с ума. Терпеть не могу его высокомерие и то, как исподволь он хвастается своими маленькими подвигами — как будто он не делает всё возможное, чтобы ткнуть нам их в нос. Я собираюсь рекомендовать раз и навсегда отозвать его лицензию.

Налти взглянул на толстый столбик пепла, образовавшийся на конце его сигары. Это зрелище принесло ему глубокое ощущение благополучия, такое же приятное, как вкус табака и аромат, который обычно отпугивал людей, когда он выдыхал полный рот дыма.

— Ну ладно, ты собираешься посвятить меня в это дело или как? — зашипел Макги.

— Я расскажу Вам через час в Управлении. Сначала надо во всём убедиться.

— Не смотри на меня с довольной мордой бабуина, — сказал Макги. — И не дыши на меня, когда куришь одну из своих отвратительных сигар. Мне не только приходится мириться с наглостью Марлоу, но и наблюдать, как он заставляет таких парней, как ты,

тратить своё время, за которое мог бы успеть сделать что-нибудь полезное. Если бы это зависело от меня, я бы вышиб его прямо сейчас.

— Жаль, что это от Вас не зависит, — добродушно сказал Налти. — Но Вы в любое время можете подать заявление о переводе в участок на 77-й улице. Там всегда полно возможностей. В любом случае, думаю, что через час увижусь с шефом. И я на службе, хотя даже если Вы так и не думаете. Увидимся позже, МакГи. Скоро я буду у Вас с новыми данными.

Налти оставил инспектора МакГи приходить в себя на полпути вниз по лестнице и втиснулся в свою машину. Просто целиком разместиться на переднем сиденье «форда» для него уже было немалым подвигом.

Он плавно свернул на Альта-Бреа-Кресент, продолжил спуск по Гринвуд-Плэйс, пересек Гриффит-парк и через несколько секунд влился в поток машин, съезжающих с бульвара. Ведя машину, он не мог оторвать взгляда от своих больших пожелтевших рук или от мятых манжет рубашки, торчащих из-под коричневого пиджака. Двадцать лет службы в полиции, звание первого лейтенанта, на содержании жена и трое детей, зарплата, которая едва позволяла ему прожить месяц, имея в запасе всего лишь полбака бензина, и обязывала его снизить порцию потребления своих драгоценных сигар до двух-трех в день максимум — но, несмотря ни на что, он любил свою работу. Это давало ему свободу и независимость, которыми Налти очень дорожил. Он не был парнем, который мог бы сидеть за столом или выполнять какую-то другую бюрократическую работу. Двести тридцать фунтов⁷⁰ его веса вырабатывали слишком много адреналина, чтобы усидеть спокойно на одном месте больше часа. Возможно, он мог бы стать боксером, как кто-то посоветовал ему, когда он был подростком, или даже водителем грузовика. Но человек не заканчивает среднюю школу, жертвуя всем, только для того, чтобы пристроить себя на сиденье кабины тяжелого грузовика, перемещающегося туда и обратно по бесконечным шоссе Соединенных Штатов со скоростью жалких сорока миль в час⁷¹. Инстинктивно Налти перевел взгляд на восток и стал созерцать горные вершины, возвышающиеся над рваными дождевыми облаками. Невероятно, но за все свои сорок три года он ни разу оказывался за этими горами. Он даже никогда не покидал Калифорнию. Никто, как он, так не хотел увидеть все штаты, исследовать огромную страну с запада на восток, с севера на юг. Конечно, он любил Калифорнию со всем патриотизмом, на который был способен, и сомневался, что в стране есть другой штат, который мог бы с ней сравниться. В Калифорнии было всё, что только могло понадобиться человеку. Глядя на общую картину в целом, Налти не мог не испытывать настоящего удовлетворения; его единственным настоящим профессиональным риском было то, что у него почти никогда не было времени отступить назад и обдумать эту общую картину, чтобы оценить истинное значение свободы, которая у него была, когда он был плотно запечатан в капсуле своего автомобиля. Слишком часто работа заставляла его терять из виду то, что было важно, погружала в мелочи повседневной рутины и окутывала грязной реальностью сточной канавы. И, конечно, время от времени ему приходилось по несколько часов полировать задницей жёсткие сиденья в Управлении. Однако итоговый баланс была явно положительным; время от времени Налти удавалось удовлетворить свои жизненные потребности, отделявая какого-нибудь достойного типа, который сам на это напрашивался, или упражняя свой ум, когда этого требовали обстоятельства. Были моменты, когда он завидовал неограниченной свободе Марлоу заниматься более или менее тем, что и он, не отчитываясь ни перед кем при этом. И были моменты, когда он ненавидел таких людей, как инспектор МакГи, чьи

⁷⁰ Около 104 кг.

⁷¹ Около 64 км/ч.

мозги были размером с комариные, и которые компенсировали свой печальный недостаток воображения, заставляя страдать всех остальных. Работа, ставшая для Налти образом жизни, находилась на где-то на полпути между двумя этими крайностями, завистью и отвращением.

Налти свернул с бульвара Сансет на Дохени-драйв, у начала подъёма Стрип, и поехал к зданию Департамента дорожного движения полиции Лос-Анджелеса. Он остановился у широких ворот на Саут-Хайленд-авеню. Именно здесь скапливались на несколько месяцев украденные, брошенные и не востребуемые автомобили. Дежурный офицер у входа узнал его и пропустил, с улыбкой поприветствовав. Налти подъехал и припарковал «форд» рядом с офисом дежурного сержанта. Его звали Арт Хак.

— Привет, Арт, — сказал он, открывая дверь в офис. — Как дела?

Мужчина убрал ноги со стола.

— Что привело Вас сюда, лейтенант? — Они пожали друг другу руки. — Подержанная машина? Вы же знаете, как это бывает: предложение всегда превышает спрос.

— Я ищу кусок дерьма, который отбуксировали со стоянки в аэропорту прошлой ночью — седан «плимут», невадские номера, 6330.

— Ах, да. За ним никто не пришёл. Хотите взглянуть?

— Она заперта?

— Да, но это легко исправить.

Сержант взял отвертку и кусок проволоки в форме вешалки.

— Сюда, лейтенант.

Они прошли по огромному асфальтированному двору. Вдоль проволочных ограждений стояли автомобили всех марок, типов и цветов. Они нашли «плимут» в конце полосы. Свинцово-серый, как сказал Марлоу. Налти наклонился к окну и заглянул внутрь.

— Минутку, лейтенант.

Сержант приложил отвертку к верхнему краю стекла, и нажимал на неё до тех пор, пока не удалось сдвинуть стекло на несколько дюймов, затем пропустил проволоку и дал зацепиться за ручку двери. Он рывком проволоки приподнял её, и дверь открылась.

— Так просто, да? — сказал Налти. — А потом люди жалуются, что кто-то угнал их машину.

Ни на сиденьях, ни на приборной панели, ничего не оставили. Налти старался не касаться руля. Он нажал кнопку, открывающую бардачок. Верх выскочил наружу; внутри лежали тряпка и пустая сигаретная пачка. Он накрыл пачку носовым платком и положил их в карман. Когда он собирался захлопнуть крышку, то увидел на её задней стороне наклейку. Чёрные буквы на оранжевом поле гласили: «Джордж У. Хикс — Подержанные автомобили — Карсон-Сити, тел. 13-572». Налти записал имя и номер в блокнот.

— Давай позвоним в Карсон-Сити, — предложил лейтенант. — Я хочу узнать, кому этот Хикс продал эту машину и когда. И я собираюсь поручить человеку из Технического отдела снять отпечатки пальцев.

Он захлопнул дверцу «плимута».

— Зачем это всё? — спросил Арт Хак.

— Из-за пары залётных, задавших нам много работы в последние несколько дней. Они бросили эту тачку в аэропорту, на что у них, должно быть, была причина. Вероятно, хотели, чтобы мы решили, что они сбежали. Но они всё ещё здесь, и, должно быть, что-то замышляют. Сделай мне одолжение, Арт. — Налти остановился у двери в офис сержанта.

— Позвони этому парню и спроси у него имя или, по крайней мере, полное описание того,

кто купил у него «плимут», и когда он его продал. Когда у тебя будет эта информация, позвони мне в Отдел убийств. Я сейчас поеду туда.

— Хорошо, лейтенант. Что мне делать, если за машиной кто-то придёт?

— Попроси предъявить документы и задержи. Запроси подмогу, потому что эти ребята вооружены и опасны. Но я не думаю, что это случится. Если мы ошибаемся и «плимут» принадлежит кому-то другому... что ж, тогда я лично приеду к вам извиниться.

Сержант улыбнулся. Налти помахал на прощание окурком сигары и втиснулся на переднее сиденье «форда».

► **11:07 утра. Управление полиции Лос-Анджелеса.** Капитан полиции Лос-Анджелеса Тэд Браун и инспектор Макги были в своём офисе. Когда Налти вошёл без стука и устроился на своём обычном месте в кресле перед столом шефа, они подняли глаза и уставились на него.

— Хак пять минут назад звонил со стоянки, — сказал Тэд Браун. — Некий Джордж У. Хикс из Карсон-Сити не знает имен парней, которым он продал «плимут». Их было двое. Описание, которое он дал, совпадает с описанием Скаллы и Сукесяна. Ещё они купили «олдсмобиль 98», калифорнийский номер 3-416. Это случилось в понедельник, двадцать третьего сентября, в девять утра.

— Ага! — сказал Налти. — В день, когда убили Адресса.

Тэд Браун оставил это без ответа.

— Не думаю, что эти два парня купались в деньгах, — затем заметил он. — Должно быть, сначала они собирались на какое-то другое дело. Вы не станете покупать две машины в один и тот же день, чтобы бросить одну из них через два дня. «Плимут» обошёлся им в 600 долларов. Им, должно быть, хорошо заплатили.

— «Олдсмобиль 98», номер 3-416, — вставил Налти. — Какого, говорите, цвета?

— Я не говорил. Светло-зелёный. За него они заплатили 859 долларов.

— Понедельник, двадцать третье, девять утра. За сколько можно добраться от Карсон-Сити до Лос — Анджелеса?

— Через Сан-Франциско, если повезёт, где-то за тринадцать-пятнадцать часов.

— Следовательно, они вполне могли оказаться здесь к одиннадцати вечера. И убили Адресса через час или два. Хорошая версия, — предположил он, — или нет?

— Пусть другие делают выводы, — сухо сказал Браун. — Занимайся своей работой. Взгляни на это.

Он протянул серый лист бумаги, отпечатанный на ротаторе. Налти подобные отпечатки были очень хорошо знакомы. Он прочел:

ЦИРКУЛЯР № 237. 2709/56. 0800 ЧАСОВ.

ОТ ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ ПОЛИЦИИ ЛОС-АНДЖЕЛЕСА РУКОВОДИТЕЛЯМ ДЕПАРТАМЕНТОВ И СПЕЦИАЛЬНЫХ ОТДЕЛОВ. КОНФИДЕНЦИАЛЬНО.

ТЕМА: ПОДТВЕРЖДЕНИЕ ЛИЧНОСТИ И ИМЕЮЩИЕСЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА ПРОТИВ СТИВА СКАЛЛЫ, ТАКЖЕ ИЗВЕСТНОГО КАК ЛУ ЛИД, И АРИСАМЯНА СУКЕСЯНА, ТАКЖЕ ИЗВЕСТНОГО КАК МУЗ МАГУН. (СМ.ПРИЛАГАЕМЫЕ ФОТОГРАФИИ И ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЕ ОПИСАНИЯ.)

ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ УБИЙЦЫ РЕПОРТЕРА ЧАРЛЬЗА МОРТОНА, СОВЕРШИВШИЕ НАПАДЕНИЕ В ЗДАНИЕ «АВЕНАНТ» И ПОКУШЕНИЕ НА УБИЙСТВО ОФИЦЕРА ДЖОНА ГЭЛБРЕЙТА. УЧИТЫВАЯ ИМЕЮЩИЕСЯ ДАННЫЕ И В СВЯЗИ С КРАЙНЕЙ ОПАСНОСТЬЮ УПОМЯНУТЫХ ЛИЦ, ВСЕМУ ПЕРСОНАЛУ, ПРИВЛЕЧЁННОМУ К

ПОИСКАМ, НАСТОЯЩИМ ДАНЫ ПОЛНОМОЧИЯ И ПРИКАЗАНО ПРИМЕНЕНИЕ ОРУЖИЯ НА МЕСТЕ, НЕ ДОПУСКАЯ НИКАКИХ ПРОВОЛОЧЕК, КАК ТОЛЬКО БУДЕТ ПОДТВЕРЖДЕНА ЛИЧНОСТЬ ПОДОЗРЕВАЕМЫХ. НАЧАЛЬНИКАМ ОТДЕЛОВ, РУКОВОДИТЕЛЯМ СПЕЦИАЛЬНЫХ ОТДЕЛОВ И ОПЕРАТИВНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ОТДАТЬ ПОДЧИНЕННЫМ СООТВЕТСТВУЮЩИЕ РАСПОРЯЖЕНИЯ.

— Так вот в чём дело? — прокомментировал Налти, бросая меморандум на стекло на столе. — Ну, что ж, Тэд, это то, о чём, Вы мне уже говорили? И кого мы сейчас защищаем?

— Систему, — ответил Тэд Браун. Если в его голосе и прозвучали циничные нотки, то Налти уже давно привык к тому, что его шеф разговаривает и ведёт себя так, что трудно заметить перемену в его тоне. — Мы ищем пару убийц, а также делаем всё возможное, чтобы позволить конструкции устоять. В этом более или менее и заключается наша работа.

— Понятно. Тогда моя работа — это «олдсмобиль», а Ваша — проследить, чтобы не рухнули цементные опоры системы, — подчеркнул Налти. — Полагаю, вчерашняя охотничья партия не вернулась с трофеем.

— Нет. Эти ребята очень осторожны. Они, наверняка, не остановились в «Шератоне» или «Холидей Инн», но кто-то ведь должен был устроить их в каком-нибудь удобном и безопасном месте.

— А хор лос-анджелесских мальчиков? — спросил Налти. — Никто из солистов не заинтересовался возможностью заработать себе арией дополнительный кредит?

Тэд Браун спокойно и аккуратно начал набивать трубку. По привычке Налти перевёл взгляд на Макги. Инспектор невозмутимо курил. Несмотря на то, что сегодня было двадцать седьмое число и его запас двадцатипятицентовых голландских сигар подходил к концу, Налти решил к ним присоединиться. Он достал из нагрудного кармана «ван дер графф» и откусил от неё кусочек, который, должно быть, стоил не меньше пяти центов.

— А что там с Велмой Валенто? — спросил Налти.

— Теперь она моя проблема, — сказал Тэд Браун. Он заставил ровное пламя выпрыгнуть из своего «ронсона» и ловко покатав туда-сюда чашечку трубки, пока табак в ней не раскурился. — И мне казалось, что твоей был Марлоу, — добавил он. — Но, по словам Макги, Марлоу метался по всему городу, и никому не было дела до того, что он делает и куда суёт свой нос.

— Я приставил к нему Ногарда. Вместе с Фулвайдером, который должен был сменять его каждые три часа, и с приказом немедленно сообщать мне обо всех его передвижениях. Но когда я отдал приказ, Марлоу не было у себя дома, и никто не мог его найти, пока он не объявился в больнице с раненым Гэлбрейтом. Вы же знаете, какой он скользкий тип. Сейчас он отсыпается в своей квартире на Brentwood-Hایتс.

— Ты выделил Ногарда и Фулвайдера. А у меня сложилось впечатление, что я лично приставил тебя к Марлоу. Если ранее я неясно выразился, давай постараемся избежать каких-либо недоразумений в будущем. Найди его немедленно и не выпускай из виду ни на минуту. Слушай меня внимательно, Налти, — добавил он, опершись локтями на стол. — На меня досаточно давят сверху; просто прочти циркуляр ещё раз: сначала стреляйте, потом задавайте вопросы. Это поступило прямо с самого верха. По меньшей мере два человека погибли, а третий находится в критическом состоянии. Я и сам разделяю точку зрения начальства: пока не объявится мисс Валенто, Марлоу — самая вероятная приманка. Я возлагаю на тебя личную ответственность за его дальнейшее хорошее самочувствие.

— Ясно. Тогда я собираюсь насадить на крючок наживку.

— Предоставь приманку самой себе. Просто следуйте за ним и ждите, пока рыба клюнет. Светло-зеленый «олдсмобиль-98». Держи удочку обеими руками, а когда они клюнут, не

дай им сорваться. Как только эта конкретная проблема будет решена, у нас будет достаточно времени, чтобы перейти к более общим вопросам.

— Да, — сказал Налти, вставая. — Например, посмотреть, как и где мы начнём перестраивать систему.

► **2:53 дня. Брентвуд Хайтс.** Дзыыынь, дззззыыынь, дззззынн. В гостиной зазвонил телефон. Я проснулся с убеждением, что закрыл глаза только что; мои часы, однако, пытались заставить меня поверить, что я проспал около четырех часов. Я ничего не мог вспомнить. Дзыыынь, дзыыынь... телефон продолжал требовательно звонить.

— Иду я! — заорал я.

Он не умолкал. Я потерял четыре драгоценных часа своей жизни, погруженный в какой-то глубокий колодец — ни света, ничего не видно, ни зловещих теней, ни воспоминаний. Фрейд был всего лишь дешёвым растяпой, а сон был просто лабиринтом, спиралью спускающимся к чему-то похожему на смерть; он не был заполнен символами или образами, он был пуст, как трюм потерпевшего крушение корабля, выброшенного на мель у какого-то пустынного берега.

Дзыыынь, дзыынь, дзыыынь.

— Кто это? — пробормотал я.

Далекий и смутно знакомый голос отозвался с того конца линии.

— Марлоу? Рад, узнать, что ты жив.

— Кто это? — повторил я.

— Чандлер, — произнёс голос.

— Кто?

— Рэймонд Чандлер. Кажется, мы встречались.

— Будь я проклят. Христос всемогущий. Вы как-будто на другом конце света. Звоните из Англии?

— Нет ещё. Я отдыхаю, пока пишу роман: мой последний.

— Обещаю, что прочту. Держу пари, что он не станет последним.

— Послушай, Марлоу. У меня здесь кое-кто, с кем тебе будет интересно поговорить. Подожди минутку, я передам трубку.

— Привет, Филип.

— Велма?

— Какой сюрприз, а?

— Что с тобой случилось? С тобой всё в порядке? Чёрт возьми, мы уже представляли себе худшее. Ты где?

— В очень красивом месте, в горах недалеко от Сан-Бернардино. Город называется Биг-Бэр-Лэйк, тут есть маленькое озеро, и воздух здесь очень чистый. По крайней мере, так мне сказали — с тех пор, как я сюда приехала, всё время идёт дождь.

— О, чёрт! Как ты там оказалась?

— Ты всегда так много ругаешься? У меня складывается впечатление, что за последние двадцать четыре часа ты очень испортился.

— Прошло всего двадцать четыре часа? Мы искали тебя повсюду. В агентство вломились; миссис Прендергаст, или как она там себя называет, избили, она сейчас в шоковом состоянии. Кто-то пытался проникнуть в твой дом.

— Боже мой, — выдохнула Велма.

— А теперь ты не хочешь немного поведать мне о том, как там оказалась? И твоих планах на будущее?

— Это длинная история. Чандлер убедил меня, что ему меня где-то укрыть. Сначала я была против; а теперь я вижу, что он был прав.

— Что ж, в конце концов, это было разумно. Что Чандлер знает обо всём этом?

— Он сможет рассказать тебе это лучше, чем я. Ты сможешь приехать ко мне?

— Не только могу — это именно то, что я хочу сделать немедленно. Послушай, тут ещё кое-кто очень хочет тебя видеть.

— Ты имеешь в виду полицию?

— Нет, по крайней мере, на данный момент. Терри.

— Кто?

— Терри Андресс.

— Терри здесь?

— Приехал вчера вечером. Вылетел из Лондона в Нью-Йорк и прибыл в Лос-Анджелес около половины двенадцатого. Он продолжить дело отца, и у меня сложилось о нём очень благоприятное впечатление. Подход Джесси Флориан тоже изменился.

Велма не ответила.

— Не будешь возражать, если я прихвачу с собой Терри? Он никогда не простит мне, если я этого не сделаю.

— Конечно, нет, но я бы предпочла, чтобы его мать не имела к этому никакого отношения.

— Не волнуйся, нет никаких причин посвящать её в это. А теперь скажи мне, как туда добраться.

— Чандлер расскажет. Я прощаюсь. Целую.

Ее губы что-то мягко прошуршали с высоты шести тысяч футов⁷² над уровнем моря в каком-то затерянном, далеком уголке Сьерра-Невады.

— Послушай, Марлоу, — раздался пьяный хриплый голос Чандлера. — Ты ведь знаешь горы Сан-Бернардино, так ведь? Рядом есть большое озеро, туристическое место с домиками и бунгало, разбросанными вокруг него: Эрроухед. Не будет никаких проблем его найти. Город Биг-Бэр-Лэйк находится примерно в пятнадцати милях от Эрроухеда. Когда доедешь, спроси в художественном салоне «Тотемный столб» или в баре «Плюшевый мишка» лачугу Чандлера; меня здесь все знают. Лучший маршрут в Сан-Бернардино — бульвар Уилшир, Каньон-драйв, Лост-Каньон-роуд и так далее. Возьми подробную карту этой местности.

— Ладно, Рэймонд. До скорой встречи.

Не теряя ни минуты, я позвонил в «Рузвельт». Очевидно, Терри ждал около у телефона. Я кратко изложил ему наш разговор и пообещал заехать за ним через час. Я спросил себя, не стоит ли сообщить об этом кому-нибудь другому. Налти сказал, что позвонит мне, но не сделал этого — с «плимутом», вероятно, произошло ни что иное, как была не чем иным, как одним из тех, приводящих к ошибочным выводам, совпадений. Тем не менее сюжетные линии причудливо запутывались. Скалла и Сукесянн всё ещё оставались на свободе. Несколько часов назад я бы поклялся, что полиция не спешит их схватить. Теперь всё было по-другому. Они ранили полицейского: они играли не по правилам. Бедняга Гэлбрейт с пулей, застрявшей в легком, оказался удобным жертвенным агнцем. Ярость

⁷² Около 1830 м.

Макги после смерти Мортон была не чем иным, как уловным рефлексом, необходимым ежедневным выбросом, вызванным дурным расположением духа. С точки зрения Макги, мы с Мортон принадлежали к той категории форм жизни, которая также включала паразитов, стервятников и других существ, которые питались отбросами и падалью. С минуту я пытался взглянуть на вещи с его точки зрения и при этом почти позволил себе поддаться невероятной волне сочувствия. Это усилие почти прикончило меня. В конце концов, какое мне, чёрт возьми, мне дело до того, что Макги может подумать или захотеть поступить в этом деле? Этот вопрос имел такое же отношение к моим собственным сомнениям, разочарованию и усталости, как и к инспектору Макги. Я задавался вопросом, может ли существовать таинственная параллель между решением Чандлера написать свой последний роман и смертельной апатией, которая постепенно подкрадывалась ко мне в течение бесконечных, бесплодных месяцев и лет. Возможно, Чандлер решил прекратить писать как раз в тот момент, когда я пришёл к не менее навязчивому решению перестать плевать на окружающих. Я был голоден, да и горячий душ был бы неплохой идеей. Мне нужно было побриться. Я выглянул в окно. Небо всё ещё оставалось серым. Что, чёрт возьми, происходит с Калифорнией? Сначала лето испарилось в мгновение ока, превратившись в какую-то экваториальную эмульсию, а затем одна из самых мрачных и холодных осеней на моей памяти прорвалась с кудрявых океанских гребней, чтобы занять её место. Я решил, что душ имеет первостепенное значение и сможет поднять мой моральный дух; а перекусить я мог бы остановиться и по дороге. *Давай, Марлоу, поехали.* Боже мой, смогу ли я когда-нибудь закончить эту нелепую гонку со временем, побороть панику собственных или чужих страхов, перестать тратить все свои силы, спасаясь от смерти? В глубине души я начал подозревать, что Фрейд всё-таки был прав: Эрос⁷³ и Танатос⁷⁴, их смертельная битва была решающей; выбор был прост — действовать или умереть. Я подумал о Фаусте в его алхимической лаборатории. В начале было действие — и это был поступок, а не то слово, которое создало мир.

Терри выглядывал наружу через застекленные двери «Рузвельта». Я приоткрыл дверь «триумфа», и он запрыгнул внутрь. Выглядел он обеспокоенным и нервным, вне всякого сомнения, от перспективы увидеть Велму. Был ли он всё ещё влюблён в неё? В любом случае, я решил не думать о нём, как потенциальном сопернике, да и он не видел во мне такового. Он накинул замшевую куртку, а в остальном был одет точно также, что и накануне вечером. Я тотчас же тронул машину, мы двинулись на север по Пятой авеню, повернули на запад по Флорес и поехали прямо в Глендейл по одноимённому бульвару. Я точно знал, что этот короткий путь приведёт нас к Лост-Каньон-роуд, через Лавем-Террас, чтобы затем начать подъем на холмы, избегая скопления машин на бульваре Уилшир и Каньон-драйв. Мне не нужна была карта, чтобы добраться до Сан-Бернардино; дорожных указателей было вполне достаточно. А там было бы легко разобраться, как добраться до озера Эрроухед, а затем и до Биг-Бэр-Лэйка.

Было почти пять часов вечера. По мере того как мы поднимались выше, ветер становился холоднее, а заходящее солнце посылало нам свои косые лучи сквозь тонкие облака. Посреди всей этой серости осень начала обильно покрывать золотом ветви берёз и клёнов, проплывающих мимо нас, добираясь также до огромных дубов по другую сторону шоссе. До Сан-Бернардино оставался ещё час времени, а я проголодался. Датчик топлива показывал, что бак заполнен наполовину. Я остановился у первой же попавшейся

⁷³ Эрос — божество любви в древнегреческой мифологии, безотлучный спутник и помощник Афродиты, олицетворение любовного влечения, обеспечивающего продолжение жизни на Земле.

⁷⁴ Танатос — в древнегреческой мифологии олицетворение смерти, сын Нюкты и Эреба, брат-близнец бога сна и сновидений Гипноса.

заправочной станции. Люминесцентные рекламные щиты подлёскивали в лучах заходящего солнца, рекламируя мотель, закусочную и кафе.

К нам подошел служащий в белом комбинезоне.

— Полный бак и оставь её там, — сказал я. — Лови ключи — мы будем в закусочной.

— Хорошо, босс, — сказал мужчина, налету ловя ключи. У него была хорошая реакция.

Мы устроились у окна. Я заказал двойной бургер, картофель фри и пиво. Терри не захотел ничего, кроме кофе. Я решил, что и мне потом было бы неплохо выпить чего-нибудь горячего, и попросил официантку принести так, чтобы хватило двоим.

— Мы ещё не обсудили то, что ты собирался рассказать мне об отцовском бизнесе, — напомнил я ему.

— Точно, — ответил он. — Но поскольку мы скоро встретимся с Велмой, как ты думаешь, может стоит ли обсудить это вместе с ней?

— Давай-ка прикинем, — сказал я. — Это как-то связано с отношениями твоего отца с некоторыми писателями, которых нет в официальном списке клиентов агентства?

Терри задумчиво наблюдал за мной. Вероятно, он пытался прикинуть или угадать, как много я знаю об этом деле.

— Значит, Вы всё знаете? — спросил он.

Несколькими предложениями я кратко изложил ему, как Чандлер поведал мне о политических симпатиях Андресса, а затем рассказал ему о зашифрованном списке, который Велма нашла в его личных бумагах.

— Я знал, что у отца был такой список, — сказал Терри. — Но, более того, там были документы, имеющие гораздо большее значение, чем простой список. Именно их искали в офисе в «Авенанте». И из-за них его убили.

— Что за документы?

— Контракты. Секретные, но оформленные по всей форме. Это был способ отца защитить себя от любых угроз и вымогательств.

— Это мы ещё выясним. Продолжайте.

— Ну, Вы, должно быть, имеете представление о том, кто эти писатели, которых пытался защитить отец. Я встречался с двумя или тремя, когда гостил у него. Это были люди, которые не хотели слишком часто светиться в Голливуде. В то время я мало что знал о чёрных списках. Я узнал о маккартизме, когда учился в университете, и мы организовали общество против него; это было не что иное, как форма студенческого протеста — Вы хорошо можете себе представить, что это означало. Мы протестовали против подобной политики и защищали свои абстрактные идеалы. Мы знали, что людей допрашивают, заставляют отказываться от своих политических убеждений, угрожают потерей работы и даже тюрьмой. Мы знали, что люди доносят на своих друзей и родственников. Всё это заставляло нас негодовать. Мы видели, как в нашу страну приходил нацизм; поднимался топор террора и репрессий размахивал, и ответственными за это были не несколько заблудших фанатиков, а наше собственное правительство. Но всё, что мы делали имело чисто символическое значение. Никто из нас не знал, как бороться с ним более эффективно. А позже я понял, что отец знал — он боролся с маккартизмом смело и организованно.

Возможно, я с чем-то был не полностью согласен, но я всё равно кивнул.

— Сначала он работал над созданием ассоциации голливудских литературных агентов. До этого агент был единственным посредником между писателем и крупными продюсерами. У него не было никакого влияния. Студии переступали через его голову и оставляли его в

стороне всегда, когда могли, им не нравился процент, который они должны были выплачивать агентам по контрактам. Также было много споров о том, должна ли ассоциация агентов представлять их всех. Ну, может быть, я немного и далёк от истины, но, насколько мне известно, введение новых правил пошло на пользу как авторам, так и агентам. Киностудиям легко помыкать малоизвестным писателем. В действительности, можно хорошо заработать на действительно выдающемся сценарии, но такие случаи можно пересчитать по пальцам одной руки. Ассоциация впервые выдвинула требование об обязательном привлечении агента. И агенты научили сценаристов, как вести дела со студиями. Именно они установили стандарты, тарифы, процентные отчисления и минимум оплаты. Это была организованная и рациональная форма взаимодействия. Хотя кое-кто всё ещё и может это оспаривать, общее мнение весьма благоприятно.

— Расскажите мне ещё немного о писателях, с которыми Вы познакомились в доме Вашего отца, — попросил я.

— Как я уже сказал, двоих или троих из них нельзя было встретить в Голливуде, они или находились в заключении, или значились в черных списках. Никто не хотел покупать то, что они могли предложить, а если что-то и покупали, то платили всего ничего. Мой отец решил, что займётся такими сценариями. Он не мог сделать это открыто, но и не хотел делать это незаконно. Он заключил контракты по всей форме на с указанием настоящих имён авторов, хотя студии использовали в титрах фильмов псевдонимы. В контрактах указывалось имя отца и этим, как бы, себя компрометировало, но и студии также должны были согласиться с итоговой цифрой. Как я уже говорил, это был единственный способ защитить себя и все эти операции. Но это ему особо не помогло, — с горечью размышлял Терри.

— И Вы думаете, что эти контракты всё ещё где-то хранятся?

— Должны... Иначе как объяснить взлом в агентстве? И, в противном случае, зачем им пытаться проникнуть в дом Велмы? Вероятно, их не нашли «Авенанте» и решили, что Велма поместила их в более безопасное место.

— Вполне правдоподобно. Но почему они не попытались найти их в доме твоего отца?

— Не знаю. Полагаю, что, должно быть, они отправились туда, чтобы забрать их. Отец отказался отдать их, и они убили его. Они не могли слишком сильно там наследить, потому что, в этом случае, никто никогда не поверил бы в историю с самоубийством.

— Из Вас вышел бы хороший детектив, — признал я. — Но не думаю, что Ваш отец остался бы в живых, даже если бы и отдал бумаги. Таких людей, как Скалла и Сукесян, используют с чётко определённой целью. Эти люди — наёмники. Тот, кто несет ответственность за смерть Вашего отца, вероятно, полагал, что, избавившись о него, можно окончательно покончить с этим делом, независимо от того, всплывут контракты или нет. Всё пошло наперекосяк, когда в статье Мортон всплыли некоторые факты, указывающие на то, что Ваш отец был убит. С этого момента ответственные за это люди побоялись, что, если Мортон слишком сильно раскачает лодку, то эти контракты укажут на них, как заказчиков убийства Вашего отца. И только тогда эти документы стали настолько важными; не думаю, что нападение на агентство и попытка нападения на дом Велмы произошли бы, если бы всё пошло так, как планировалось изначально.

— Думаю, Вы правы, — согласился Терри.

Я взглянул на часы. Мы находились в закуской уже больше двадцати минут. Темнота сгустилась, снаружи мигающая овальная вывеска «Эссо» бросала на тротуар красные и синие вспышки. Тени быстро оседали в складках далёких холмов. Я допил последний глоток кофе, закурил «кэмел» и взял счёт, чтобы расплатиться на кассе. Навстречу нам направился сотрудник в белом.

— Четыре двадцать пять, — сказал он. — Ваши ключи.

Я протянул ему пятидолларовую купюру и попросил оставить сдачу себе.

— Спасибо, шеф, — ответил он.

— Сколько отсюда до Сан-Бернардино? — спросил я.

— Если знаете, как ехать по горной дороге, около сорока пяти минут, — ответил он.

Когда мы садились в кабриолет, перед бензоколонкой остановился огромный зелёный «олдсмобиль».

Главная улица Сан-Бернардино была заполнена неоновыми огнями. В шуме города в ледяном горном воздухе было что-то такое, что вполне соответствовало бы веселью в стенах отдалённого вольного города эпохи Каролингов. Каким-то чудом шторм застрял в нескольких тысячах футов под нами в барьере из скал и гигантских дубов, которые росли на склонах холмов. Мы миновали музыкальный бар, от которого дрожала вся улица; в шести футах над его входом огромный разноцветный головной убор нависал над профилем индейского вождя с выступающей челюстью; его перья двигались туда-сюда, загорались и гасли в такт мигающей вывеске танцевального клуба «Индийская Голова». Чуть дальше мы наткнулись на отель «Олимпия» и огромную аптеку, которая объявляла, что открыта двадцать четыре часа в сутки, и в то же время десятки гудящих люминесцентных ламп делали всё возможное, чтобы сдержать это обещание. Проезжая мимо кегельбана, я притормозил и высунул голову в окно.

— Как проехать к озеру Эрроухед? — спросила я парочку, собиравшуюся туда войти, весело помахивая сумками с обувью, взятой напрокат.

— Прямо, — ответил молодой человек. — Отсюда, примерно, в тридцати милях.

Мы помахали друг другу, и мы снова тронулись в путь. Как только мы свернули с главной дороги, то снова погрузились в густые облака; сквозь их кучевые и слоистые клочья пыталась пробиться луна. Дорога зигзагами поднималась вверх. Для гравийной дороги она выглядела довольно неплохо, с широкими обочинами, которые резко обрывались к сосновому лесу. После третьего или четвертого поворота сквозь деревья мы увидели Сан-Бернардино — скопление неоновых оней и несколько разбросанных источников жёлтого света. Я решил, что мы поднялись примерно на шестьсот футов; воздух стал суше и наполнялся запахами смолы, и проникающими ароматами сосен и эвкалиптов. Машина поднимала пыль, опускающуюся с вершин каньона. Я рулил ещё долгих полчаса. Терри не устоял перед «кэмелом», о чем, похоже, не сожалел, как мне тогда показалось. Внезапно пространство по обе стороны от нас расширилось, и ночь превратилась в почти призрачное отражение озера. Это было Эрроухед. Мы обогнули его по дальнему южному краю. Днём вид, должно быть, был впечатляющим. На фоне сверкающей и переливающейся воды резко выделялись силуэты бунгало и пристаней с пришвартованными у них покинутыми на ночь катерами. Дорога описывала полукруг в течение примерно пятнадцати минут, пока мы не уткнулись в двухэтажное кирпичное здание с террасой, выходящей к озеру, под названием «Таверна на Северном берегу». Я вышел, чтобы спросить дорогу к Биг-Бэр-Лэйку, и мне показалось, что хорошая бутылка бурбона не помешает ни для Терри, ни мне. Я выбрал достойный восхищения и подзабытый «олд форрестер»⁷⁵. Асфальт на дороге внезапно превратился в гравий. С одной стороны возвышался огромный гранитный массив, который являлся западной стеной горы, а вдоль другой тянулся высохший, заполненный валунами овраг. Мы каждый сделали по паре глотков бурбона; пока всё шло хорошо. Было уже больше восьми, так что мы, вероятно, проведём ночь в Биг-Бэр-Лэйке, если у Чандлера найдётся достаточно места в его хижине. Если не так, то «Таверна на

⁷⁵ Марка бурбона.

Северном берегу» оказалась бы неплохим местом. Терри что-то вспомнил о своих путешествиях по Востоку, и внезапно он спросил меня, читал ли я роман Джека Керуака «Бродяги Дхармы»⁷⁶. Я ответил ему, что не знаю, кто такой Джек Керуак.

— Это один из писателей этого поколения, то есть моего, — сказал Терри. — Для многих из нас своего рода пророк.

— Это так? Какой пророк?

— Ну, это сложно. Бродяги Дхармы — это своего рода символ: они относятся к тому типу людей, которые отказываются быть потребителями, и поэтому они отказываются работать ради того, чтобы потреблять всё, что может предложить североамериканское общество: холодильники, телевизоры, автомобили, крем для волос, дезодоранты, всё то, что в любом случае через неделю отправится на помойку. Это общество попало в ловушку бесконечного цикла: работа, производство, потребление, больше работать, больше производить, больше потреблять...

— И что?

— Керуак вообразил великую революцию рюкзаков, тысячи миллионов североамериканцев, путешествующих по миру с рюкзаками за спиной, избегающих системы и живущих в полной свободе, освободившихся от рабства потребления.

— А также от рабства трудиться, — сказал я.

— Верно. Ещё всё не совсем гладко.

— Именно поэтому ты схватил рюкзак и отправился в Европу.

— Вроде того. Но в моём случае в агентстве «Америкэн Экспресс» меня всегда поджидал отцовский чек. Не думаю, что Керуак бы это одобрил.

— Ваш друг Керуак, вероятно, живет за счет чеков, которые присылает ему издатель, — сказал я, чтобы ему стало легче.

На мгновение он задумался.

— А что заставило Вас задуматься об этом прямо сейчас? — спросил я.

— Не знаю. Что-то во всём этом напомнило мне о «Бродягах Дхармы».

— Что значит «всё это»? Вы имеете в виду сложившуюся ситуацию?

— Нет, скорее пейзаж. В романе Керуак пишет что-то вроде этого — я точно не помню — Грунтовые дороги похожи на это: вы чувствуете, как будто парите по шекспировскому раю и что в любую минуту сможете увидеть нимф и услышать свирели, когда вам приходится пробиваться вперёд под палящим солнцем сквозь ад из пыли, колючек, крапивы — всё как в реальной жизни... Я и забыл, что в Соединённых Штатах всё ещё остались такие дороги.

Это казалось правдой. Дорога сужалась по мере того, как мы поднимались, пока наконец не превратилась в тропу, всё ещё достаточно широкую, чтобы на ней смогли разъехаться встречные автомобили. По мере того, как мы поднимались, овраг оставался ниже, и массивные вершины вдалеке, всё ещё залитые недавними дождями, начали испускать чарующие отблески света. Склон вился между оврагами, густо покрытыми кустарником, зарослями травы и соснами. Ночной езде это не очень способствовало; тропа, по которой мы ехали, прижималась к каменной стене, и её изгибы стали частыми и очень плохо просматриваемыми. Я предусмотрительно сигналил фарами каждый раз, когда мы приближались к повороту. Мы проехали около пятнадцати миль, не встретив ни одной машины. Если Чандлер проделал весь этот путь в поисках уединения, он, несомненно, нашёл здесь всё, что ему требовалось. Мы перевалили вершину и съехали на другое

⁷⁶ «Бродяги Дхармы» (англ. «The Dharma Bums») — роман Джека Керуака, изданный в 1958 году издательством *Viking Press*.

покрытое буйной растительностью, холмистое плато. Перед нами лежало Большое Медвежье озеро, поменьше, менее впечатляющее и, вероятно, менее привлекательное, чем Эрроухед, но при этом менее тронутое цивилизацией и потому, имеющее заметное преимущество, чтобы стать почти неприступным прибежищем. Я вспомнил инструкции Чандлера и направился напрямик к скоплению света. Я почти сразу же обнаружил художественный салон «Тотемный столб», но его двери были уже заперты. С другой стороны, «Плюшевый мишка» был всё ещё было открыт. Я вышел из машины, и на этот раз Терри пошёл со мной. Я очень устал.

— Ещё по чашечке кофе? — предложил я Терри.

Он кивнул, и мы устроились за барной стойкой.

— Что вам принести? — спросила веснушчатая блондинка с самодовольной улыбкой. Незнакомцы, вероятно, не кишели тут в это время года, а тем более в такое сомнительное время суток.

— Вы не знаете, где хижина мистера Чандлера? — спросил я.

— Писателя? — она весело ответила: — Конечно, все в Биг-Бэр-Лэйке знают, где он живёт. Вы туда направляетесь?

— Прямо в нос, красавица, — ответил я. — Туда тяжело добраться?

— Пять минут, если вы на машине.

— На самом деле мы проделали весь путь от Пасифик-Пойнт.

Она фыркнула: — Никогда бы не подумала. Почему бы вам ему не позвонить?

— Блестящая идея. У вас есть его номер?

— 2306. У нас есть телефон. Он в кабинке.

Я оставил Терри перед кофейными чашками и позвонил.

— Где ты, Марлоу? — спросил Чандлер. — Мы с Велмой уже начали беспокоиться.

— Если верить прекрасной девице из «Плюшевого мишки», то в пяти минутах от Вашей хижины. Наверное, в темноте нелегко найти это место. Мы очень устали. Есть где-нибудь поблизости место, где можно переночевать?

— Лучшее, что я могу предложить, — это мой дом, — сказал Чандлер. — Могу разобрать пару диванов рядом с камином. Вы не замерзнете.

— Великолпно, — ответил я. — Мы с моим консультантом уже в пути.

— Ты не сможешь заблудиться. Просто езжай вдоль береговой линии. Это относительно большая хижина, стены из красного дерева, отделанные камнем. Крыша шиферная, ставни выкрашены в зелёный цвет.

Он забыл упомянуть, что внутри всё было обшито сосновыми панелями. Но это мы с Терри выяснили сами десять минут спустя.

► 8:13 вечера Сан-Бернардино.

— Алло, шеф? Это Налти.

— Где ты? — спросил Тэд Браун.

— В Сан-Бернардино. Звоню с поста шерифа.

— Какого чёрта ты там делаешь?

— Мы следим за «олдсом».

— Они там?

— Мы ещё их не нагнали их, но им никуда не деться. На выезде из городка мы поставили машину, так что никто не сможет вернуться в Лос-Анджелес, не наткнувшись на нас. Другой дороги тут нет.

— А Марлоу?

— Полагаем, что это он ведёт караван. Кажется, он направляется в какое-то местечко примерно в тридцати милях отсюда. Эрроухед. По крайней мере, человек, соответствующий его описанию, спрашивал, как туда добраться.

— Где это было?

— Здесь, в Сан-Бернардино. Эту информацию мы получили от одной пары.

— Полагаем, что он, кажется... Всё это очень неопределённо, Налти.

— След свежий. Мне нужна помощь.

— Какая?

— Пришлите нам патрульную машину. У шерифа есть одна свободная, но нам нужна ещё одна.

— Дивизию к вам не отправить?

— Надо перекрыть все возможные выезды. У Марлоу было преимущество в двадцать минут, а «олдс», должно быть, сидел у него на хвосте. Мы же не знаем точно, куда он направляется.

— Хорошо, я пришлю тебе патрульную машину. Немедленно найдите Скаллу и Сукесяна. И перестань переживать за Марлоу.

— Вы шутите? Нам надо точно выяснить, куда направляется Марлоу, чтобы догнать «олдс».

— А что это за место, о котором ты упоминал, озеро Эрроухед?

— Место отдыха. Я не знаю, какого чёрта ему там понадобилось. Если только он не везет парня на повеселиться.

— Парня? Какого парня?

— Терри Андресса.

— Сын... был в машине Марлоу? А что делал человек, который был у нас в «Рузвельте», чтобы его остановить?

— Ничего. Он продолжает наблюдать за вдовой. У него был такой приказ.

— Сукин сын. Когда всё это закончится, полетят чьи-то головы.

— Что Вы хотите, чтобы я делал? Мы в точности следуем вашим инструкциям.

— Правда? Ты даже не знаешь, где Марлоу!

— Марлоу вышел из своей квартиры около четырех. Подъехал к «Рузвельту» и забрал Терри Андресса. «Олдсмобиль» ещё не появлялся, поэтому мы держались примерно в ста ярдах позади него. Внезапно он свернул на бульвар Глендейл и помчался как сумасшедший. У него очень быстрая машина — одна из тех маленьких английских спортивных машин, «триумф». Мы потеряли его и понятия не имели, куда он мог деться. Мы продолжили движение по Глендейл, но его нигде не было видно. Мы вернулись на Лост-Каньон-роуд и выяснили, что он заправлялся на полпути в Сан-Бернардино. Тут-то и появился «олдс».

— Повтори-ка.

— Служащий станции техобслуживания вспомнил, что сразу после того, как уехал «триумф», он заправлял зелёный «олдсмобиль 98» с двумя парнями внутри.

— Позволь мне объяснить, как всё, вероятно, произошло, — сказал Тэд Браун хриплым от гнева голосом. — Вы держались в ста ярдах позади машины Марлоу, а они — в двухстах. По сути, Скалла и Сукесян проявились только сейчас; когда вы потеряли Марлоу, они продолжили идти по его следу, не отклоняясь ни на дюйм.

— Если это и так, то у них, должно быть, хороший нюх на него. Марлоу не из тех парней, которые, как бойскауты, рисуют по пути маленькие стрелочки.

— Мне плевать, как они это сделали. Дело в том, что вы его потеряли, а они нет.

— Я же сказал, мы думаем, что они направляются к озеру Эрроухед. Я оставил машину у въезда в Сан-Бернардино, и шериф собирается понаблюдать за горным перевалом. По его словам, там есть только одна приличная дорога, и у них не было другого выбора, кроме как отправится по ней. Когда придёт патрульная машина, я хочу отправить её к озеру.

— Хорошо, но на то, чтобы добраться до Сан-Бернардино, уйдёт больше часа, даже если ехать без остановок. Тебе самому следует туда немедленно отправиться. Есть хоть представление, что им там может понадобиться?

— Шериф сказал, что на озере есть гостиница под названием «Таверна на Северном берегу». Мы собираемся порасспрашивать там.

— Давайте быстрее. Не позволяй этим парням опередить тебя.

— Именно это я и пытаюсь сделать, — сказал Налти.

Он повесил трубку и выплюнул, по меньшей мере, на восемь центов голландского табака.

► 11:05 вечера Биг-Бэр-Лэйк.

— Так вот как, более-менее, обстоят дела, — заключил Чандлер. Он поспешил глоток виски. Затем достал кيسет с табаком и большим, указательным и указательным пальцами начал деликатную операцию по размещению волокон ароматного табака «амфора» в чашечке своей трубки. — Когда Уэйд приехал из Голливуда только якобы для того, чтобы повидаться со мной, и его прорвало от всей этой заботы о Велме Валенто, я начал подозревать, что за этим может что-то скрываться. Сначала я решил, что это может быть что-то личное, вызывающее несколько юношеское беспокойство; затем, приняв во внимание, что за человек, этот Уэйд, я пришёл к выводу, что за всем этим должно скрываться нечто большее. Кусочки головоломки слишком хорошо подходят друг к другу. Здесь почти все элементы, которые нужны для хорошей истории. Лет пятнадцать назад я бы ни секунды раздумывал; засучил бы рукава, а потом бы за хорошие деньги продал его «Чёрной маске» или в «Детектив за десять центов».

Все четверо расположились вокруг камина в главной комнате хижины. Это было тёплое и уютное место. Стены были обшиты светлым, ароматным деревом, камин был сработан из камня, вокруг были встроенные книжные шкафы и полки. У одного из окон Чандлер поставил старый дубовый письменный стол и стул из дерева остролиста с парой подушек. На столе располагались пишущая машинка, транзисторный радиоприемник и высокая стопка машинописных страниц, придавленных пресс-папье. Центр гостиной занимал огромный джутовый или пеньковый ковер, покрытый индейскими узорами и цветами. Тут и там были разбросаны книги и образчики тотемного искусства. Между диванами и стёганым кожаным креслом, которое Чандлер выбрал для себя, стоял низкий, большой стол. На нём громоздились бутылка «талискера», полупустая бутылка «олд форестер», лёд, стаканы и в избытке пепельницы и сигареты.

— Значит, Вы считаете, что Уэйд непосредственно замешан во всем этом? — спросил Марлоу.

Чандлер задумчиво посасывал трубку.

— Уэйд, возможно, не сам лично, — сказал он. — Проблема в таком деле, как это, заключается в том, что в нём нет ничего личного. Уэйд, сейчас, — часть системы. Лет десять назад или больше, когда я его встретил, он тоже был частью системы, но по-другому. Теперь он — неотъемлемая часть производственного процесса. Кинокомпания безгранично сложнее часового механизма; каждая деталь выполняет свою функцию и почти ничего не знает об остальных или о том, чем они все занимаются. Поэтому каждая деталь никогда не получает представления о том, как работает весь механизм. Есть только одно, что знает каждая деталь: если только одна из них запнётся, это парализует весь механизм. Такую катастрофу нужно предотвращать любой ценой — неважно, каким образом. Это относится как к отдельным студиям, так и к Голливуду в целом, задуманному как один огромный и уникальный механизм. Я ясно выражаюсь? — Чандлер, казалось, выплеснул свой вопрос, не ожидая ответа. Он с наслаждением затянулся трубкой и продолжил: — Ну, тогда Уэйд, должно быть, имел довольно хорошее представление о том, что произойдет, если дело Андресса будет тщательно расследовано: скандал поразит весь Голливуд; и чтобы его предотвратить, необходимо воспрепятствовать его распространению. До вечера среды бояться было нечего, но потом он наткнулся у «Люси» на вас двоих. — Трубка неумолимо указала сначала на Велму, а затем на Марлоу. — Цепочка его рассуждений и выводы, к которым он пришёл, были примерно настолько же сложны, как вычисление того, что два плюс два равно четырём. До этого момента Вельма представляла собой единственное, слабое звено; ты, Марлоу, если бы он принял тебя во внимание, стал бы другим. Вы двое вместе больше не были изолированными звеньями; вы были началом цепи, это понятно? Поэтому он и пришёл ко мне, чтобы попросить о дружеской услуге — выяснить, были ли вы старыми друзьями или это совсем недавнее знакомство. Связь с убийством Андресса была слишком очевидна. Именно тогда я начал подозревать, что мисс Валенто может быть в опасности — я до сих пор не знаю, какой именно, но события, которые последовали за этим, дают нам довольно хорошее представление: появление тех двух наёмников, взлом агентства, тайные контракты, о которых упоминал Терри. Для того чтобы закрыть дело Андресса раз и навсегда, стало необходимо обрезать все концы: Мортон был один из них; ты следующий, Марлоу; в конце концов, может настать очередь Велмы; да и твоя очередь тоже может настать, Терри, если они узнают, что ты хочешь докопаться до сути смерти отца. Признаюсь, я в первую очередь беспокоился о Велме, возможно, потому, что мы были соседями, и я всегда был одним из её тайных поклонников. Поэтому я отправился к ней и сумел убедить поехать со мной в Биг-Бэр-Лэйк, пока всё это дело не уляжется. Вы же, джентльмены, принесли с собой оставшуюся часть истории. Ничто из того, что я мог бы добавить, не сможет пролить больше света на происходящее.

— Мы действуем на основе этой теории, — согласился Марлоу. — Теперь мы должны решить, как поступить дальше. Мы столкнулись с машиной, как Вы сказали, — безымянной, безликой, беспристрастной, могущественной организацией с влиянием, возможностями и двумя орудиями, которые на свету, с именами Скалла и Сукесян. Полиция идёт по их следу. Если они здесь ещё задержатся, то полиция их быстро накроет. Не думаю, что Скалла и Сукесян представляют на данный момент самую большую угрозу для нас. Самая большая опасность — это организация, стоящая за ними. И я вижу только один способ разоблачить их: полиция должна схватить убийц Андресса и Мортон и заставить их говорить, а Велма и Терри должны предоставить доказательства, которые прояснят остальное.

— Так что ты предлагаешь, Марлоу? Думаешь, Велме стоит вернуться в Лос-Анджелес?

— Думаю, да. И отправиться прямиком в офис окружного прокурора. Велма?

— Думаю, да. Полиции придётся защищать меня до тех пор, пока они не схватят этих двоих.

— А Вы, Терри?

— Откровенно говоря, да. Это лучшее, что мы можем сделать. Мысль о том, что эти двое убийц всё ещё на свободе, несколько не успокаивает, но если всё обстоит так, как говорит Марлоу, то по их следу идёт целая армия полицейских. Не думаю, что нам есть чего опасаться.

— Тогда принято единогласно, — объявил Чандлер.

— В таком случае, давайте вернёмся завтра утром, — сказал Марлоу. — А ты, Рэймонд? Долго ли ты сможешь оставаться здесь без компании Велмы?

— Я справлюсь, — пообещал Чандлер. — В конце концов, я уже решил приехать и закончить этот несчастный роман. Ла-Хойя меня совсем выхолащивает. Я там онемел, думал, что сбежал из Лос-Анджелеса и от голливудской публики, но даже там находился кто-то, в самое неожиданное время звонящий мне по телефону или стучащийся в дверь. Там также полно соблазнов. Я не выношу одиночества, но, когда я всерьёз собираюсь писать, то я должен делать это в тишине и одиночестве, чтобы никто не заглядывал через плечо и не давал советов.

— А в Ла-Хойе Вы так не могли?

— В Ла-Хойе я был совершенным лицемером. Я притворялся, что ищу одиночества, но на самом деле избегал его всеми доступными способами. Здесь, в Биг-Бэр-Лэйке, мне ничего не остаётся, кроме как принять его. Я хватаюсь это счастливое одиночество, как за бутылку виски, и рано или поздно оно заставляет меня сесть за пишущую машинку.

— Я это была исключительная возможность понаблюдать за Вашей работой, — призналась Велма. — Я очень хорошо знаю, как это делается в Голливуде. Студия даёт своим писателям срок в три, четыре, пять недель, самое большее — пару месяцев, и им приходится запереться в офисе и заполнять страницы совсем без вдохновения или с небольшой его толикой. Но Вы больше не пишете исключительно для Голливуда, и я уверена, что не переживаете об этом.

— Нет, слава Богу, — сказал Чандлер. — Я уже прошёл эту стадию и очень хорошо её знаю. Я совершенно сыт по горло историями, быстро набросанными, пристроившись на краешке стула. Теперь меня ничто не удовлетворяет, кроме как творить, откинувшись на спинку удобного дивана, с трубкой во рту. Добавьте двойной скотч, и остальное придет само по себе, ну, или, вообще, не придёт.

— Но в Вашем случае это всегда приходит, — заметил Терри.

— Хотел бы я, чтобы это было так. Но это не так. Я работаю над романом уже три года и всегда далёк от его завершения. Я устал, да и герой моего романа тоже. Ни он, ни я не знаем, как выбраться из той переделки, в которую мы влипли. Иногда мне кажется, что лучше всего было бы сдаться и смириться с тем, что я войду в краткую историю американского детективного романа в качестве автора «Долгого прощания» и четырех или пяти менее значимых произведений, а также дюжины действительно стоящих историй. Но я не знаю, какая навязчивая идея заставляет меня написать этот последний; это похоже на необходимость закончить цикл. Роман, созданный из фрагментов и остатков того, что постоянно у меня оставалось, — сшить всё это вместе, как индейцы шьют свои одеяла, своего рода мозаика.

— Мозаика? — спросила Велма. — Потрясающе, — а почему бы и нет? Если эта техника применима для одеял и коллажей, не понимаю, почему с нею нельзя создать хороший роман.

— В какой-то момент я даже подумывал его так и назвать, — ответил Чандлер. — Но потом выбрал другое название: «Воспроизведение». Знаете, этот технический трюк так часто можно увидеть в кино: актер появляется перед публикой, шевелит губами и изображает

певца, но на самом деле голос исходит из поцарапанной пластинки или магнитной ленты где-то позади него. Обычно голос принадлежит кому-то, кто давно уже перестал петь, кому-то, кто уже умер или навсегда замолк. Так я себе это представляю. И я действительно не знаю, чей голос звучит за занавесом, если только это не голос моего собственного призрака; но то, что я делаю, когда сажусь туда, — меланхолическим взглядом он указал на стол, где безмолвно пылился портативный «андервуд», — то, что я делаю, — это своего рода карикатура. Набор пустых жестов, которые даже не очень хорошо согласуются со звуками, доносящимися из-за моей спины, из прошлого. Я никогда не был хорошим актером, и поэтому поневоле это не может стать спектаклем с хорошим воспроизведением.

— Это утверждение может быть либо пафосным, либо трогательным, — сказала Велма с почти материнской привередливостью, — но это ни то, ни другое, потому что по сути оно ложно. «Воспроизведение» — потрясающая идея. Блестяще и оригинально. И раз уж мы заговорили о том, запомнят ли Вас за «Долгое прощание» и другие менее значимые романы — за последние сутки, Рэймонд, я уже слышала это дюжину раз, — для меня это звучит как проявление ложной скромности. У меня на памяти список из, по крайней мере, четырёх или пяти произведений, которые нельзя назвать незначительными. Когда кто-то написал полдюжины романов, проданных сотнями тысяч в этой стране и за рубежом, а также участвовал в создании многих из лучших детективных сюжетов — те самые немногие хорошие сценарии, реализованные в Голливуде за последние несколько лет, — и является автором статей и эссе, не всегда хвалебных по отношению к представителям моей профессии, но опубликованных в некоторых самых престижных журналах в нашей стране, то он не может считать себя незначительным писателем. Это Вам не идет, Чандлер, это заставляет Вас казаться постаревшим и размякшим. Это самое здоровое, что я могу Вам сказать.

— Вы так думаете? — Чандлер задумался, вероятно, спрашивая себя, не слишком ли этот побудительный упрёк напоминал ему о некоторых спорах, которые были у него с Сисси или, совсем недавно, с Наташей Спендер, Хельгой Грин или любой другой из немногих женщин, которые действительно наполняли его жизнь.

— Моя личная трагедия — только между нами и без ложной скромности — заключается в том, что я начал писать слишком поздно и никогда не чувствовал себя слишком выдающимся писателем. В каждом поколении есть несостоявшиеся писатели, люди, которые кажутся неспособными достаточно ярко выразить себя на бумаге, люди, чьё творчество всегда приводит к чему-то несущественному. Часто, как в моем случае, они начинают поздно и имеют чрезмерно развитое чувство критики. Временами им не хватает так нужного эгоизма, и они думают, что жизнь других людей так же важна, как и их собственная, а счастье других так же важно, как выражение и их собственносамовыражение, если таковое у них есть. Мне представляется, что я один из них. Я добился достаточного материального успеха, чтобы понять это явление, но мне не хватает того определённого ощущения предназначения, которое необходимо, чтобы поверить в то, что то, чем я занимаюсь, имеет значение.

— В данном случае Ваше собственное суждение, возможно, представляет наименьший интерес, — прервала его Велма. — Мнение других о вашем творчестве гораздо важнее. Возможно, Вы считаете себя просто ещё одним автором детективов, — а мы уже знаем, что существует очень глубокое предубеждение против детективного романа, как если бы это был второстепенный жанр, предназначенный для отвлечения внимания или развлечения, просто потому, что их много опубликовано, и они всем нравятся. Но Ваш случай совершенно особый: Вам удалось создать детективные романы, которые содержат нечто большее, чем простая интрига и преступление; Вы создали персонажей, Вы описали город и определенную среду, такую как голливудское и лос-анджелесское общество, так,

как никто никогда не описывал их раньше. Это ставит Вас в один ряд с великими североамериканскими писателями. Это не мнение литературного агента, Рэймонд, это просто мнение внимательного читателя Ваших произведений. И, должна добавить, обычно довольно требовательного читателя.

— Чёрт, кто бы мог подумать, что мне когда-то придётся всё это о себе выслушивать, — улыбнулся Чандлер. — Вы легко могли бы меня убедить, Велма; Вы слишком хорошенькая и кажетесь совершенно искренней, а я обожаю и то, и другое. Но я всё равно признаю Вам в одной вещи: если я действительно завидую кому-то, так это тем, кто считает, что искусство и литература стоят любых жертв, которые должны быть принесены, чтобы в них реализоваться, а я не один из них. Я слишком люблю деньги и успех — возможно, тот факт, что они пришли поздно, заставил меня полюбить их ещё больше. Мой привет потомкам — это большой палец у кончика носа и растопыренные пальцы в воздухе. Редакторы и агенты читают слишком много рецензий, потому что их бизнес, естественно, этого требует. Но кто такие, в конце концов, критики? Большинство из них — маленькие люди, чье достоинство и авторитет зависят от увековечения горстки ложных ценностей, придуманных другими критиками, которые также были маленькими людьми. Я могу признать, что, хотя я и не считаю себя великим писателем, мои стандарты слишком высоки, чтобы позволить мне стать большим поклонником успешных посредственных писателей, и слишком оригинален, чтобы заставить себя переживать за то, что говорят эти мудрецы.

— В заключение, — добавил он после паузы, — хоть это и не так важно; но писатель, чтобы стать таковым, должен быть хорошим обычным парнем, а не голодающим гением, как Лафорг⁷⁷, или одиноким человеком, как Гейне⁷⁸, или сумасшедшим, как Достоевский⁷⁹. И, прежде всего, он не должен быть автором детективов, которому всё легко даётся и который боится заговоров, как до некоторой степени описывают меня самого.

— Достоевский также был, по сути, хорошим автором детективов, — сказал Терри. — На самом деле, потрясающим. Его такие романы, как «Преступление и наказание», «Братья Карамазовы», «Бесы» и даже «Идиот», по сути, являются детективными; они предлагают преступление, тайну и поиск виновных. И читателю также с самого начала представляется загадка. Разве это не более или менее определение детективного романа?

— Данное обсуждение могло бы продолжаться всю ночь, весь завтрашний день и ещё несколько недель после, — ответил Чан длер. — Но дело в том, что вам завтра надо уехать, и было бы лучше сделать это пораньше. Так что мы можем снова затронуть эту тему в следующий раз. На мой взгляд, разница не в жанре романа, над которым работаешь; есть только одно действительно важное отличие хороших писателей от плохих. Хороший писатель — это такой, который способен отказаться от всего остального, чтобы полностью посвятить себя своему творчеству, даже если при этом он рискует умереть с голоду. Не обязательно из-за храбрости, которую подразумевает данный поступок, а скорее потому, что это единственное доказательство того, что для него литература, или, лучше сказать, необходимость быть писателем, гораздо важнее всего остального. Когда-то я знал некоторых голливудских писателей, которые говорили мне, что пишут, потому что им это нужно, или потому, что это удобный способ зарабатывать на жизнь и путешествовать по огромному миру, но, когда приходит время, они ненавидят писать. А писатель, который фактически ненавидит писать, который не получает никакой радости от создания словами волшебства, для меня, вообще, просто не писатель. По-настоящему писать — это то, ради чего вы живёте. Остальное — это то, через что вы должны пройти, чтобы добраться до сути. Как вы можете ненавидеть писать? Что в этом есть такого, что можно ненавидеть? С

⁷⁷ Жюль Лафорг (*франц.* Jules Laforgue; 1860 — 1887) — французский поэт-символист.

⁷⁸ Христиан Иоганн Генрих Гейне (*нем.* Christian Johann Heinrich Heine, 1797 — 1856) — немецкий поэт, публицист и критик позднего романтизма.

⁷⁹ Здесь нужна сноска?

таким же успехом можно сказать, что человек любит рубить дрова или убирать в доме и ненавидит солнечный свет, или ночной ветерок, или покачивание цветов, или росу на траве, или пение птиц. Как вы можете ненавидеть волшебство, которое создаёт абзац, предложение, строку диалога или описание чего-то и является чем-то вроде творения чего-то нового?

Вопрос повис в густом, задьямлённом воздухе. Марлоу наклонился к столу, отхлебнул виски и закурил одинокую сигарету «кэмел», остававшуюся зажатой в смятой пачке.

— Боже мой, это было больше похоже на оргию с табаком и алкоголем, чем на литературную дискуссию, — сказала Велма, очевидно, с намерением нарушить это застывшее молчание.

— Насколько я понимаю, это последняя на сегодня, — сказал Марлоу.

— Камю⁸⁰ однажды сказал, что есть две сигареты, от которых нельзя отказаться, — припомнил Терри. — Последняя вечером и первая утром.

— А кто это, сынок? — спросил Чандлер.

— Альбер Камю. Разве Вы не читали «Незнакомца»? По-своему, это тоже детективный роман.

— Он переводился? Я очень плохо читаю по-французски, или, лучше сказать, я вообще перестал читать по-французски.

— В любом случае, он прав, — признал Марлоу, поднимаясь на ноги. — Самая первая сигарета утром — та, которая стирает горький вкус последней сигареты, выкуренной накануне вечером.

У него было смутное ощущение, что он кого-то цитирует, но, вероятно, это был просто результатом вдохновения, вызванного этой бессонной ночью после долгого дневного путешествия.

► **9:45 утра Биг-Бэр-Лэйк.** После обильного завтрака в горах мы попрощались с Чандлером. Непокойная погода наконец окончательно преодолела баррикаду из горных вершин; небо выглядело ясным, как зеркало, и под косыми осенними лучами солнца маленькое Большое Медвежье озеро казалось накрытым листом лазурита. Сухой, холодный воздух глубоко проникал в мои легкие. Я сел за руль «триумфа» и дал мотору прогреться. Велма задержалась, вырываясь из меланхоличных и отчасти вызванных опьянением объятий Чандлера; он, вероятно, уже был в неё немного влюблён. Терри наблюдал за ними, со всей своей юношеской серьёзностью. В сыром утреннем свете борода и бледная кожа делали его похожим на индуистского аскета или одного из долговязых мучеников с картин Эль Греко. Я спросил себя, о чём он может думать и каковы его нынешние чувства к Велме. Я закурил первую сигарету за день, ту самую, которая должна была стереть горечь смолы и никотина моего последнего «кэмела», выкуренного накануне вечером. Впервые обратил внимание на эффектную панораму, открывающуюся с того места, где мы находились. Озеро простиралось на восток до тех пор, пока не терялось за поросшим соснами полуостровом, а серые стены величественных гор Сьерра-Невада на южном берегу изгибались на запад через маленький городок и пропадали в каньоне. Вдоль этой стены тянулась дорога, пятнадцатимильная гравийная дорожка, извивающаяся по краю пропасти, как узкая опасная змея. Далеко-далеко океан исчезал за недостижимым горизонтом, как бледная, рассеянная, туманная береговая

⁸⁰ Альбер Камю (*франц.* Albert Camus; 1913 — 1960) — французский философ, иногда относимый к направлению экзистенциализма, а также журналист, писатель, драматург, публицист и эссеист. Автор известных произведений «Посторонний» (1942), «Чума» (1947) и прочих, лауреат Нобелевской премии по литературе 1957 года.

линия. Мы не торопились, но я нервно взглянул на часы. Велма встала рядом со мной. Терри скользнул на дальний конец сиденья, захлопнул дверцу и открыл окно, чтобы помахать одинокому Чандлеру, стоящему в дверях хижины. Его трубка торчала из уголка рта, челюсти обвисли, а руки покоились в карманах. Это было прощание, но не обязательно долгое или последнее. Я съехал с обочины.

Мы остановились у «Плюшевого мишки», чтобы пополнить запасы «олд форрестера» и сигарет. Велма и я остались в машине.

— Что это? — спросила Велма. — Начало чего-то или наоборот конец?

Я склонился к ней и поцеловал.

— Я бы сказал, что это больше похоже на середину пути.

Терри вернулся с бутылкой и парой пачек «кэмела». Выглядело так, как будто мы собирались куда-то на выходные. Была суббота, и пьянящее величие утра поощряло такие мысли. Я включил радио. На концертной записи «Бездельники с набережной» Наппи Ламарра со старинной яростью напали на «Вечнозеленую прогулку» из фильма «Высшее общество», кларнет Мэтти Мэтлока голосил своё соло, как какой-то вдохновенный, праведный вызов. Мы покрыли несколько миль, огибая западный берег Большого Медвежьего озера, и оказались в ущелье. И тут я случайно взглянул в зеркало заднего вида. Это было в первый раз, когда я заметил зеленый «олдсмобиль», примерно в ста ярдах позади нас. Во внешнем виде машины не было ничего зловещего, но я сразу же понял, что она слишком быстро нас догоняет. Я нажал на акселератор и принялся увеличивать расстояние между нами.

Было бы безумием пытаться проехать по этой узкой полоске рассыпчатого гравия со скоростью более сорока-пятидесяти миль в час⁸¹. В «олдсе», похоже, смотрели на вещи иначе. Я практически направил машину в пропасть и сделал первый безрассудный поворот, не убирая ногу с педали газа. Если бы с другой стороны поворота к нам приближалась машина, случилась бы катастрофа, но мне пришлось рискнуть.

— Что такое? — спросила Велма с испуганными глазами. — Ты гонишь как сумасшедший.

— Нас преследуют, — ответил я. — Мы должны выбраться из каньона как можно скорее, иначе нас загонят в угол.

Терри и Велма одновременно повернули головы назад. «Олдс» был теперь примерно в двадцати ярдах от нас. Это была солидная, тяжёлая машина, она хорошо держалась на гравийной дороге и могла позволить себе роскошь, которую с лёгким, изящным «триумфом» не мог позволить себе я.

— Это они, — сказал я, теперь уже без малейших сомнений, — Скалла и Сукесян. — Мне даже удалось частично разглядеть обрюзгшего Скаллу в маленьком зеркале заднего вида. — Давай помолимся, чтобы нам удалось убраться отсюда раньше них.

— Куда? — выдохнул Терри.

— По крайней мере, до озера Эрроухед. Как только мы окажемся на асфальте, они нас не достанут.

Мы начали спускаться по прямой. Условия стали идеальными для того, чтобы «олдс» мог вырваться вперед, и я получил подтверждение, что он догоняет нас со скоростью не менее восьмидесяти миль в час⁸². Я нажал на педаль газа и почувствовал, как «триумф» заскользил, и из-под его передних шин камешками полетели сначала в одну сторону, а затем в другую. «Олдс» рванулся вперед и умудрился врезаться в наш задний бампер. Нас бросило вперед, но я продолжал движение.

⁸¹ Около 64-80 км/ч.

⁸² Около 132 км/ч.

— Боже мой! — ахнула Велма. — Нам никуда не деться!

Я прибавил скорость и снова направил машину к гранитной стене. Если Скалла планировал столкнуть меня с обрыва, я не собирался давать ему такой шанс. Но перспектива быть размазанным о гору меня также не радовала. Я посмотрел в зеркало и увидел, как Сукесян высунул из окна руку с пистолетом 45-го калибра. Теперь они были в десяти ярдах позади меня. Следующий поворот был примерно в пятидесяти ярдах; я открылся, чтобы повторить свой последний маневр. Они начали вторую атаку; мне удалось достаточно ускориться, чтобы суметь уменьшить её воздействие. Велму и Терри подтолкнуло и бросило к лобовому стеклу.

— Ляг на сиденье! — заорал я.

Я сделал поворот и снова оказался в пятнадцати-двадцати ярдах перед «олдсмобилем». Раздался выстрел, что-то просвистело, когда пуля задела «триумф», вызвав вереницу эха вверх и вниз по всей длине каньона. Передо мной было два крутых поворота, и на минуту «олдсмобиль» исчез у меня из зеркала.

— Не поднимайте головы, — сказал я Велме и Терри. — В нас стреляют.

— Но как... — я услышала, как Велма дрожащим голосом начала себя спрашивать: — Как они могли нас здесь найти?

Был не самый лучший момент, чтобы перечислить все возможности. Я совершил второй поворот, и мы вышли на длинный, ярдов в шестьсот, прямой участок дороги вниз по очень пологому холму. Я довёл стрелку на спидометре до цифры семьдесят⁸³, но другая машина вновь появилась в зеркале заднего вида. Я считал, что у меня будет возможность от них оторваться, но Скалла тоже оказался опытным водителем. Зеленая морда «олдсмобилия» начала увеличиваться в зеркале, и я понял, что они нагонят нас ещё до следующего поворота. Гонка должна была продлиться еще четыреста ярдов. Я ускорился до предела благоразумия и поднял взгляд. И тут одновременно я увидел следующую атаку Скаллы и следующий слепой поворот. Я повернул руль влево, увеличив расстояние между собой и краем пропасти как раз в тот момент, когда «олдсмобиль» приблизился чтобы покончить с нами. Длинная рука Сукесяна пару раз нажала на спусковой крючок 45-го калибра, и Скалла попытался изменить цель, но я не дал ему времени. Как только они поравнялись с нами, я повернул к краю дороги и пришпорил «триумфом» переднее крыло «олдсмобилия». Я должен был обратить силу их собственной атаки против них. Скалла крутил рулём как сумасшедший, и я увидел палец Сукесяна на спусковом крючке пистолета. Он собирался выстрелить в нас в упор. Именно в эту долю секунды я атаковал. Раздался сильный хруст рам и шасси, и мы услышали резкий визг тормозов «олдсмобилия». Это было самое худшее, что мог сделать Скалла. Сукесяна по инерции бросило вперёд. Выстрел утонули в общем шуме; пуля просвистела мимо нас, скользнула по лобовому стеклу «триумфа» и выбила скальные брызги из склона горы. Скалла не мог избежать поворота, который жадно устремился к нему; «олдсмобиль» пронёсся по гравию, поднял облако пыли, затмившей чистый утренний свет, и рухнул с обрыва. Я почувствовал, как «триумф» опасно заскользил по гравию, но столкновение с другим автомобилем уменьшило его импульс. Я нажал на тормоза и сумел остановить машину как раз в тот момент, когда её колёса уже хотели оказаться над пустотой. Я выскочил из машины и побежал к глубоким следам от шин, отмечавших отчаянную попытку Скаллы затормозить, когда перед ним неожиданно возник поворот; дальше, в куче пыли и гравия, было видно точное место, где «олдс» перевалил через край. Через несколько секунд ко мне присоединились Терри и Велма.

⁸³ Около 113 км/ч.

Зрелище не выглядело жизнерадостно, но и не было полной катастрофой. Тяжёлая машина уверенно продралась сквозь камни и кусты и, в конце концов, перевернулась, врезавшись в барьер из сосен. Дверь, обращенная вверх, начала медленно открываться навстречу небу, и Сукесян с трудом начал выбираться из машины, как какое-то привидение из могилы. Вслед за ним появился Скалла. Двое мужчин были совершенно ошеломлены происшедшим, все в крови, их одежда превратилась в лохмотья, но они были всё ещё живы. Я побежал к «триумфу»; бедняжка выглядел ужасно. Я достал из бардачка «вальтер». Скалла и Сукесян не собирались оказывать никакого сопротивления. Они царапали камни ногтями и тянулись к кустам в отчаянной попытке выбраться на дорогу.

И вдруг, как будто только и ждали, чтобы появиться, когда опустится занавес в конце этого действия, на сцену с противоположных сторон ворвались синий «форд» Налти и полицейская патрульная машина. На повороте обе машины резко затормозили. Я повернул голову и увидел, как приближается Налти, надвигаясь на нас всеми своими более, чем двумястами фунтами⁸⁴ веса. В руке он держал «кольт», а за ним бежали ещё двое полицейских. Из патрульной машины вышли четверо офицеров в форме; у двоих из них были «томпсоны»⁸⁵.

— Как тебе это удалось? — прокричал Налти, глядя в ущелье. — Мы видели, как «олдсмобиль» выехал из рощи и бросился за вами, как только вы оказались в каньоне. Я думал, что еду быстро, но, чёрт возьми, мы потеряли тебя из виду после первого же поворота.”

Скалла и Сукесян продолжали свой мучительный подъем по валунам. Внезапно, в разгар своего оцепенения, они, казалось, заметили полицейских, поджидающих их на краю дороги. Оба застыли на месте, затем выпрямились и медленно подняли руки вверх.

— Огонь, — сказал Налти полицейским, целившимся из «томпсонов».

Я недоверчиво посмотрел на него.

— Не делай этого! — удалось мне прокричать. Я в бешенстве бросился к двум полицейским как раз в тот момент, когда раздался оглушительный грохот автоматных очередей. Тела Скаллы и Сукезиана конвульсивно вывернулись; на мгновение показалось, что они собираются отправиться в открытый космос, но в конце концов они тяжело рухнули на выжженную землю. Я повернулся к Налти со всей яростью и злобой, на которые был способен.

— Зачем ты это сделал! — прокричал я ему в лицо. — Зачем тебе понадобилось их убивать? Они были невооружены и в любом случае они долго бы не протянули.

— Это была пара убийц, — сказал Налти. Его лицо по-прежнему оставалось бесстрастным. Если ему и было что скрывать, или если внутри он что-то и чувствовал, то никак не позволил этому проявиться.

— Был единственный способ докопаться до сути, — сказал я тоном, в котором смешались гнев и отчаяние, как будто ещё можно было что-то исправить. — А теперь нам это никак не удастся.

— До сути чего? — сказал Налти тем же непреклонным тоном из-за своего неподвижного каменного лица. — Эти двое убили твоего друга Мортон. Пуля или электрический стул, какая разница? Мы просто избавили их от нескольких часов избиений и покаяния.

Я просто стоял там и недоумённо смотрел на него.

⁸⁴ Более 90 кг.

⁸⁵ Пистолет-пулемёт Томпсона (*англ.* Thompson submachine gun) — американский пистолет-пулемёт, изобретённый в 1918 году Джоном Тальяферро Томпсоном. Свою славу это оружие приобрело во время Сухого закона в США, став самым распространённым и любимым оружием не только среди офицеров полиции, но и членов различных американских преступных группировок.

— Настоящими убийцами Андресса и Мортонa были не они, — пробормотал я сквозь зубы.
— Настоящие убийцы стояли за ними. А ты всё устроил так, чтобы мы никогда не узнали, кто они.

Налти закурил толстую сигару и впервые взглянул на меня как-то иначе, чем из-под застывшей маски опытного полицейского.

— Брось, Марлоу, не принимай это так близко к сердцу, — сказал он. — Ты хорошо поработал и должен чувствовать себя более чем удовлетворенным. Твой друг отомщён, и ни тебе, ни мисс Валенто, ни Андрессу-младшему больше нечего бояться. Что ты хотел узнать? Кто стоял за Скаллой и Сукесяном? — Он выпустил большой клуб дыма в сияющее утреннее небо и стоял, наблюдая, как это облако быстро растворяется в воздухе. Полицейские спустились туда, где остались лежать изрешеченные тела Скаллы и Сукезиана, и приступили к процедуре опознания.

— Никто не стоял за Скаллой и Сукесяном, — добавил Налти. — Или, если ты хочешь услышать что-то другое, за ними стояла система. Понял, к чему я клоню? Система, Марлоу. Ни ты, ни я, ни все полицейские во всём штате не сможем поднять вооруженное восстание против всей этой системы.

Несколько секунд мы молча смотрели друг на друга. Я поставил «вальтер» на предохранитель и бросил пистолет к его ногам. Поднялось небольшое облачко пыли, когда он с сухим звуком ударился о гравий.

— Сохрани это как сувенир, — сказал я Налти. — Я ухожу из профессии.

Я повернулся к Велме и Терри, которые стояли в нескольких шагах позади меня. Мы втроём молча направились к «триумфу».

ОБ АВТОРЕ

Хибер Контерис, известный уругвайский писатель и интеллектуал, находился у себя на родине в заключении по политическим мотивам с 1976 по 1985 год. Находясь в тюрьме, мистер Контерис написал четыре романа, книгу рассказов и три пьесы. После смены правительства был освобождён и переехал в Соединенные Штаты, где в настоящее время является приглашенным профессором испано-американской литературы в Университете Висконсина в Мэдисоне. По его прибытии губернатор Висконсина провозгласил 14 мая 1985 года Днём Хайбера Контериса.

Г-н Контерис является почётным членом ПЕН-клуба⁸⁶ и, среди множества других наград, лауреатом премии «Letras de Oro⁸⁷» Университета Майами.

⁸⁶ ПЕН-клуб (*англ.* PEN International) — международная правозащитная неправительственная организация, объединяющая профессиональных писателей, поэтов и журналистов, работающих в различных литературных жанрах.

⁸⁷ Золотые буквы (*исп.*)

Хибер Контерис

“Увлекательный и остроумный роман, написанный с поразительным совершенством, несомненно, привлечёт внимание любителей триллеров по всему миру.”⁸⁸

— «Диарио 16», Мадрид

⁸⁸ Из критического отзыва на оригинальное испанское издание.

АВТОРЫ «ЧЁРНОЙ МАСКИ»

Встреча авторов «Чёрной Маски», 11-ое января 1936 года

Стоят (слева направо):

Рэймонд Дж. Моффат⁸⁹, Рэймонд Чандлер, Герберт Стинсон, Дуайт Бэбкок, Эрик
Тэйлор, Дэшил Хэмметт

Сидят:

Артур Барнс, Джон К. Батлер, У.Т. Баллард, Хорас МакКой, Норберт Дэвис

⁸⁹ Рэймонд Дж. Моффат не являлся автором «Чёрной Маски».